

**ПОД
ЗАПРЕТОМ**

Сойер Беннетт

1 глава

Эмили

— Эмили... поторапливайся, или мы опоздаем!

Я тяжело вздыхаю, когда слышу, как меня зовет мама. Надеваю на себя драгоценности и мельком бросаю взгляд на свои часы Patek Philippe. У меня в запасе есть еще десять минут до выхода, поэтому я стискиваю зубы от того, насколько моя мать контролирует меня.

Делая глубокий размеренный вдох, я повторяю про себя, что осталась неделя, и затем я уеду отсюда.

— Я спущусь через минуту, мама! — изо всех сил стараюсь поддерживать иллюзию радости в своём голосе, чтобы она не заподозрила, какие чувства я испытываю по отношению к ней на самом деле.

С того момента как я вернулась в Бостон, лето было просто отвратительным. Я очень хотела остаться в Нью-Йорке после окончания второго года обучения в Колумбийском, но мама настояла на моём возвращении, чтобы я могла посетить множество политических и общественных приемов вместе с моими родителями. Мой отец, конгрессмен Алекс Бёрнэм, в течение последующих двух лет будет пробовать баллотироваться в президенты, и моя жизнь, мои решения были в руках моей матери, которая жаждала показать прессе, что мы идеальная семья.

Поэтому на протяжении всего лета меня приводили в порядок: оттачивая мои навыки, делая меня более элегантной и объясняя мне, как следует правильно вести себя перед камерой. За меня подобрали весь гардероб и нашли мне молодого, состоятельного парня, который сопровождал меня на приёмы. Мама не позволяла мне покидать дом, не проверив, одета ли я должным образом, и иду ли я с тем, с кем полагается.

Словно свинцовая ладонь, сдавливающая моё горло так, что я задыхаюсь.

«Всего лишь одна неделя, — продолжаю твердить про себя словно мантру, — и затем я уберусь отсюда».

Когда думаю о том, насколько я изменилась за последние несколько лет, мне кажется это нереальным. Раньше я обожала свою светскую жизнь со всеми ее достоинствами в виде дорогой дизайнерской одежды, высокомерных фальшивых друзей и вереницы приёмов и вечеринок. Теперь же, я готова отдать что угодно, лишь бы побыть нормальной и простой девушкой, которая учится в колледже, может уйти гулять с кем хочет или скрыться дома ото всех, когда этого хочет. Как же дорого стоит удовольствие принимать решения самой.

Многими изменениями в характере я обязана моему брату Райану. Три года назад он встретил свою единственную и неповторимую любимую девушку Данни. Да, теперь я могу честно признать... поначалу она мне ужасно не нравилась, и сейчас меня одолевает стыд за то, что, не зная ничего об этой девушке, я стала осуждать ее. Я была словно послушная собачка, когда моя мать сказала мне, что Данни плохая и ее нужно ненавидеть, что я и делала.

И знаете, следовать приказам матери было совсем несложно. Я имею в виду, она рассказала мне, что Данни работает в закусочной, красит волосы в фиолетовый цвет и на ее лице пирсинг. Одним словом, потаскушка и просто грязная дешёвка. Я думала, это было правильно, но было ли?

Все было очень-очень неправильно и не так, как казалось на первый взгляд.

О, как же я ошибалась. Как же я была наивна.

Я никогда не была по-дружески близка с Райаном, пока мы росли. Нас разделяло четыре года разницы, плюс он всегда не особо подчинялся родительским наставлениям.

В отличие от меня. Словно как та крыса, которая следовала за Крысоловом, я бездумно подчинялась желаниям матери. (прим. перев. Гамельнский крысолов, гамельнский дудочник — персонаж средневековой немецкой легенды.)

Во всяком случае, Райан по уши влюбился в Данни, и я на тот момент совершенно это не понимала. Но я была заинтригована, снедаема любопытством, поэтому решила поговорить с ним об этом.

Именно за этим последовали два важных момента, которые помогли мне полностью переоценить и решить, каким я хочу быть человеком в будущем

Во-первых, Райан поговорил со мной честно, скрупулёзно объясняя мне, почему он влюбился в Данни. Причины, которые он мне предоставил, были сказочными... Я не верила в существование такого. В мире, в котором я жила, люди встречались и женились не потому, что влюблялись или были покорены добротой, а из-за банковского счёта, и в том случае, если обе стороны устраивал капитал, что стоит за каждой из сторон, то свадьба и отношения одобрялись. Но Ри никогда не был таким... он всегда хотел влюбиться раз и навсегда и послать все к чертям, чтобы просто быть счастливым.

Райан сказал мне, что он влюбился в Данни, потому что она добрая, душевная, умная и очень заботливая. Да, да, именно так, но я думала, что он говорит так, потому что просто с ней спал...

И я была неправа.

И во-вторых, на мои душевные перемены очень повлиял обед с Данни. После разговора с Райаном я решила узнать девушку получше и пригласила ее на обед. Меня до сих пор терзали мысли по поводу того, что как бы мы с матерью тогда не старались разбить и разлучить их пару, любовь все равно восторжествовала, и они снова сошлись.

Естественно, моя мать не знала о встрече с Данни, это все происходило за ее спиной.

Я все ещё отчётливо помню тот день, когда я сидела напротив Данни. Она была божественно красива, но я уже и так знала это. Я видела ее, когда мы с матерью приходили к ней в закусочную, и я вела себя с ней как стерва. Я не извинилась в первые минуты, когда мы встретились, я все ещё жаждала убедиться, что все, что мне рассказал Ри, правда.

Во время обеда меня немного сбивали с толку ее фиолетовые кончики волос и колечко в носу, но в тот раз я слушала Данни, я имею в виду, слушала, что она говорит, как она говорит и о чем.

И к концу обеда я чётко поняла, почему Райан влюбился в неё без памяти. Чёрт, даже я полюбила ее, так как она настоящая, не скрывает ничего и говорит прямо без утайки, она не подшучивает и не издевается, ей не было разницы, во что я была одета и какие на мне были украшения. Я ей была важна как личность, как человек.

У неё было все, чего не было у меня. Она была безгранично доброй и никого не осуждала. Несмотря на то, что пережила в жизни, она смотрела на мир с широко открытыми глазами, в которых плескалась доброта, она воспринимала окружающую действительность, будто это ее тихая гавань, и она не ждала подвоха. Данни просто жила. Она рассказывала мне о своей жизни, и я пару раз даже открывала рот от ужаса, мне было невдомек, как такая хрупкая девушка справилась с трудностями и сохранила способность улыбаться людям.

К концу нашего обеда произошло пару важных перемен. Я искренне извинилась перед Данни за свое поведение и за то, что думала о ней. Ну а Данни, с присущей ей добротой, даже не подумала принимать от меня извинения, сказав, что это все мелочи. Она прекрасно поняла, что я была просто под влиянием матери и защищала ценности, которые близки нашей семье. А затем она сказала, что хотела бы подружиться со мной и забыть все, что было до этого.

Теперь понимаете, почему я просто влюбилась в неё?

А после обеда произошло нечто такое, что ввело меня в замешательство и полностью уничтожило моё представление о наших ценностях, я поняла, что всегда вела себя как полнейшая стерва. Посмотрев на то, как Данни принимает людей такими, какие они есть, в том числе и меня, я поклялась себе, что изменюсь. От прежней высокомерной Эмили не останется и следа. Мне нужно было разрушить все те стереотипы, что я выстроила вокруг себя, и мне нужно стать хорошим человеком, более открытым. Ко всем людям.

И следующие два года, которые я провела, обучаясь в Колумбийском университете, были самыми счастливыми в моей жизни. Я поставила перед собой цель быть более открытой с людьми. Я хотела попробовать все, в чем себе отказывала.

Свобода была опьяняющим чувством.

Я была вдалеке от родителей, что позволило мне познакомиться с хорошими, веселыми и интересными людьми. Определённо, если бы я привела моих друзей домой, моя мать бы их возненавидела. Мысль, что это разочаровало бы мою маму, наполняла меня отчаянной радостью, и это подтверждало, что больше нет идеальной Эмили, но есть новая, простая и открытая, добрая Эмили.

Но самое лучшее в этом то, что Райан подписал контракт с «Нью-Йорк Рейнджерс»¹, а Данни вернулась в Джульярд, поэтому я проводила с ними очень много времени. Я много упустила до этого, поэтому была рада, что мы наверстали и построили с Райаном более тесные доверительные отношения, а с Данни стали лучшими подругами.

Только одна вещь расстраивала и омрачала моё существование на тот момент: мне необходимо было вернуться на летние каникулы в Бостон.

Не поймите меня неправильно. Я обожаю Бостон и люблю родителей, несмотря ни на что. Но это, к сожалению, означало, что мне придётся вернуться под гнет тотального контроля моей матери. И теперь я тщательно играла свою роль. Роль высокомерной Эмили, которой больше не было. Скорее всего, моё будущее уже было распланировано, где меня ожидал Голливуд и богатый жених, поэтому возле матери мне приходилось вести себя высокомерно, как и подобает светской львице. Я даже могла перекинуться парой слов с моими бывшими друзьями, и они все ещё считали меня прежней, общаясь со мной как раньше.

Слава богу, мне осталась всего неделя каникул, и я отправлюсь обратно в Колумбийский. Я безумно скучала по Нью-Йорку. Скучала по Райану и Данни, скучала по своей забавной соседке Фил.

Фил была ярким примером моего рвения стать лучше, получить опыт в том, чего никогда не умела — не осуждать. На первом курсе мы были заселены в одну комнату, и мы стали отличной проверкой на прочность друг другу. Думая сейчас о нашей первой встрече, я удивляюсь, как мы не поубивали друг друга.

Родители не потрудились помочь мне при заселении, поэтому я попросила Райана и Данни. Спустя десять минут дверь, после их ухода, с грохотом распахнулась. Я в это время

как раз застигла кровать, и, выпрямившись, увидела стройную, высокую девушку, которая замерла на пороге комнаты. Она была одета в потертые джинсы Levi's, простую белую футболку и старенькие кроссовки. Она была очень симпатичной, обладала восхитительной кожей с оливковым оттенком, и у неё была крайне провокационная причёска — короткий ёжик. На лице не было макияжа, но ей этого и не надо, у неё была природная красота и шикарные пронзительные голубые глаза.

Как только я отвела взгляд и прекратила ее разглядывать, услышала колкую издевку, обращённую ко мне, но знаете, не скажу, что была шокирована ее словами.

— Оу, вы только посмотрите, да меня поселили с мисс Светская львица

Я оглядела себя, но толком не поняла, как она догадалась о стоимости моих вещей. На мне были джинсы от True Religion, но они стояли триста долларов. Я внутренне чертыхнулась и застонала, когда поняла, что была одета в блузку от Chanel, которую подобрала мне мама, шарфик от Hermes, а завершали образ изящные туфельки от Louis Vuitton, а на руке красовались эксклюзивные часы от Patek Philippe.

Но я не могла дать ей унижить меня, поэтому ответила не менее колко:

— Кажется, я застряла тут со стервой, которая относится к людям предвзято!

В первые десять секунд я напряжённо ожидала, что она меня ударит или ещё что-нибудь, но она ничего такого не сделала, на ее лице растянулась хитрая ухмылка, и она проговорила:

— Кажется, ты не заносчивая сука, и довольно смелая, поэтому ты мне нравишься.

Затем она бросила сумку на кровать, развернулась и подошла ко мне, протягивая руку.

— Я Фил Ларсон.

Я подала ей руку и сказала:

— Эмили Бёрнэм.

— Прости меня, если была резка, — немного смущенно проговорила она. — Это одна из моих ужасных привычек, от которой я стремлюсь избавиться, но пока не очень хорошо получается.

Я не знаю, что подтолкнуло меня так ответить, но я непринужденно продолжила:

— Ну что ж, Фил, а я богатая, заносчивая стерва, и я тоже изо всех сил стремлюсь стать другой, измениться, но мне это иногда тяжело дается.

На лице Фил вспыхнула коварная улыбочка.

— С этим я определенно смогу тебе помочь, можешь положиться на меня.

Я улыбнулась и начала заправлять кровать.

— Так твоё имя Фил? Это что-то сокращенное от Филломена или чего-то в этом роде?

— Нет, ты не отгадала. Моё имя даже похуже того, что ты назвала. Прежде всего, называй меня Фил. Ф-И-Л, не забывай. Моё полное имя Филит (прим. пер. Filet с англ. филе).

Я буквально открыла ошеломленно рот.

— Твои родители назвали тебя в честь куска мяса?!

— Ага. Но они не называли меня именно Филит. Они называли меня Миньон. Это имя я не просто ненавижу, я даже готова избить любого, кто меня так назовет. Когда я училась в школе, меня называли Филе-Миньон (прим. ред. Филе-миньон — кусок говядины, отрез тонкой части вырезки. Используется для приготовления деликатесных блюд из натурального мяса — стейков «филе-миньон»), поэтому сокращенно Фил. И вот сейчас это прозвище привязалось ко мне, поэтому все называют меня просто Фил.

— Хорошо. Значит просто Фил.

Покачав головой, я освобождаюсь от воспоминаний о Фил, в последний раз придиричиво оглядываю себя в зеркале и беру свою сумочку, прежде чем спускаюсь вниз по лестнице. Я правда безумно скучаю по Фил, но я подбадриваю себя, потому что увижу ее уже всего через пару дней. Мы быстро сблизились и стали лучшими подругами. После первого курса мы съехали из общежития и сняли себе квартиру. Это помогало мне чувствовать себя более взрослой и самостоятельной.

Я усмехаюсь про себя, когда спускаюсь по лестнице. Я даже не могу представить, что бы случилось, если бы я привела сюда Фил и познакомила со своими родителями. Я даже знаю, что они сказали бы, какая она тупая и ограниченная, и не может входить в мой круг общения. И естественно, у идеальной во всех отношениях Селии Бёрнэм случился бы сердечный приступ, если бы я посмела привести сюда Фил.

Я достигаю последней ступеньки и вижу, что мама уже практически извелась от ожидания. Она очень привлекательная женщина, но на ее лице постоянно отстраненная, холодная маска безразличия, и знаете, я не припоминаю, чтобы она сменялась на более оживлённые эмоции.

— Честное слово, Эмили, почему ты всегда опаздываешь, — с упреком говорит мама.

Я вздыхаю.

— Я не опоздала, мама. Я спустилась в ровно оговорённое время.

Она берет свою сумочку и, проходя мимо большого зеркала в холле, быстрым взглядом осматривает себя. Поправляя свою идеальную причёску, она приглаживает и поправляет ладонью воображаемые выбившиеся из причёски локоны, затем разворачивается и говорит немного сердито:

— Ты же знаешь, что я ужасно не люблю опаздывать, а что если мы попадем в пробку?

Теперь я вздыхаю немного громче.

— Значит, тебе следовало мне сказать, чтобы я спустилась чуть раньше запланированного времени.

— Не смей поучать меня, — жёстко выплевывает она. — В данный момент я нахожусь под ужасным давлением, потому что именно я организатор благотворительного вечера, который посвящён Бостонской больнице, и мне сейчас меньше всего надо, чтобы ты нервировала и давила на меня ещё больше.

Это означало, что нет смысла даже открывать рот, поэтому я кратко выдавливаю сквозь зубы:

— Да, мама. Прости, мама.

Но мне даже не жаль, сейчас мне совершенно безразличны ее слова.

Да, я прекрасно понимаю, что это очень плохо, но знаете, иногда мне кажется, что только так я могу вытянуть из неё хоть какие-то крупинцы эмоций, пробраться к ней под кожу и увидеть, какая она на самом деле за фасадом холодной, равнодушной маски. И если я смогу увидеть там что-то правдивое, настоящее, значит, она умеет чувствовать хоть что-то кроме презрения, осуждения и антипатии по отношению к другим людям

Я следую за ней к выходу из дома, и мы садимся в лимузин, который, похоже, ожидает нас тут уже некоторое время. Когда мы усаживаемся, тут же поднимается перегородка, которая отгораживает нас от водителя, и она впивается в меня своим взглядом.

— Ты уже решила, какую выберешь специальность после окончания Колумбийского? Пришло время сделать заявление для прессы.

Я прекрасно понимаю, что это означает. Она не спрашивает у меня, она хочет, чтобы я

ответила положительно на то, что она выбрала для меня. Она ожидала, что я пойду в юриспруденцию или медицину. Или, она была бы ужасно счастлива, если бы я встретила богатого холостяка, он бы на мне женился, и мы бы растили идеальных малышей.

— Я все ещё не приняла решения, — бормочу я невнятно.

Вообще-то это не совсем так, решение я приняла уже много месяцев назад: я хочу пойти учиться на журналиста, потому что мечтаю быть спортивным обозревателем, правда, для моих родных эта новость будет подобно грому среди ясного неба, эффект будет тот же, как если бы я им сказала, что хочу стать стриптизершей.

— Как это ты ещё не решила?! Мы же уже говорили об этом! Ты можешь выбрать одно из двух: юриспруденцию или медицину.

В данный момент я не настроена ругаться с ней, поэтому просто говорю:

— Я не могу выбрать из двух. Я ещё думаю, взвешиваю все за и против...

— Ну что ж, не думай слишком долго, потому что я хочу озвучить это прессе, как только ты окончательно определишься с выбором. Этот милое крохотное домашнее событие может пойти на пользу карьере отца. Репутация играет важную роль, нам нужно показать, что мы достойная семья.

Естественно. Все это только ради того, чтобы помочь воплотить мечты отца стать политиком и прийти к власти. Никто и не думает о моём внутреннем счастье и равновесии, а также удовольствии от работы.

Продержись ещё одну неделю, и ты уедешь отсюда, будешь свободна.

Мама внезапно меняет тему разговора на ещё более отвратительную.

— Эмили, ты помнишь, что в выходные твой папа дома, и мы собирались посетить званый ужин, приуроченный к сбору средств у Стэна и Марго Крафтов. Я пригласила Тодда быть твоей парой.

Я краснею, затем начинаю раздраженно говорить:

— Что? Тодда?!

— Да, именно его, милая, он такой очаровательный молодой человек, и, если ты дашь ему шанс, он тебе докажет это.

Я ужасно раздражена, и это ещё мягко сказано.

— Ты не можешь сводить меня с моим бывшим парнем, мама. Ты попросту не имеешь на это права! Я никуда с ним не пойду.

Она даже не моргает, когда мгновенно отвечает:

— Это даже не обсуждается, ты обязательно пойдешь с ним. Потому что его отец — один из важнейших политических спонсоров твоего отца.

Я делаю глубокий вдох и пытаюсь успокоить себя. Я дружила и встречалась с Тоддом Фулгрэмом в старшем и выпускном классах школы. Сначала наши отношения были нормальными, даже приятными, но потом мы провели ужасные летние каникулы перед колледжем. Он был очень мил, щедр и образован, даже иногда забавен. Он добивался от меня в течение многих месяцев, чтобы именно ему я подарила свою первую ночь.

Вскоре я сдалась его напору и подарила ему свою девственность. Это было ужасно.

Затем он стал невыносимым.

Тодд стал злым и постоянно пытался в своих разговорах оскорбить или задеть меня. Он, казалось, большую часть времени, был недоволен мной, родителями и всем окружающим миром. Я могла сдерживать силу его гнева, потому что была честной и умела реагировать на его выпады. Я была идеальной парой для него.

Секс с Тоддом был ужасным, потому что он удовлетворял только свои потребности. Я никогда не испытывала с ним оргазм, потому что мужчина, который делает все свои интимные дела в рекордно короткий срок — две минуты, не будет уделять времени моим желаниям. После того как я первый раз поддалась его уговорам заняться сексом, потом все стало только хуже, он стал давить на меня еще больше. Иногда я чувствовала, что занятия сексом со мной его отягощали. К счастью, наша близость не была частым событием. Но это нисколько не беспокоило меня, потому что я не чувствовала, что что-то с ним теряю или упускаю, ничего ценного наши отношения мне не принесли.

Прошлая Эмили могла и не учесть наличие скучного секса. Я имею в виду, если оглянуться на интересы, которые раньше преобладали в моей жизни, то головокружительный секс явно не был в списке интересующих меня вещей. Мне были важны богатство, счёт в банке, социальное положение в обществе и, если смотреть относительно моих прошлых интересов, то Тодд Фулгрэм был для меня лучшей партией. Но единственное, что меня смущало — его агрессия. Все началось с устных оскорблений, но думаю, рукоприкладство было не за горами. Нет, он никогда не поднимал на меня руку, но мог жёстко схватить меня, когда был выпившим. А пил он много и часто.

За месяц до того момента, как я должна была отправиться в колледж, между нами произошла ужасная ссора. Он с силой толкнул меня к стене, отчего я ударилась головой о картину, висящую на стене, после чего она с грохотом упала на пол. Но я не стала терпеть такого отношения, я ударила его коленом по яйцам, и он выскочил из моей комнаты. Я посчитала, что это наше окончательное и официальное расставание.

С того момента я тщательно старалась избегать его. Но после произошедшего он стал преследовать меня. Умолял меня, чтобы я приняла его обратно, придумывал жалостливые и неправдоподобные извинения. Я, если честно, даже не знала, почему. Мне всегда казалось, что он не очень любил меня, Тодд всегда был недоволен мной, и ему никогда не было до меня дела. Да, не стану отрицать, что прошлая Эмили обязательно бы возгордилась ощущением своей незаменимости, но той девушки больше нет. Из-за того что произошло между мной и Тоддом, я не сказала родителям настоящую причину нашей ссоры, а впоследствии и разрыва отношений. Но судя по всему, мне придется отстаивать свои желания сейчас, потому что мама так просто не отстанет, пока я все-таки не дам ему второй шанс.

Но самым ужасным обстоятельством среди череды неудач было то, что Тодд тоже учился в Колумбийском. Когда мы были вместе, мы мечтали, что будем учиться в одном учебном заведении, чтобы надолго не разлучаться, у нас были общие мечты, которые казались нам самым желанным событием на тот момент.

К большому сожалению, Колумбийский не очень большой университет, поэтому мне приходилось нередко сталкиваться с Тоддом. Когда его видела, я сразу уходила в другую сторону. Он даже пару раз пытался подкараулить меня и поговорить, но, слава Богу, поблизости всегда кто-то оказывался. Но самое забавное произошло, когда я была с Фил, а Тодд осмелился подойти ко мне. В тот день она напугала его до чертиков. Фил посмотрела на него свирепым взглядом и рявкнула: «Держись подальше от неё, гребаный гавнюк, или как-нибудь я проберусь в твою комнату, когда ты будешь спать, и отрежу твои яйца».

О, как же я люблю Фил!

И представляете, больше я не видела Тодда на протяжении всего лета, он был подозрительно тих и спокоен. Прекратились странные, надоедливые эсэмэски о том, как он

скачает по мне, больше не было голосовых сообщений, где он умолял о встрече со мной. А теперь... моя полоумная мать, хочет, чтобы я дала ему шанс и пошла с ним на вечер, как с моим спутником?! Я еле могла сдержать подкатывающую тошноту, когда думала о нем.

Я пытаюсь как можно более любезнее дать отпор матери.

— Я не могу пойти с Тоддом. Общение между нами не складывается. Как насчёт кого-нибудь другого?

Вот теперь я могла убедиться на данном примере, что наша мама никогда не прислушивается к тому, что мы говорим. Она слегка хмурится и говорит:

— Ни за что. Он просто идеальный молодой человек. Не огорчай меня, Эмили, или ты пожалеешь.

— Я не собираюсь идти с ним, мама. Можешь забыть про это, — говорю я в порыве отчаянной храбрости.

В одно мгновения ее глаза превращаются в две льдинки, которые напрочь лишены эмоций. Пару минут она выдерживает молчание, в процессе бисеринки пота покрывают мой лоб, руки становятся холодными и липкими от пота, и затем она сладким голосом отвечает мне:

— Ты обязательно пойдешь с ним, Эмили, и более того, ты сделаешь это с улыбкой на лице и нежностью в глазах. А если ты решишь не послушать меня и не пойдешь с Тоддом в субботу на званый ужин, тогда в понедельник я встречу с адвокатом и самолично заморожу твой трастовый фонд.

Ее слова имеют эффект разорвавшейся бомбы, и я замолкаю. Я полностью ошеломлена ее словами. Я изо всех сил пытаюсь не быть больше такой помешанной на материальных благах, и мне не нужны кучи дизайнерской одежды и драгоценностей, но этот трастовый фонд позволяет мне не зависеть от родителей. К тому же не так легко избавиться от вредных привычек, что в моём случае — обеспеченное существование. Когда по закону я вступлю в законные права пользования трастовым фондом, я смогу быть полностью свободной от их приказов и пойти учиться на журналиста.

Ещё десять месяцев.

Я смогу выдержать и не сломаться.

Осталась всего одна отвратительная неделя подчинения матери и мерзкое свидание с Тоддом Фулгрэмом, и я наконец вырвусь из клетки.

2 глава

Никс

Я вытряхиваю на пол кучу бесполезных вещей из картонной коробки и начинаю искать среди этого барахла то, что мне необходимо. Мой указательный палец на правой руке порезан и обернут бумажной салфеткой, чтобы временно остановить кровь, пока левой рукой я пытаюсь найти в куче хлама пластыри.

Я прекрасно понимаю, что найти их совершенно нереально. Чёрт, да в моём доме сейчас ничего невозможно найти после ужасного происшествия, которое произошло три месяца назад, когда на втором этаже прорвало трубы, и весь этаж был затоплен, вследствие чего большая часть потолка на первом этаже обрушилась.

Все, что успел спасти, я разложил по картонным коробкам и переехал временно пожить

в квартире у брата, которая располагалась на берегу реки Гудзон с отличным видом на Манхэттен. Только одна вещь омрачала моё временное проживание в квартире, там абсолютно не было места, где побегать Харли.

Сейчас эта ленивая большая собака спит под персиковым деревом в саду. Слава Богу, что Линк очень любит собак и не возражает, что Харли живёт со мной в его квартирке. В противном случае, мне бы пришлось спать в сыром доме на листах фанеры, которые специально подготовлены, чтобы покрыть пол второго этажа.

Так, это бесполезная трата времени. Я никогда тут не найду пластырь. Ну и что мне делать? Я поступлю, как секретный агент МакГайвер² — побыстрее выберусь из этого дерьма.

Я выхожу из дома и направляюсь в свою мастерскую, где и порезался. Я ковал тонкий листовой металл, чтобы изготовить из него бензобак для сделанного на заказ мотоцикла, и, небрежно проводя рукой по острому концу, порезал палец. Это происходило уже в миллионный раз, ведь при работе с металлом это не редкость.

Я беру скотч и подхожу к раковине. Бросаю окровавленную салфетку в мусорную корзину, пока промываю палец под краном. Затем беру ещё пару салфеток, тщательно накладываю на место пореза, отрываю кусочек скотча зубами и, наконец, оборачиваю вокруг салфеток на пальце. Я не беспокоюсь о том, что могу заразиться столбняком, поранившись о металл, потому что по роду занятия я постоянно делаю противостолбнячную прививку.

Ничего, до свадьбы заживет.

Переводя взгляд на металлическую заготовку для бака, я растерянно провожу здоровой рукой по волосам. Но непослушные длинные пряди опять лезут в глаза. Мысленно подмечаю, что пришло время посетить парикмахера. Я не стригся с того момента, как два года назад вернулся со службы. Устало вздыхаю и провожу рукой по лицу, ощущая мягкую бороду, и понимаю, что не брился уже около недели. Так бывает, когда я работаю над какими-то новыми деталями. Я теряю ощущение времени. Это значит, что я не только не бреюсь, у меня едва хватает времени на еду и сон.

Сегодня работа над баком у меня не ладится, как бы я ни старался. К тому же я порезал палец, что говорит о необходимости отдохнуть. Скорее всего, нужно перекусить, но сейчас мне лень тащиться в дом на кухню. Моя кухня — единственное место в доме, которое не пострадало, когда прорвало трубы, поэтому, по крайней мере, пока я работаю в мастерской, у меня есть возможность перекусывать, не отвлекаясь на поездки в закусочную.

Не желая возвращаться в дом, я открываю маленький холодильник, что находится у меня в мастерской, и достаю «Будвайзер» — обалденное пиво, самое лучшее среди остальных марок. Откручиваю крышку и делаю жадный глоток.

Точно. Это намного лучше, чем сэндвич.

Неторопливо подойдя к моему глубокому креслу, я опускаюсь в него и устраиваюсь поудобнее, пристально смотря на заготовку для бака. Это вполне простой заказ, да я мог бы сделать его с закрытыми глазами, но что-то не даёт мне покоя, поэтому работа затягивается и совершенно не ладится. Затем я обвожу взглядом свою мастерскую и улыбаюсь. Это мой рай, моя тихая гавань. Здесь я могу наслаждаться уединением, думать над тем, что терзает и не даёт покоя моей душе, работать с металлом, ковать и обрабатывать листы, превращая невзрачные куски металла в предметы искусства.

Я приобрёл эту мастерскую, после того как отслужил в корпусе морской пехоты. Я все еще гибок и молод телом, но ужасно стар и измучен сердцем и душой в свои двадцать четыре

года. За два срока службы в Афганистане я скопил огромную сумму денег, что выплачивалась мне за особо опасные задания. Я купил это место по дешевке, хотя мог позволить себе что-то получше, потому что дом требовал капитального ремонта. Но я приобрёл именно этот, потому что мне безумно понравился гараж и мастерская на заднем дворе. Я сразу понял, что это идеальное место, чтобы организовать тут мастерскую.

Когда люди видят, чем я зарабатываю на жизнь, а потом слышат, что я служил в морской пехоте, они автоматически начинают считать, что я занимался там сварочными работами. Но их суждения далеки от истины, а я не собираюсь их переубеждать. Это только распалит их интерес к моей службе, и они попытаются расспросить меня об этом из любопытства, а говорить о службе я не люблю. Поэтому мне проще молчать, чтобы не провоцировать людей на дальнейший разговор или расспросы.

Знаете, все было не так просто, когда я отслужил и вернулся из армии, мои навыки, полученные на службе, здесь были бесполезны. Пораскинув мозгами, я понял, что очереди из работодателей, которые жаждут взять на работу бывшего солдата, не предвидится, потому что никому не нужно умение стрелять на тысячу метров по мишени или выполнять затяжной прыжок с парашютом. Мои выгодные достоинства, которые так ценились на службе, тут, нахрен, были никому не нужны. Скажите, кому пригодится умение уклончиво отвечать на вопросы или мужественно выносить все превратности судьбы. Ну, если только не на Уолл-Стрит, но я не готов до конца жизни носить гребаный неудобный костюм.

И тогда я подумал о том, что умею лучше всего. О металлообработке. Мой отец всю жизнь работал сварщиком, поэтому я прикинул и решил, а почему бы и нет. Если эта специальность была хороша для моего отца, то почему бы и мне не попробовать.

За исключением одной детали, фактически я не пошёл по его стопам. Мой отец на протяжении тридцати лет работал на верфи, сваривая обшивки барж и других судов, а это достаточно изматывающая работа, к тому же это очень скучно, и нет способа выразить свою фантазию.

Поэтому я решил использовать свой сертификат сварщика для изготовления изделий из металла. Это включает в себя довольно широкое определение, от изготовления деталей для мотоциклов и самих мотоциклов до произведений искусства из тонкого листового металла. Я скопил достаточный капитал за время службы, поэтому у меня было время найти своё призвание в этом бизнесе. Знаете, дела мои шли отлично для человека, у которого за плечами кроме программы школьного образования и двух сроков службы не было больше ничего. Мои самые дешевые модели мотоциклов продавались от двадцати пяти тысяч долларов и выше.

Я живу жизнью, о которой мечтал. Занимаюсь любимым делом, получаю за это отличные деньги, ни перед кем не отчитываюсь и ни от кого не завишу. Что может быть лучше?

Мой взгляд падает на край стола, на котором лежит кипа документов, с которыми мне придётся разобраться в самом скором времени. Мне нужен кто-то, кто сможет привести в порядок этот завал.

К счастью, оплата за мою работу производится автоматическим зачислением оговоренной суммы на мой счёт, так что одним волнением меньше. Но я игнорирую выполнение некоторых безобидных вещей: заполнение бланков налога на продажу, проверку выписок со счетов и заполнение бланков заказа. Мне кажется, я могу попробовать разобраться с этим сегодня, пока отлыниваю от работы по сборке бака для мотоцикла.

Эта мысль занимала мою голову не больше двух секунд и затем быстро испарилась. Я лучше спокойно посижу и посмотрю на незаконченный бак, расслабленно потягивая пиво, чем займу себя обременяющей бумажной работой.

Только я делаю последний глоток «Будвайзера», как слышу, что кто-то стучится в дверь. Я поднимаюсь и выглядываю в окно.

Оу, чёрт.

Я спешно присаживаюсь обратно в кресло, пытаюсь практически раствориться в нем, надеясь, что она не станет меня тут искать.

Проходит пару секунд, и я слышу:

— Никс...ты тут?

Чёрт, чёрт. Вот это невезуха.

Нехотя поднимаюсь на ноги и открываю дверь мастерской.

— Что тебе нужно, Лила? — говорю я, как можно вежливей, насколько это вообще возможно для Никса Кэлдвелла.

— Это так ты меня приветствуешь, дорогой? — Она проводит кончиком пальца по моей груди, и я не могу сказать, что это неприятно, но она не достигнет той цели, которую задумала. Лила красивая девушка, с длинными светлыми волосами и стройным телом. Мы ходили в одну школу и на тот момент проводили время вместе. Как и многие из наших одноклассников, после окончания школы она осталась в Хобокин. Мне кажется, она работает парикмахером в местном салоне. Я переспал с ней пару раз после моего возвращения со службы, но сразу дал ей понять, что меня не интересует ничего, кроме секса. Хотя каждый раз, когда мы встречаемся, она говорит, что тоже не заинтересована ни в чем большем, но делает абсолютно обратное, когда приходит ко мне и намекает на то, чтобы мы проводили время вместе. У Лилы есть ещё пара парней, с кем она встречается, не считая меня. Так почему она не выберет кого-то из них?

Мне кажется, по общению они намного приятнее меня.

— Я сейчас работаю, — объясняю ей.

— Не будь таким занудой, Никс. Пойдём сходим в кино, а потом выпьем по бутылочке пива.

— Прости, Лила, не получится. У меня много дел.

Она подходит ближе ко мне, и я могу уловить запах ее парфюма. Такое ощущение, что он заполнил все помещение и обжигает мой нос изнутри. Она становится на носочки и пытается дотянуться до меня, чтобы прошептать мне что-то на ухо. Мой рост почти два метра, и я мог бы немного нагнуться, чтобы облегчить ей трудную задачу, но не делаю этого. Она все-таки дотягивается и шепчет соблазнительным голосом мне на ухо:

— Мы можем пропустить часть с фильмом и пивом и заняться вместо этого более важными вещами.

Было время, когда эти слова заставили бы мой член встать по стойке смирно, и я бы незамедлительно прижал её к стене и взял бы без раздумий, но это время давным-давно прошло, на данный момент нас связывает только секс, и то нерегулярный. Я вижу, что она хочет большего, но мне этого точно не надо.

Я делаю шаг назад и пытаюсь произнести следующие слова вежливо, по крайней мере, насколько это возможно.

Ну ладно, это не мило и уж тем более не вежливо. Это очень жёстко.

— Послушай, Лила... Прости, но ты меня вообще не интересуешь, все кончено. Это все.

понятно?

Она меняется в лице, и соблазнительная сладкая улыбочка исчезает с ее губ.

— Но... я не понимаю...

Самый главный урок, который Лила сейчас усвоит от Никса Кэлдвелла, который прошёл войну, — моё терпение не железное. И сейчас оно определённо закончилось.

— Что тут непонятного? Ты меня не интересуешь. Это было временно. Интрижка. Трах. Сделай мне одолжение — проваливай отсюда и больше здесь не появляйся.

В данный момент у Лилы такое лицо, как будто она собирается расплакаться, но затем в одно мгновение злость заполняет ее взгляд.

— Ну ты и мудака, Никсон Кэлдвелл.

Когда я смотрю на неё, мне даже кажется, что я могу увидеть со стороны свой безразличный взгляд, и он полностью отражает моё внутреннее состояние.

— Знаю и не жалею об этой стороне характера... А теперь проваливай.

Я поворачиваюсь к ней спиной, ожидая, что она незамедлительно уйдет. Вместо этого я получаю удар пустым ведром по затылку. Оно отскакивает от меня и с грохотом падает на пол. Я разворачиваюсь и смотрю на неё через плечо, сейчас у неё удовлетворённый взгляд, и она немного надувает губы как капризный ребёнок. В течение нескольких секунд я задумываюсь, что сделать в ответ на ее выпад, естественно, без применения силы, просто сказать...

И так же быстро эти мысли рассеиваются. Потому что, по большому счёту, мне просто плевать, и правда все равно уже сказано, поэтому я бесспорно заслужил того, чтобы она ударила меня ведром. Поэтому я просто молча смотрю на неё безразличным взглядом в течение некоторого времени, что её, по-видимому, злит, поэтому она разворачивается и гневно покидает мастерскую.

Я подхожу к холодильнику и достаю оттуда ещё бутылку пива. Сегодняшний день можно назвать вполне тихим и спокойным. Больше никакой работы с металлом и никакого обжина металлических пластин, особенно теперь, когда я пью. Это может быть опасно.

Даже для меня, для того, кто смог пройти гребаный Ад и вернуться обратно...

3 глава

Эмили

Чееерт. Я опаздываю.

Я просто ненавижу ехать из Манхэттена в Хобокен, тоннель Линкольна постоянно загружен транспортом.

Я не должна так нервничать, повторяю я про себя. Ведь я всего лишь собираюсь увидеться с одним из лучших друзей Райана, Линкольном Кэлдвеллом. Он вратарь в «Нью-Йорк Рейнджерс» и любезно согласился дать интервью младшей сестренке Райана. Мне необходимо взять его для одного из моих занятий — экономики физической культуры и спорта.

Я решила четко определиться с выбором специальности и официально огласить ее — журналистика с уклоном в спортивную область. И когда я говорю «официально огласить», это всего лишь значит, что я твёрдо решила это для себя и поделилась этой новостью с друзьями в университете. Но ни за что на свете я не собираюсь рассказывать это родителям в

ближайшее время.

Знаете, довольно удобно, когда у тебя есть брат, который профессионально занимается спортом, и это подразумевает под собой, что я могу в любой момент взять у него интервью. Но я никому не говорю, что я сестра того самого Райана Бёрнэма. Я хочу сохранить это в секрете, потому что я дорожу той связью, что мы смогли наладить между нами. Я не желаю, чтобы люди стремились познакомиться со мной и набиваться мне в друзья, потому что я сестра Райана Бёрнэма.

Поэтому Райан предложил мне взять интервью у Линкольна. Они стали близкими друзьями, когда Райан подписал контракт с этой командой, и на данный момент, они постоянно общаются. Я встречала его пару раз на вечеринках, где присутствовала вся команда, и мне он показался достаточно приятным парнем. По нему видно, что он бабник, но я с ним легко справлюсь. К тому же он прекрасно знает, что Райан надерет ему задницу, если он попытается подкатить ко мне. Мне кажется, Райан бы не стал церемониться с парнем, который соблазнил его младшую сестренку. И я довольна этим. Я обожаю все, что связано со спортом, но ни за что на свете не стала бы встречаться со спортсменом. За исключением моего любимого брата большинство из них слишком высокого мнения о себе, настоящие зазнайки.

Я мысленно подсчитываю, сколько времени это у меня займет. Интервью с Линкольном продлится не более получаса и мне удастся вернуться на Манхэттен к ужину. Сегодня я ужинаю с Райаном и Данни, и чувство счастья буквально переполняет меня, ведь мы увидимся вместе впервые после начала осеннего семестра.

Райан и Данни поженились в прошлом декабре, это была простая, но красивая Рождественская свадьба. Со стороны Райана присутствовали лишь я и друг Райана, Майк, а со стороны Данни была ее подруга Паула и сержант из Бостона. Наши родители не были приглашены, потому что было очевидно, что они не придут. Отец был за границей по делам, а мама никак не могла перестать дуться на Райана за то, что он предпочел семье и своим родным «девушку с фиолетовыми волосами». На данный момент она поставила крест на общении с Райаном, и мое сердце разрывается от обиды за него и Данни, ведь они не сделали ничего предосудительного, они просто полюбили. Но мой отец, как ни странно, поддерживал отношения с Райаном, и, может, ему удастся вразумить нашу маму. Как ни крути, но мама просто боготворит и обожает своего мужа.

Я с легкостью нахожу квартиру Линкольна и паркуюсь. Опускаю противосолнечный козырек и быстро осматриваю себя в зеркале, оценивая свой внешний вид. Никакой размазанной туши и растекшегося блеска, выгляжу я отлично.

Достаю телефон из сумочки и проверяю входящие звонки, эсэмэски и почту.

Ну, замечательно! Еще одно сообщение от долбаного Тодда.

Тодд: Эм... Пожалуйста, позвони мне, очень скучаю, люблю тебя, мы просто обязаны быть вместе.

С того момента как моя ненормальная мамочка заставила меня пойти на вечер сбора средств с ним, в качестве моего спутника, он начал опять преследовать меня. Тодд стал настойчиво твердить, что мы просто обязаны быть вместе. Это уже звучало... скажем так, ненормально. Как будто его единственная цель в жизни — привязать меня к себе. Сейчас это только эсэмэс и электронные сообщения, которые я могу проигнорировать. Но, может, мне

стоит вести себя с ним более жестко.

Я быстро набираю ответ.

Я: Прекрати мне писать, между нами все кончено.

Коротко, честно и довольно мило. Надеюсь, до него дойдет смысл сообщения.

Выйдя из машины, я поднимаюсь в квартиру на верхнем этаже.

Линкольн, как подобает галантному джентльмену, встречает меня у двери. Когда захожу, я ошеломлена красотой. Я предполагала, что его квартира будет завалена грудями грязной одежды, банками из-под пива и обклеена плакатами, на которых красуются обнаженные силиконовые красотки. Но вместо этого, передо мной предстает потрясающая квартира, стены которой выкрашены в теплый бежевый цвет, а обставлена она шикарной черной кожаной мебелью. На стенах со вкусом развешаны репродукции известных картин, и только одна вещь дает нам понять, что это квартира холостяка — игровая приставка XBox 360, которая подсоединена к семидесятидюймовому телевизору.

Линкольн вратарь в «Нью-Йорк Рейнджерс», и он такой же восхитительный, как и его квартира. Его персона — излюбленная тема для обсуждения в газетах и журналах, скорее всего потому, что его лицо настолько поразительно красивое, что его фото можно выставлять в музеях как настоящее произведение искусства. У него карие глаза, каштановые волосы средней длины, которые прекрасно подходит к его хищной красоте. Он парень мечты, если, конечно, не учитывать мое «я не встречаюсь со спортсменами» убеждение.

Я вхожу, и мы проходим в его гостиную, присаживаемся на диван, чтобы начать интервью. Как только я сажусь, огромное, золотистое нечто быстро несется в мою сторону, как позже я понимаю — его собака. Он... или, может, она... перепрыгивает через журнальный столик и запрыгивает ко мне на грудь, опрокидывая меня на диванные подушки.

Я хватаю воздух ртом, и собака облизывает меня с ног до головы. Я слышу, как Линк кричит «чертова собака», и затем он быстро оттаскивает от меня огромную золотистую массу мышц и шерсти. И сейчас я могу сказать с большей уверенностью, что это мальчик породы золотистый ретривер. Он пристально рассматривает меня с глуповатой собачьей улыбкой.

— Все нормально. Я люблю собак, — заверяю я его.

Линкольн аккуратно отпускает ошейник, и я сразу же вознаграждаюсь мягким тычком в колени — естественно не от Линкольна — большая собака подходит и кладет свою голову мне на колени.

— Прости меня за эту собаку, она не обучена хорошим манерам.

Я быстро чешу пушистую громадину за ушами, и собака сразу же становится покладистой и мирно засыпает у моих ног.

Следующие полчаса пролетают совершенно незаметно, Линкольн даёт мне обещанное интервью. И естественно, он не мог завершить наше милое общение, не пригласив меня пообедать с ним. Я вежливо отказываю ему в ответ на его предложение, и он смотрит на меня печальным, страдающим взглядом. Я уверена, такой приём истинного соблазнителя сработал бы на большинстве женщин, но на меня он не возымел никакого действия. Вместо того чтобы растечься лужицей у его ног, я деловито пожимаю ему руку и благодарю за потраченное на меня время. Затем наклоняюсь и глажу на прощание пушистую собаку.

Я быстрой походкой направляюсь к своей машине и мельком смотрю на свои часы. Мне нужно поторапливаться, если я собираюсь успеть к Данни и Райану на ужин, не угодив в пробку, хотя было бы неплохо прокатиться по Манхэттену.

Я быстро забираюсь в свой небольшой BMW335i — подарок на окончание школы от моих родителей — и пристегиваюсь ремнем безопасности. Сразу проверяю, есть эсэмэс или пропущенные звонки на телефоне. Вижу, что Тодд прислал мне больше трёх сообщений, пока я была у Линкольна.

Тодд: Ты же не имеешь в виду то, что я думаю. Я все еще нужен тебе.

Тодд: Ты должна мне позвонить. Прямо сейчас.

Тодд: Почему ты меня игнорируешь?

Пробежав взглядом по последнему сообщению, я чувствую, как холодок распространяется по моей спине. Сообщения Тодда со стороны похожи на сообщения психически неуравновешенного человека, и в голову сразу лезут ужасные мысли о том, как я, придя домой, обнаружу на плите в кастрюле убитого и сваренного заживо кролика. Боже, «Роковое влечение» отличный, немного жутковатый фильм, но как-то не хочется, чтобы в моём случае он воплотился в реальность. (прим. перев. Речь идёт о моменте из фильма «Роковое влечение», где главная героиня обнаруживает на плите убитого и сваренного кролика. «Роковое влечение» фильм 1987 г.).

Заводя машину, я автоматически смотрю в зеркало заднего и бокового вида. Затем сдаю назад и начинаю отъезжать. В эту же минуту раздаётся телефонный звонок и на экране высвечивается номер Данни. Одной рукой удерживая руль, другой я хватаю телефон и спешно отвечаю и, все ещё продолжая сдавать назад, выезжаю с парковочного места.

Я только успеваю вымолвить «Привет, Данни», как слышу ужасный скрежет металла, и моя машина резко останавливается.

— Чёрт! — громко кричу я.

— Эми, с тобой все в порядке? — напряженно спрашивает Данни.

— Нет, — я издаю звук, который очень напоминает рыдание. — Похоже, я только что сбила кого-то! Перезвоню чуть позже.

С ужасом смотря в зеркало заднего вида, я толком не могу ничего разглядеть. Я убираю телефон и быстро выскакиваю из машины. Спешно обхожу ее, и в ужасе вижу, что на дороге на боку лежит мотоцикл, а в паре шагов и водитель мотоцикла. Несмотря на то, что очень напугана, я понимаю, что с парнем вроде все в порядке, потому что он начинает подниматься.

Сердце громко стучит в груди, когда меня накрывает осознание того, что я могла убить человека, который по моей вине врезался в мою машину. Ноги слабеют, голова идёт кругом, я чувствую, будто сознание покидает меня.

— Чёрт, дамочка! Ты что не смотришь, куда едешь?

Я пристально, но напугано смотрю на мужчину, который поднимается на ноги с земли и раздраженно смотрит на свой мотоцикл. Он резким движением снимает шлем с головы и охваченный гневом бросает его на землю.

Затуманенным от беспокойства взглядом я успеваю заметить, что он смотрит на меня, но все вокруг словно в замедленной съемке. Его голос слышится, будто откуда-то издалека и становится все более глухим и отдаленным, когда он произносит:

— Эй... Ты в порядке?

Его голос звучит довольно обеспокоенно, но я все ещё довольно хорошо соображаю, чтобы понять, что он ещё очень зол.

Я пытаюсь ему ответить, пытаюсь заставить себя сказать хоть слово. Затем внезапно понимаю, что мои ноги подкашиваются, и я начинаю оседать на землю. Перед тем как я почти падаю, разъярённый мужчина подхватывает меня и прижимает к себе. Он направляется к газону рядом с парковкой и очень нежно и аккуратно укладывает меня на покрывало из мягкой травы.

Я чувствую, как он бережно прижимает ладонь к моей щеке и слегка хлопает по ней. Я замечаю, что по непонятной причине палец на его руке обернут салфеткой и закреплён сверху скотчем.

Хм. Странно. Очень странно.

Парень поднимается на ноги и уходит. Я сажусь, прежде чем ко мне возвращается способность здраво мыслить, и замечаю, что он подходит и склоняется надо мной. Незнакомец протягивает мне бутылку с водой.

— Вот, возьми, выпей. Она была у меня в сумке.

Я делаю пару жадных глотков и сразу же начинаю чувствовать себя лучше, и тогда я снова обращаю взгляд на парня передо мной. Меня охватывает ощущение, будто я смотрю на него впервые.

В горле становится сухо, и тело покрывается мурашками от легкого чувства возбуждения. Он невероятно прекрасен. Восхитительный незнакомец обладает почти модельной внешностью, но при этом все приправлено нотками опасности и мрачной красоты. Его волосы достигают плеч, они тёмно-каштанового цвета, под ярким отблеском солнечных бликов некоторые пряди смотрятся немного светлее. Глаза у него насыщенного цвета весеннего папоротника и обрамлены густыми ресницами, на секунду во мне вспыхивает огонёк зависти к его идеальной красоте и потрясающим ресницам. Черты его лица настолько прекрасны, что я буквально не могу отвести взгляда от его прямого носа, четко очерченных бровей и скульптурной квадратной челюсти.

Первая моя мысль, что его черты лица словно вылеплены из мягкой глины. Или, может, вырезаны из мрамора. Скорее всего, и то, и другое, вот настолько он прекрасен.

Но больше всего меня притягивает в нем мягкая недельная щетина на щеках и подбородке, которая больше напоминает бороду, с ней он выглядит ещё более сексуально и соблазнительно. Быстро пробегаюсь взглядом по его телу, отмечая, как потрясающе его мускулистое и подтянутое тело обтягивает футболка с надписью Харли-Дэвидсон и чёрные джинсы. Он является полной противоположностью того типа парней, с кем бы я обязательно пошла на свидание, а моя мать, только посмотрев на его мрачную красоту, сразу окрестила бы его антихристом.

Я чувствую себя рядом с ним неаккуратной и старомодной, поэтому начинаю нервно приглаживать волосы

— Дамочка, вы не пострадали?

Я полностью потеряла ощущение реальности и чувствую себя ошеломленной, поэтому, скорее всего, он думает, что я проглотила язык при столкновении с его дорогой игрушкой, но я просто поражена его физической привлекательностью, потому что прежде не встречала такого идеального мужчину.

Нет, я не шучу.

— Может, мне все же вызвать тебе скорую? — говорит он.

— Эмили.

Его брови напряженно сходятся на переносице.

— Не понял?

— Меня зовут не дамочка, моё имя Эмили.

Он смотрит на меня раздраженным взглядом, затем бормочет:

— Без разницы, у меня нет времени на это дерьмо.

Я делаю еще глоток прохладной воды и чувствую, что мне становится намного лучше.

Тот факт, что из-за моей халатности я только что чуть не сбила насмерть человека, лишил меня возможности здраво мыслить. Поэтому сейчас я сижу на газоне и откровенно люблюсь прекрасным мужчиной. Точнее прекрасным пострадавшим мужчиной, которого я сбила.

Он поднимается на ноги и сердито смотрит на меня.

— Тебе лучше? Можешь подняться?

Я киваю, ожидая, что он подаст мне галантно руку, чтобы я могла быстро подняться. Но... этого не происходит, проходит несколько секунд, но от него не исходит никакой помощи, и тут я понимаю, что он и не думал мне помогать. Я кое-как поднимаюсь на ноги, отряхивая джинсы.

— Полагаю, тебе намного лучше? — говорит он.

Я легко киваю головой и несмело улыбаюсь.

— Да. Просто понимаешь, я очень испугалась, когда подумала, что могла тебя сбить насмерть. До этого момента я ни разу не теряла сознание, поэтому немного рассеяна сейчас.

— Не преувеличивай, ты не теряла сознание, — фыркает он. — Просто почувствовала слабость и головокружение.

Так, ладно. В чем проблема этого гребаного мудака?

— Ты думаешь, я веду себя как «гребаный мудак»? Дамочка, ты только что сбили мой мотоцикл, а вместе с ним и меня! А теперь ещё и кидаешься такими словами!

Оу, чеерт. Я что, только что вслух произнесла, что он мудак? Боже, скорее всего я точно повредила мозг, когда сбила этого высокомерного ублюдка.

Я делаю глубокий вдох, чтобы восстановить дыхание и затем начинаю неумело оправдываться... как последняя идиотка.

— Прости, мне правда очень жаль. За пару секунд до аварии я отвлеклась. Мне пришло сообщение от бывшего парня, который сейчас меня преследует. И я... я подумала, что когда приду домой, то могу найти в кастрюле убитого и сваренного заживо кролика. А затем мне позвонила жена брата, но знаешь, я понимаю, что это странное объяснение, которое совершенно не оправдывает меня. Я оплачу ущерб. Ты не пострадал? Ничего не сломал?

Он смотрит на меня, как будто перед ним инопланетянин, затем глубоко вздыхает и презрительно качает головой.

— Пойдем посмотрим и оценим причинённый ущерб.

Я следую за ним по направлению к нашим транспортным средствам. Бампер на моей машине немного помят, но это в принципе ничего, а вот его мотоцикл выглядит плачевно. Ему причинён немалый ущерб, плюс переднее колесо в результате столкновения вывернуто под странным углом.

Я даже не представляю, что сказать ему, поэтому лепечу первое, что приходит мне на ум, глупо улыбаясь,

— Какой красивый мотоцикл!

Он смотрит на меня взглядом полным недоверия.

— Ты хочешь сказать, какой БЫЛ красивый мотоцикл.

— Ну, да, именно это я имела в виду, — отвечаю я со всей вежливостью. Но в глубине души я чувствую себя бесполезной глупышкой.

— Давай так, просто дай мне свои данные по страховке и нам не придётся вызывать копов.

Что? Нет! Я не могу дать ему свои страховые данные. Понимаете, в Бостоне у меня были незначительные проблемы с талонами за превышение скорости, ну и плюс к этому пару мелких дорожных инцидентов. Технически виновницей произошедшего была я, но знаете, я могу также переложить часть вины и на тех водителей, что пострадали, но я не буду этого делать, ведь я изменилась и могу принимать свои ошибки. Если бы я не изменилась, то обязательно переложила бы вину на них, но я больше не высокомерная Эмили. И если в мое личное дело попадут дополнительные штрафные очки, то я с уверенностью могу поцеловать в зад мои водительские права, потому что их действие могут приостановить.

— Нет, ни в коем случае нельзя, чтобы произошедшее было занесено в личное дело, — говорю я решительно и жестко. — Я заплачу вам за причинённый ущерб наличными.

Он надменно усмехается, и мне хочется за это ударить его по лицу.

Нет, я хочу прижаться и крепко поцеловать его в красивые губы...

Что?! Что это за странные мысли, мне определенно хочется его ударить.

— Дамочка, а ты вообще представляешь, сколько может стоить ремонт мотоцикла? Я могу с уверенностью сказать, что тебе это не по карману, и не имеет значения, насколько дорогие на тебе вещи и украшения.

— Я повторяю во второй раз, мое имя не «дамочка», меня зовут Эмили, — отрывисто произношу я. — Итак, между прочим, ты не имеешь понятия о том, что я могу и что не могу позволить себе. Заруби себе это на своем высокомерном носу.

— Так ты можешь позволить себе выбросить на возмещение ущерба десять тысяч долларов? — говорит он едко. — Потому что именно столько стоит ремонт и работа по восстановлению. Передняя подвеска полностью разрушена.

Десять-чертовых-тысяч-долларов?! Оу, черт! Кажется, я влипла. Я не смогу выплатить такую сумму за раз. Мои родители выплачивают мне на расходы всего две тысячи в месяц с моего трастового фонда. Я, конечно, могу предложить альтернативу — выплачивать по две тысячи до полного погашения ущерба.

Я пытаюсь изобразить дружелюбное выражение лица:

— Знаешь, мне правда очень, очень жаль, что это произошло. Но я не могу допустить, чтобы этот инцидент попал в мое личное дело. Или родители отнимут у меня мою машину.

— Ты хочешь сказать, что это моя проблема? — насмешливо выплевывает он.

— Нет, нет, естественно не твоя, просто я прошу, чтобы ты поставил себя на мое место и проявил понимание. Я могу выплатить частями. По две тысячи в месяц до полного погашения всей суммы.

Когда я произношу последние слова, в них явно слышится мольба. Я отлично понимаю, что тут нет места для глупой гордости.

Я смотрю на него полностью очарованная его действиями, он гневно проводит рукой по волосам, резко откидывая длинные пряди назад и удерживая их так некоторое время. У него достаточно длинные волосы, и при желании он мог бы собрать их в небольшой хвостик. Когда его непослушные пряди не лезут в лицо, а аккуратно убраны назад, я вижу, что на его

лице воцаряется выражение облегчения, но его ярко выраженные скулы и надменный взгляд говорят мне «я гребаный мудака, не ошибайся на мой счет». Но в то же время его темная красота просто потрясает, и даже его отвратительное и нахальное поведение не может затмить его привлекательность. Судя по всему, в тот день, когда он появился на свет, ангелы пели и радовались на небесах.

Я ожидаю его ответа, затаив дыхание.

Наконец он опускает руку, и волосы, словно по мановению волшебной палочки, снова легко обрамляют его лицо. Мне интересно, его волосы такие же мягкие на ощупь, как кажутся. Приходится сжать руки в кулаки, чтобы подавить желание прикоснуться к его волосам и пропустить их сквозь пальцы.

— Ладно. Но ты должна дать мне контактную информацию, чтобы ты не могла скрыться, не заплатив.

Ну да, конечно.

— Отлично.

Я достаю бумажник, и он записывает данные моего водительского удостоверения. Мы обмениваемся номерами телефона.

— Как тебя зовут? — спрашиваю я, когда записываю его номер в контакты телефона.

— Никс.

— Никс, а дальше?

— Просто Никс... это все, что нужно знать.

Этот парень всего парой слов способен вывести меня из состояния равновесия. Он красивый, но ужасно невыносимый.

— Тогда как я могу выписать тебе чек, если не знаю твоей фамилии?!

— Ты не будешь выписывать мне никаких чеков, куколка, — говорит он хриплым сексуальным голосом. — Ты заплатишь все наличными. Набери меня, когда первые две тысячи будут на руках, естественно, в течение этого месяца, то есть тридцати дней, и мы договоримся о встрече. И знай, если решишь обмануть меня, то я приеду лично к тебе, и будь уверена, мой визит тебе не понравится.

Неконтролируемая дрожь пробегает по телу, но я не могу сказать точно, вызвано ли это опасным предостережением, или я возбуждена до предела от опасности, что исходит от него.

И даже при том, что внутренне я буквально сгораю от злости, и мне хочется крушить все, что подвернется мне под руку, потому что из-за своей глупости, я выкину на ветер десять тысяч, не могу отрицать того факта, что безумно жду с ним встречи.

4 глава

Эмили

Стучу в дверь Данни и Райана и жду, пока они откроют. Я, наконец, успокоила свое бешеное сердце от столкновения с Никсом.

И знаете, даже имя у него странное — Никс.

Дверь открывается, и на пороге стоит Райан. Я быстро бросаюсь к нему и оборачиваю руки вокруг его шеи, он приподнимает меня и начинает быстро кружить по комнате.

— Это моя любимая младшая сестренка, — выдыхает он с откровенной нежностью,

которой наполнены его слова. Я обожаю его ласковые обращения. Я в восторге от того, насколько изменились наши отношения за последние два года. — Как прошло интервью с Линком?

Райан бережно опускает меня на ноги, и я кладу ключи от машины и сумочку на столик в коридоре.

— Все отлично. Линкольн замечательный парень. Все прошло так, как я и планировала.

— Ну и чудненько. Пойдем на кухню. Данни как раз достает еду из духовки.

Я иду следом за Райаном, и, зайдя на кухню, мы видим, как Данни нагнулась над духовкой и пытается достать противень, на котором находится запечённая нежнейшая свиная вырезка. Как только Райан видит это зрелище, то торопливо подходит к ней и говорит без промедления:

— Давай, я помогу тебе.

Данни шлепает его по руке и говорит немного сердито, напоминая капризного ребёнка:

— Я могу сама сделать это. Я не беспомощная.

Я прищуриваюсь, когда наблюдаю, как Данни вытаскивает противень из духовки, с двух сторон придерживая его большими прихватками. Райан стоит рядом, держа руки так, будто хочет предотвратить ее неминуемое падение или просто поддержать в случае, если она вдруг упадет.

Что за херня?!

— Что происходит между вами двумя, быстро рассказывайте! — настаиваю я.

Они вдвоем поворачиваются ко мне и смотрят на меня с виноватым выражением лиц.

— Я повторяю свой вопрос, потрудитесь ответить, а не просто смотреть на меня виноватым взглядом! — я произношу каждое слово по отдельности, подчёркивая тем самым, что жду правдивого ответа.

Райан, кажется, совершенно позабыл, что Данни держит горячий противень.

— Ну... э... как бы так сказать...

Я перевожу грозный взгляд на Данни и приподнимаю брови в нетерпении. Ей придется ответить, потому что, по-видимому, Райан впал в полнейший ступор, а может, внезапно оступел.

— Данни, мне кажется, этот противень очень горячий. Поставь его на стол.

Данни поворачивается и ставит противень с мясом на стол. Затем разворачивается ко мне и немного усмехается. Она держит все в секрете, но я могу поклясться, она так и желает похвастаться мне.

— Ладно, если никто из вас сейчас же не признается, какого хрена тут происходит... то я....

Что мне сказать? Какая угроза на них подействует?

Оу, ну конечно.

— Так, отличненько, если вы сейчас же мне ничего не расскажете, то я возьму телефон и наберу маму. И скажу ей, что Данни изменяет тебе, Райан, с карликом из цирка и собирается с ним завести ребенка, а ты собираешься его воспитывать. Тогда, Райан, ты будешь разгребать последствия!

Данни начинает громко смеяться, а лицо Райана испуганно вытягивается.

— Ты не сделаешь этого! — обиженно говорит он.

— Еще как сделаю!

Данни передает прихватки Райану, подталкивая его, и продолжает:

— Достань оставшиеся овощи из духовки.

Я начинаю подпрыгивать на месте, как ребенок в преддверии Рождества, потому что я предчувствую, что Данни готова мне рассказать все секреты.

— Скажи, скажи, скажи! Ну, скажи же мне! — умоляю я. — Я смогу сохранить этот секрет.

Райан вытаскивает противень с овощами и, разворачиваясь, закрывает дверцу духовки ногой. После того как он ставит его на стол, он снимает прихватки и обнимает Данни. Райан притягивает ее крепко к себе, нежно опуская руки на живот, прижимается поцелуем к ее волосам, и они просто смотрят на меня.

— Думаешь, нам стоит ей сказать? — говорит он ей заговорщицким голосом.

Данни смотрит на меня оценивающе.

— Ну, даже не знаю. Я не думаю, что она сможет держать язык за зубами.

Демонстративно я вытаскиваю свой iPhone из кармана.

— Хорошо, тогда я звоню маме.

Данни быстро вырывается из рук Райана и выхватывает телефон из моих рук.

— Ладно, ладно, шантажистка! Мы скажем тебе!

Райан опять притягивает Данни к своей твердой груди и проводит ласково носом по ее щеке. Затем он переводит взгляд на меня, и на его лице появляется выражение безмерной радости. Слезы поблескивают в его глазах.

— Мы ждем ребенка!

Самая приятная, томная и благодатная волна тепла накрывает меня с головой. Она зарождается в груди и постепенно распространяется, охватывая каждый нерв, каждую клеточку моего тела, насыщая его нежностью. У меня перехватывает дыхание, когда я смотрю на то, как напряженно Данни и Райан ждут моей реакции.

— СВЯТОЕ ДЕРЬМО! МАТЬ ВАШУ! — кричу я, что есть мочи. Я быстро пересекаю разделяющее нас расстояние и заключаю их в свои объятия, протискиваясь между ними. — Я буду тетей!!

И мы втроем начинаем плакать и обниматься, целовать друг друга и, конечно, смеяться. Я начинаю засыпать их вопросами, все еще не выпуская из объятий.

Как? Когда? Девочка? Мальчик? Придумали имена? Кто знает? Как чувствует себя Данни?

Наконец Данни слегка отталкивает меня и отстраняется. Я продолжаю глупо улыбаться, потому что, мне кажется, большего счастья я в жизни не испытывала. Я смотрю с обожанием на свою семью... на Райана и Данни... и продолжаю лелеять мечту в глубине души, что когда-нибудь и я буду такой счастливой.

После вкусного ужина Райан уходит на вечерний сбор всей команды. Вечер был просто потрясающий, а радостные новости сделали его еще лучше. Я узнала за ужином о беременности больше, чем когда-либо за всю свою жизнь.

Срок беременности Данни всего два месяца, именно по этой причине они решили, пока никому не говорить, и объявить радостную новость после первого триместра. Я искренне извинилась перед ними за то, что вынудила их рассказать мне, но Данни призналась, что они все равно собирались сегодня мне рассказать. Они сказали, что я единственная, с кем

они захотели поделиться этой новостью прямо сейчас, потому что я неотъемлемая часть их семьи.

Только от одной мысли о том, что я единственная, с кем они захотели поделиться, я хочу растечься лужицей.

Мы говорили с ней без умолку об утренней тошноте, о вещах для малыша, и будет ли моя племянница или племянник играть в хоккей или, может, на скрипке. В итоге мы решили, что малыш будет заниматься и тем, и другим.

Мы обсуждали имена, смеясь над самыми экстравагантными, как к примеру, Горовиц или Танжерин.

Внезапно Данни становится очень молчаливой, затем смотрит на меня серьезным взглядом.

— Мы хотим, чтобы ты была крестной мамой малышу.

Ооооооооо, от ее слов, мне кажется, я со свистом втягиваю в себя воздух.

— Я... я не знаю. Ты уверена? Мне кажется, что крестная должна быть хорошим примером для подражания, или нет?

Моя неуверенность сбивает меня с ног, отчего я начинаю думать о том, какой я была. Хотя я и стараюсь измениться... стараюсь стать лучшей женщиной. Но я так долго была отвратительным и высокомерным человеком. Как они могут мне доверить что-то настолько важное и чистое, незащищенное и такое дорогое?

Данни берет меня за руку и прижимает к своему сердцу.

— Эмили... Мне кажется, лучшего примера для подражания нам не найти. Ты замечательный человек, и я надеюсь, что мой сын или дочка будут похожи на тебя. Ты очень хорошая. Мы с Райаном тебя любим и очень ценим.

О боже, признаюсь, от ее слов в моих глазах начинают собираться слезы. Я улыбаюсь ей сквозь пелену слез, и мы крепко обнимаем друг друга. Данни нежно прижимает меня к груди и ласково гладит по волосам успокаивающим движением.

— Эмили Бёрнэм, ты замечательная, — говорит она нежно, словно убаюкивает меня в колыбели.

Я отстраняюсь, смотря на нее:

— Данни, ты мой пример для подражания, я учусь быть такой, как ты.

Вечер заканчивается на хорошей ноте. Данни открывает бутылку вина, но так как из-за беременности ей нельзя пить, я пью одна. И к самому концу ужина я достаточно опьянела, поэтому Данни настаивает, чтобы я осталась у них переночевать.

Мы начинаем опять перебирать имена, но внезапно я говорю:

— А как тебе имя Никс?

— Никс? — спрашивает она немного удивленно, потом повторяет его, пробуя, как оно произносится. — Это для девочки или для мальчика?

Я пожимаю плечами, легкая ухмылка растягивается на моих губах.

— Мне кажется, подойдет и для девочки, и для мальчика. Но если у вас будет мальчик, и ты назовёшь его Никс, то он точно будет мудаком, который не уважает женщин и одним взглядом разбивает их сердца.

— О чем ты говоришь, не пойму тебя, загадочная, Эмили Бёрнэм!

Я пожимаю плечами и не отвечаю на ее вопрос. Я не желаю, чтобы мои мысли были заняты потрясающим парнем, которого я сегодня сбила, и который оказался форменным засранцем. Я лучше сохраню все мысли и соблазнительные фантазии о Никсе при себе.

5 глава

Никс

Я откручиваю пивную крышку с бутылки и слегка прислоняюсь плечом к стене. Наблюдаю за тем, как вечеринка набирает обороты. Мне всегда больше нравится наблюдать со стороны и не влезать во всякого рода назойливую болтовню. По характеру я всегда был тихим и наблюдательным. Когда служил в морской пехоте, я зачастую выполнял миссии, связанные с дальней тактической разведкой для войск специального назначения военно-морского флота США, благодаря этому я выработал в себе незаменимые качества — терпение и умение сохранять молчание. Большую часть времени на службе я сидел в засаде в холодных горах, наблюдал за передвижениями террористов из движения «Талибан» и затем докладывал руководству. Я мог спокойно часами сидеть и вести наблюдение за одним и тем же объектом, если в этом была необходимость. Это все заложено в моём характере.

Я не говорю, что не люблю большие компании. Как и большинству парней, мне нравятся хорошие вечеринки. Но мне больше по душе просто созерцать со стороны за происходящим и потягивать пиво, а не быть втянутым в это безумие с различными расспросами. Просто я не фанат людей.

Сегодня мой брат Линк выложился на все сто и собрал целую хренову тучу народа, почти всю хоккейную команду, плюс множество соблазнительных красоток. Линку никогда не составляло труда собрать толпу красоток, которые не могли отвести от него хищных взглядов. В большинстве своём они поклонницы хоккея, которые пришли сюда в надежде потрахаться и, если повезёт, подцепить мужа хоккеиста. Но среднее количество одиноких хоккеистов и девушек совершенно не равно, поэтому, если мне захочется, то я с лёгкостью могу увести одну из девиц к себе в комнату.

Но на данный момент, я просто наблюдаю.

Прикончив бутылку пива, я направляюсь на кухню выбросить пустую бутылку в мусорное ведро. Затем подхожу к холодильнику, достаю ещё одну и, откручивая крышку, делаю глоток. Не знаю почему, но сегодня я чувствую себя особенно дерьмово.

Возвращаясь в гостиную, занимаю своё место у стены. Вижу, как Харли проскальзывает в толпу. Эта собака сделает все, чтобы получить свою порцию ласк и почесывания за ушами. Он просто невообразимо милый, поэтому всегда получает то, что хочет. Я задумываюсь над тем фактом, почему я доверяю собакам больше, чем людям. И все, что приходит мне на ум... Харли никогда меня не предавал.

— Хорошо проводишь время, братишка?

Я смотрю через плечо и вижу Линка, который стоит, держа стакан с янтарным виски. Я отвечаю ему на вопрос простым кивком, и как бы в доказательно поднимаю вверх пиво, давая ему удостовериться, что все нормально.

— Ну что ж, а будет все ещё лучше. Видишь двух цыпочек, которые сидят вон там...

Я смотрю, куда он показывает. На диване сидят две потрясающие красотки. Обе одеты в обтягивающие, коротенькие платья, и на ногах красуются головокружительные шпильки. Бросив один-единственный взгляд на них, могу сказать со сто процентной уверенностью, обе вложили приличные деньги в пластику груди.

А кто сказал, что моя наблюдательность, которую я развил в морской пехоте, будет

потрачена впустую? Я довольно растягиваю губы в усмешке.

— Симпатичные, — отвечаю я кратко. И именно это я и имею в виду.

— Они тут для нас с тобой и готовы сделать все, когда гости уйдут.

Ну конечно, они сделают все. Линк всегда заботится обо мне в этом плане. Он думает, что я не знаю, как развести красотку на секс, и воспринимает моё молчание, как неспособность затащить девчонку в кровать. Ну а мне, в свою очередь, не хочется менять его устоявшееся мнение, поэтому я позволяю ему это делать. Но ведь существует много девушек, которым не нужны красивые слова, они соглашаются на секс и так, без ласковых уговоров и подарков.

Но я не хочу его огорчать, поэтому улыбаюсь ему и просто говорю:

— Ты молодец, чувак.

Линк уходит от меня и направляется напрямиком к этим девушкам. Он садится между ними и красотки вовсю начинают клеиться к моему младшему брату.

Что за бабник!

Я осматриваю комнату и замечаю, как открывается передняя дверь. Еще больше гостей заходят в квартиру. Я сразу же узнаю друга Линка по команде — Райана Бёрнэма, затем следом заходит его жена, Данни. Линк сказал мне, что Данни недавно закончила Джульярд, но она выглядит не так, как должна выглядеть в моём представлении жена хоккеиста и классический музыкант: у неё крашенные кончики волос и серебряное колечко в носу.

И внезапно за Данни следом заходит...

Моё дыхание замирает, и бутылка останавливается на полпути ко рту. Это... это Эмили. Девушка, которая сбила меня на прошлой неделе.

Какого долбаного хрена она здесь делает?!

Я был ужасно зол на неё на прошлой неделе, но не смог ничего поделать с собой и провёл последние несколько дней, вспоминая, насколько она потрясающе красива. Мне кажется, моя память все еще отлично работает, так как я точно запомнил ее образ. Длинные волосы рассыпаются по спине и переливаются на свету, словно расплавленный тёмный шоколад. Ее восхитительные глаза цвета янтаря с вкраплениями бронзы не дают отвести от них взгляд.

Несчастный случай, что произошёл между нами, не даёт мне покоя. Сначала я был ужасно зол, что она сбила меня и повредила мой мотоцикл, и часть меня упрямо желала придушить ее за невнимательность. Но к концу разговора, каким-то загадочным образом, она убедила меня принять выплаты в рассрочку, и сейчас я до сих пор не понимаю, как мог согласиться на это. Никс не проявляет таких слабостей.

Я наблюдаю, как Харли проходит мимо остальных гостей, направляясь к Эмили, и подойдя к ней, радостно виляя хвостом, прыгает на неё. Я собираюсь идти по направлению к ним, чтобы оттащить его от Эмили, как замечаю, что она весело притягивает его к себе, прижимая лицо к его спине.

Я поражен. Восхищен. Ошеломлен.

Я никогда не видел, чтобы женщины так реагировали на Харли. Зачастую его стокилограммовая напористая сила только пугает людей.

Эмили бережно опускает его передние лапы на пол, но продолжает гладить и чесать его за ушами, в то время как к ней подходят разные люди, чтобы поздороваться. Она определенно знает тут приличное количество гостей, а так как большинство людей тут хоккеисты, я задаюсь вопросом, не из тех ли она девушек, кто пришёл сюда с целью

переспать с игроками и подцепить себе мужа.

Эта мысль не даёт мне покоя, раздражая меня.

И затем я вижу, как Райан Бёрнэм поворачивается к ней и что-то шепчет на ухо. Она игриво ударяет его по плечу, и осознание накрывает меня, словно груда камней. Она сестра Райана. Точно... Эмили Бёрнэм. Когда они стоят рядом, то невозможно ошибиться, ведь сходство налицо.

Скорее всего, она была у Линка в тот день, когда сбила меня. Но брат не сказал мне ни слова о ее визите, хотя сексуальными подробностями он делится всегда. Может, Эмили для него особенная, та самая, которая завладела его сердцем, и он не желает рассказывать об их близости, чтобы не опорочить ее в моих глазах.

Пока я наблюдаю за ней, замечаю, как она переводит взгляд на Линка, который все так же обнимает двух красоток. Она задорно качает головой, когда их взгляды встречаются, и он кивком приветствует ее с нежностью в глазах. И знаете, тот факт, что она не огорчается, увидев Линка с красотками, заставляет меня почувствовать себя намного лучше. Скорее всего, она была здесь по другой причине, их близость была плодом моего больного воображения. Какое хрена я задумываюсь о таких вещах, меня это совершенно не касается. Но все же, внутренне мне становится легче, когда я понимаю, что их не связывает секс.

Поэтому я просто продолжаю за ней наблюдать.

Я продолжаю смотреть на неё, не сводя взгляда, не отходя от стены, на которую облакачиваюсь. Допиваю пиво, но не уйду, чтобы взять ещё одно. Я очарован, наблюдая за тем, как Эмили общается с людьми. Я вижу, как Райан заботливо приносит ей бокал вина, и бутылку воды для Данни. Эмили точно знает множество гостей на вечеринке, с некоторыми она общается вполне по-дружески, разговаривает с девушками и даже хихикает над шутками. Я замечаю, что, когда она находит что-то смешным или милым, ее глаза искрятся от радости.

Проходит примерно минут двадцать, пока она общается, улыбается и шутит, но затем все-таки происходит неизбежное. Она переводит взгляд на меня, и ее замечательная, яркая улыбка мгновенно сходит с лица. Теперь она выглядит напряженной и расстроенной.

Не могу сказать, что виню ее за это, потому что в последний раз, когда мы виделись я вел себя как настоящий придурок.

О, ну, кстати, я не парюсь по этому поводу, мне просто плевать. Я тот, кто я есть.

Я быстро разворачиваюсь и направляюсь на кухню, чтобы взять ещё одно пиво. Открываю его и, облокотившись на кухонную столешницу, делаю большой и жадный глоток. Здесь никого нет, поэтому я наслаждаюсь уединением и тишиной. Я опускаю глаза и тщательно рассматриваю мои мотоциклетные ботинки. Они довольно потертые, но очень удобные, затем я немного хмурюсь, когда замечаю на левом ботинке на пятке небольшую вмятину, которая появилась там благодаря столкновению с Эмили Бёрнэм.

— Привет, Никс.

Я поднимаю голову и вижу Эмили, стоящую рядом со мной.

Когда она находится так близко, то выглядит ещё более привлекательной, чем я запомнил. Она одета в платье, но не в такое, как у большинства девушек в этой комнате, — не в развратное, которое едва прикрывает их ягодицы. На ней платье приятного желтого

цвета, выгодно подчёркивающее её красивую грудь, и к слову, она не накачана силиконом, у неё она явно настоящая и очень красивая. Тонкие бретельки открывают взгляду красивую загорелую кожу, а на ногах у неё пара золотистых сандалий.

Эмили достаточного высокого роста. Она около ста шестидесяти семи сантиметров, её макушка как раз доходит мне до плеча. По моему мнению, это самый подходящий рост для девушки, потому что мне нравятся высокие.

Я быстро качаю головой, будто пытаюсь избавиться от надоедливых мыслей, что не дают мне покоя с того момента, как я познакомился с этой чертовкой. О, нет, простите, после того как чертовка сбила меня с мотоцикла. Чёрт побери, о чем я думаю?!

Я трахаю женщин и бросаю их. И мне нет никакой разницы до того, как они одеты, мягкая ли у них кожа и, тем более, насколько она покрыта загаром.

Я пристально смотрю ей в глаза и внутренне принуждаю себя скользнуть в привычную мне маску дерзкого мудака.

— Ну-ка, ну-ка, посмотрите, это же дамочка, которая сбивает парней?

Она краснеет, смущается и отводит глаза в сторону, не смотря на меня. Я украдкой наблюдаю, как она переплетает пальцы и нервно закусывает губу. Я прекрасно понимаю, что это у неё выходит совершенно случайно, и у неё нет задачи соблазнить меня, но, чёрт возьми, её действия заставляют меня хотеть прижаться к ней и нежно прикусить её нижнюю губу.

Я продолжаю ждать, пока она что-нибудь скажет. Наконец, она собирается с силами, смотрит мне в глаза и тихо говорит:

— Мне нужно поговорить с тобой насчёт денег, которые я должна тебе.

Я приподнимаю брови в крайнем удивлении.

— О чем тут говорить? Ты должна мне деньги, и через три недели ты должна внести первую сумму в счет погашения долга.

— Да, я это знаю, но моя платежеспособность... скажем так, мой счёт закрыт.

— Ээ, не понял. Что ты имеешь в виду?

Мне, если честно, совершенно похер на это, но мне так хочется продлить минуты нашего разговора, поэтому поинтересоваться, что же помешает ее выплате, отличный предлог, чтобы еще немного поговорить.

— Ну... как бы... эмм.

Она так мило запинается, на щеках появляется румянец, и я нахожу это потрясающим. Если честно, то это ужасно возбуждает меня.

— Эмили, просто выкладывай, не тяни.

Она делает глубокий вдох, набираясь смелости, подаётся вперёд и говорит немного сбивчиво:

— Хорошо, смотри, в чем дело. Я завишу от трастового фонда. Но это, наверное, не удивляет тебя, да? Ну, так вот, до этого мне было позволено снимать по две тысячи в месяц, пока мне не исполнится двадцать один, и я не вступлю в законное пользование трастовыми накоплениями. Поэтому я планировала отдавать тебе по две тысячи каждый месяц, но, по видимому, я вконец разозлила родителей, и они заморозили счёт.

Эмили глубоко, медленно выдыхает, и я вижу, насколько ей стыдно и больно говорить это мне. Но я не двигаюсь.

— Ты же понимаешь, что это меня не касается? Почему бы тебе просто не дать мне свои страховые данные?

— Нет, нет, — обеспокоенно восклицает она. — Пойми, я не могу.

— Ох, ну конечно, понятно. Мамочка и папочка отнимут у золотой девочки машину, так? — я не могу сдержаться, и в моем голосе сквозит насмешка.

Она качает головой.

— Нет, понимаешь, все намного сложнее. Если ты напишешь заявление на возмещение страховки, тогда эта информация поступит в полицию. А если они узнают, что я попала в ещё одну аварию, они просто заберут мои права.

Я смотрю на неё некоторое время и вижу, что она опять начинает кусать нижнюю губу. Меня словно накрывает жаркая волна желаний, похоти и осознания того, что я до боли в мышцах хочу эту девушку. У меня возникает дерзкое желание притянуть ее к себе и поцеловать, засасывая нижнюю губу, чтобы попробовать, насколько восхитительно будет ощущаться поцелуй Эмили. Я начинаю злиться, потому что чувствую, как член твердеет от одного взгляда на то, как невинно и сексуально она прикусывает нижнюю губу. Сейчас я четко осознаю, что хочу ее.

Причём, очень сильно.

Но я понимаю, что у нас ничего не может быть. Потому что она хорошая девушка, таких приводят домой знакомить с родителями, а не просто трахают и бросают на утро. Я никогда не поступлю с ней так, не стану просто использовать ее для секса, для своего удовлетворения. Мне нужно как можно быстрее избавиться от мыслей об Эмили Бёрнэм.

Она для меня под запретом.

Мне нужно заставить себя сказать ей, чтобы она просто вернула мне деньги, как только они у нее появятся.

Но вместо этого я говорю, словно загипнотизированный ее красотой:

— А не хотела бы ты просто отработать эту сумму?

Я не понимаю, откуда пришла эта бредовая идея, но сказанного не воротишь. Предложение озвучено, и я не могу забрать слова обратно. И не уверен, что, если бы была возможность изменить хоть что-то, я захотел бы взять их обратно.

Она слегка склоняет голову набок и смотрит на меня с любопытством.

— Что ты имеешь в виду?

— Понимаешь, я хороший сварщик и металлообработчик. Я могу сделать многое, но я полный профан в ведении бухгалтерии. У меня скопилось неподъёмное количество бумажной работы, с которой пора разобраться и привести все к системе, чтобы все могло нормально функционировать. Как насчёт того, чтобы ты уделяла мне и моей мастерской примерно двадцать часов в неделю, и постепенно ты сможешь отработать долг.

Я вижу, как она обдумывает мои слова, чёрт побери, я даже чувствую, как крутятся шестеренки в ее голове. И мне приходится до боли сжать кулаки, вонзаясь ногтями в кожу ладоней, чтобы не совершить опрометчивых действий — не пойти к ней и не поцеловать, чтобы наконец избавиться губу от плена ее красивых зубов.

Слава Господу, девчонка наконец-то прекращает терзать губу и выдыхает:

— Мне потребуется много месяцев, чтобы отработать всю сумму долга.

— Эмили, ты должна понять обо мне несколько вещей. Может, я и не самый приятный парень, но я очень терпелив в нужной ситуации.

Ее брови напряженно сходятся на переносице, когда она размышляет над сказанным мной. Затем она опять прикусывает губу и слегка проходит языком по ней, чтобы увлажнить. Я еле успеваю прикусить язык, чтобы не застонать в ответ на ее действия.

— Хорошо, — говорит она просто. — Но если ты не против, нам нужно совместить часы работы с расписанием в колледже. Я смогу приходить к тебе в понедельник, среду, пятницу и субботу, если конечно ты хочешь. О, и, кстати, я уже поняла, что ты не самый приятный человек.

Ее слова ранят меня в самое сердце, я даже не знаю почему. Может, потому что это абсолютная правда? Я полный мудак, особенно, что касается общения с женщинами. И я не думаю, что могу когда-либо измениться. Но где-то на задворках разума зарождается мысль, что я не хочу, чтобы она думала обо мне плохо. Я не хочу быть с ней придурком.

— Ну, тогда заметано, — немного напряженно заключаю я.

Я протягиваю руку для пожатия. Она немедленно шагает навстречу и берет мою руку в свою. Ее ладонь тёплая, кожа очень нежная, словно бархатная поверхность лепестка розы, но ее рукопожатие уверенное. Она стоит достаточно близко ко мне, поэтому я могу ощутить лёгкий аромат жасмина, исходящий от нее. И знаете, мне кажется, он отлично ей подходит.

Отпуская ее тёплую ладонь, я прохожу мимо неё, говоря через плечо:

— Увидимся в понедельник.

Я открываю холодильник и беру оттуда ещё одно пиво, направляясь через прихожую в свою спальню. У меня больше нет желания находиться на этой вечеринке, и в данный момент не возникает никакого желания соблазнять аппетитных цыпочек с Линком.

В данный момент моя душа желает лишь одного — наслаждаться приятным уединением.

6 глава

Эмили

Я направляюсь в Хобокен на первый рабочий день к Никсу. Утром он прислал мне сообщение с адресом. Да, именно... просто адрес. Никакого «Привет. Это мой адрес. Увидимся позже». Этот парень явно не любит трепать языком без дела, плюс у него явная нехватка хороших манер и абсолютно точно он не умеет быть вежливым и уважительным.

Я нервничаю, в этом нет сомнений. В нем есть что-то такое, что вызывает мое беспокойство. Когда я увидела его в прошлые выходные на вечеринке у Линка, я сначала не поняла, кто он. Я имею в виду, что я сразу восприняла его, как привлекательного парня, и волна чистого влечения прокатилась по моему телу, когда наши взгляды встретились. Я почувствовала испепеляющее возбуждением мгновенное притяжение, что образовалось между нами. Это длилось пару секунд, пока я не поняла, что это Никс.

Наш диалог был по большому счёту неловкий. Мне было неудобно говорить ему, что я не смогу отдать ему деньги. Но это даже рядом не стояло с состоянием, что мне больше вообще негде их взять.

Я до сих пор вздрагиваю, когда думаю о разговоре, что произошел в прошлую пятницу. Она позвонила мне взбешенная. Очевидно, колумбийская школа журналистики отправила мне домой письмо подтверждающее заявление на поступление. Мама не церемонилась со мной, когда я сняла трубку.

— Эмили, как ты могла выбрать журналистику как профильную специальность? Мы же неоднократно обсуждали это, и ты обещала выбрать медицину или юриспруденцию.

Я сделала глубокий вдох, чтобы немного успокоить нервную дрожь, затем досчитала до

пяти, представляя прыгающих на лугу овечек.

— Мама... Я не хочу быть адвокатом или доктором. Я хочу быть спортивным журналистом.

Я слышала, как мама шумно втянула воздух, и можно было подумать, будто я призналась в убийстве. Она ответила мне единственным возможным способом, который известен Селии Бёрнэм... с грубой силой и стальным натиском.

— Это совершенно неприемлемо, юная леди. Первое, что ты сделаешь в понедельник, будет смена профессии.

Не было такого количества кислорода на земле, который бы помог мне сделать глубокий успокаивающий вдох. Я бы не смогла мысленно насчитать столько овечек, чтобы хоть немного успокоить свою ярость. Поэтому я стиснула зубы и попыталась быть как можно более уважительной.

— Прости, мама, но я не намерена этого делать. Я хочу выбрать себе специальность, исходя из моего желания, а не из твоего.

Я слышала, как мама сделала крошечный вдох, и я прекрасно знала, что она сменила тактику. Она практически расплакалась, когда проговорила мне:

— Эмили... ты же знаешь, насколько жестоко поступаешь, именно сейчас пришло время показать, насколько у нас влиятельная и сплочённая семья. Дочь, которая учится в медицинской или юридической школе повысит твоему отцу рейтинг, что так необходимо в данный момент для его компании.

Я почувствовала, как на меня наваливается неистовая головная боль и осторожно помассировала виски.

— Мама. Прошу тебя, не заставляй меня чувствовать себя виноватой по этому поводу. Нет ничего плохого в профессии журналиста. Это достаточно уважаемая профессия.

И затем моя мама опять сменила тактику. В этот раз она добила желаемого, я прислушалась.

— С меня хватит, Эмили. Если ты не сменишь специальность, то я заморозу твой трастовый фонд, и ты не сможешь снять оттуда ни цента.

Но на тот момент моя чаша терпения была переполнена, я устала, что она постоянно помыкает мной с помощью трастового фонда. Иногда я мечтала о том, чтобы его вообще не существовало. Если при помощи этой угрозы она хотела, чтобы я отступила от задуманного, то ей приготовлен сюрприз. Я не собираюсь оставлять профессию журналиста. Если честно, она настолько меня разозлила, что я была готова сказать, что бросаю все и буду стриптизершей, но разум возобладал над гневом, и я проговорила спокойным голосом:

— Значит, так и делай. Пока, мама.

Когда я нажала «отбой», то на краткий момент в душе разгорелось чувство гордости за то, что я смогла дать отпор, но затем оно сменилось чувством тревоги. Сразу же возникли две проблемы, которые невозможно было задвинуть в дальний ящик. Первая, как я собиралась платить Никсу за его сбитый мотоцикл, и вторая, как я заплачу за обучение в следующем семестре? Этот семестр не проблема, потому что за него заплатили мои родители, как и за аренду квартиры. Я могу найти работу на неполный рабочий день, чтобы оплачивать свои нужды и траты. Но я бы не смогла внести плату за следующий семестр обучения без поддержки родителей или до того момента, пока летом не получу законной доступ к моему трастовому фонду.

Я ненавидела то, что мне пришлось сделать. Но другого выхода не было. Я прыгнула в

машину и поехала к Райану и Данни. Его не было дома, но там была Данни. Она внимательно выслушала меня. Выслушав мой подробный рассказ о звонке матери, она сказала:

— Эмили... тебе не о чём волноваться. Мы с Райаном оплатим следующий семестр учёбы, если твои родители до этого времени не образумятся.

Я испытала облегчение, запрыгала от радости и крепко обняла ее в ответ. Она с энтузиазмом вернула мне объятия.

Но тем не менее, я не стала ей рассказывать про то, что я должна деньги Никсу. Они с Райаном не должны быть втянуты в проблемы, которые произошли по моей глупости. Я все ещё обдумывала возможные варианты решения этой проблемы, когда мы пошли на вечеринку в квартиру Линка, а апогеем всему стало то, что я лицом к лицу столкнулась с одолевающей меня проблемой. Правильно говорят, что честность — лучшая политика, поэтому я решила просто во всем признаться Никсу.

Я должна сказать, основываясь на моём небольшом опыте общения с Никсом, когда я сбила его мотоцикл, он воспринял мою невозможность расплатиться с ним намного лучше, чем я ожидала. Да, он определено не скакал от радости, когда услышал суть проблемы, но его предложение отработать долг было лучшим, на что я могла надеяться.

И вот, я тут, направляюсь к Никсу домой в Хобокен. Все выходные напролет я гадала, почему Никс был на той вечеринке. У меня не было возможности спросить его, потому что, когда мы договорились о том, как я отработаю долг, он не сказал больше ни слова и просто исчез. И больше я его не видела, поэтому мне нужно обязательно спросить его, почему он был там.

Я заворачиваю к подъездной дорожке дома, адрес которого мне прислал Никс. Передо мной среднестатистический двухэтажный дом с более обшарпанными домами по соседству. Огромные дубовые деревья растут около дороги, по которой дети едут на велосипедах. Я останавливаюсь позади потрепанного «Форда Бронко», который полностью покрыт ржавчиной. Чувство вины пронзает меня, когда я понимаю, что именно на этом ездит Никсон после того, как по моей вине был сломан его мотоцикл.

Стучу во входную дверь, но никто не отвечает. Я обхожу дом и вижу огромный гараж и мастерскую в задней части сада. И направляюсь именно туда.

Подойдя к мастерской, я открываю дверь и вхожу. Она просторная и хорошо оснащенная. Здесь стоит огромная витрина с разными деталями. Мне интересно, что он делает с ними. Затем у одной из стен я замечаю рабочий стол, который полностью завален кипами документов. Я так полагаю, это и есть моя новая работа.

Никса здесь нет, но в задней части комнаты есть дверь, поэтому я решаю открыть ее и посмотреть, там ли он.

Я открываю дверь и быстро оглядываю пространство внутри, но вижу лишь белый обжигающий свет и искры, которые рассыпаются повсюду.

— Быстро выметайся отсюда, Эмили.

Я практически подпрыгиваю от его крика, и начинаю пятиться назад. Он вылетает вслед за мной и движется на меня. Я вижу, что он очень зол, гнев исходит от него мощной волной, но я все равно не могу понять, что я такого сделала.

— Не смей никогда входить в эту комнату, когда дверь закрыта. Это значит, что я занимаюсь сваркой, а если ты согласишься на этот свет без защитных очков, то можешь обжечь глаза, — гневно восклицает он.

Моя кровь с дикой скоростью пронесется по телу. Он до чертиков напугал меня своим приступом ярости.

— Не смей никогда больше кричать на меня! Я даже не знала, что это может быть опасно! Может, если бы ты повесил какой-нибудь знак на дверь, то я бы не вошла.

Он пристально смотрит на меня в течение пары долгих минут, затем немного приходит в себя и успокаивается.

— Извини, — бормочет он. — Я просто разволновался, что ты можешь обжечься.

Это меня немного успокаивает. Никс поворачивается ко мне спиной и направляется к столу.

Он снимает пару перчаток, стягивает защитные очки, а я в свою очередь пользуюсь моментом, чтобы рассмотреть его. На нем надеты потертые джинсы, которые смотрятся на нем потрясающе соблазнительно. Они низко сидят на бедрах, и кожаный ремень с металлическими клепками поддерживает их на месте. Он одет в футболку оливкового цвета, которая отлично подчёркивает его мощные мышцы груди. Он тянется, чтобы положить перчатки, и его футболка немного приподнимается.

Ммм.

Чёрные байкерские ботинки отлично подходят к его образу, он одевается не так, как остальные парни, с которыми я привыкла общаться, но выглядит просто потрясающе. Его одежда говорит сама за себя, полностью соответствуя характеру хозяина... грубая и удобная. И безмерно сексуальная.

И этот парень совершенно не моего уровня.

Я быстро окидываю взглядом его одежду, но по-настоящему моё внимание привлекают его татуировки, выглядывающие из-под рукавов футболки. Каждый его бицепс окружает три витка колючей проволоки, настолько реалистичной, что кажется, будто ее колючки впиваются в его кожу, пронзая ее, а в местах проколов из ран стекают капельки крови. Это восхитительно ужасающие татуировки. Но вместе с тем они, несомненно, становятся греховно эротическими из-за его взгляда. Я никогда не видела ничего подобного.

Я отвожу глаза от его татуировок и смотрю на него. Мои щеки краснеют, когда я понимаю, что он наблюдал, как я рассматриваю его татуировки.

— Нравится то, что видишь? — его слова должны были прозвучать как поддразнивание, но его голос настолько серьёзен, что мне становится не по себе.словно одна из его колючих проволок пронзила меня.

Я стараюсь сохранить спокойствие.

— Не особо. Просто интересно, и все.

— Если хочешь посмотреть на остальную часть татуировки, ты можешь просто попросить. Я приму за честь раздеться перед такой крошкой и показать все, что тебя заинтересовало. — Сейчас я слышу резкую издевку в его голосе, его глаза холодные, как арктический лед. Не знаю почему, внезапно меня охватывает чувство печали за него.

Никс пристально следит за мной, ожидая моего ответа. Я рефлекторно сплываю. Одна мысль о том, что Никс снимет футболку со своего накачанного тела, посылает волну томительного жара по моему телу, заставляя желудок мучительно скручиваться и сжиматься. Благодаря каждой частичке силы, что удалось собрать воедино, я как можно спокойней отвечаю:

— Нет, спасибо, я здесь, чтобы делать свою работу и все.

Никс безразлично пожимает плечами, делая вид, будто моя незаинтересованность

совершенно не беспокоит его, и внезапно до меня доходит, что он предложил это, чтобы поиздеваться и оттолкнуть меня подальше от себя. На самом деле он совершенно не заинтересован во мне, как в девушке, что должно принести облегчение. Должно, но этого не происходит.

— Так, тебе не нужно здесь ничего показывать, потому что ты уже везде сунула свой любопытный нос. И опять, повторяю на будущее, никогда и ни под каким предлогом не входи сюда, если дверь закрыта, — говорит он, указывая на сварочную мастерскую.

— Ты уже дал мне это чётко понять.

Он подходит к столу и показывает на бумаги рукой.

— Вот это твоё рабочее место. Приведи в порядок мою документацию.

— И все? Просто привести в порядок твою документацию? Я совершенно не представляю, что это за бумажки.

— Ну что ж, нас уже двое, тех, кто в этом ни хрена не смыслит. Не волнуйся, просто иди и попытайся с этим разобраться. Мне кажется, что тебе не составит труда разобраться с почтой и выбросить ненужное. После этого я дам тебе новое задание. У меня нет времени стоять тут и объяснять тебе что, где и как.

— Хорошо, — отвечаю я, но на самом деле это совсем не «хорошо». Я не хочу больше выставлять себя перед Никсом полной идиоткой.

Никс разворачивается и направляется в сварочную мастерскую.

— Эй, — кричу ему вслед. — У меня есть ещё пара вопросов к тебе!

Он выглядит довольно раздраженным, когда поворачивается ко мне.

— Ну что еще?

— А что значит «Никс»?

Его брови удивленно взлетают вверх и по его реакции видно, что никто не задавал ему такой личный вопрос.

— Это сокращенное от Никсон.

— Оу. Это круто.

Он остаётся стоять на своём месте, пристально сверля меня взглядом, и тут до меня доходит, что я сказала во множественном числе... «у меня есть пара вопросов». Ох, чёрт.

— Почему ты был на вечеринке в прошлые выходные у Линкольна Кэлдвелла?

Я наблюдаю, как на его губах растягивается улыбка, и это заставляет меня на минуту почувствовать лёгкое головокружение. Я могу сказать точно, он не часто это делает. У него потрясающая улыбка.

— Линк — мой младший брат. Я остановился у него до того времени, пока не закончу ремонтировать и перестраивать свой дом.

— О, — говорю я. — Ну, хорошо. Мне, наверное, стоит приняться за работу.

Он кратко кивает мне и притворяет за собой дверь в сварочную мастерскую.

Хммм. Приятно познакомиться, Никсон Кэлдвелл.

За четыре часа усердной работы я аккуратно разложила документы и выбросила большое количество ненужной почты. Просматривая документы, я обнаружила, что у него имеются счета, по которым он не платил уже четыре месяца, также были банковские извещения, которые датировались приблизительно десятимесячным сроком, а некоторые

вообще были не открыты.

Я сижу за столом, совершенно не представляя, что мне делать дальше, но я должна что-то придумать, план, как со всем этим разобраться. Я ненавижу сидеть без дела и просто размышлять, поэтому начинаю открывать все банковские извещения и раскладывать по отдельным стопкам. Я так погрузилась в процесс работы, что даже не услышала, как открылась дверь сварочной.

Я чувствую присутствие Никса из-за ощущения его тёплого дыхания на моём плече, покрытом тонкой лямкой маечки.

Поворачиваю голову в сторону и вижу, что он нагнулся, наблюдая через плечо за моей работой. Я моментально покрываюсь мурашками от его близости. Меня немного пугает то, что человек может влиять на тебя таким образом, просто находясь рядом.

— Я вижу, ты добилась определённых успехов, — тембр его голоса немного хриплый.

Я подвигаю стул немного вперёд, чтобы между нами образовалось некоторое расстояние, прежде чем отвечаю:

— Так, тут у меня все разложено по стопкам. Вот тут твои обязательные счёта. И мне точно кажется, что они не оплачивались на протяжении четырёх месяцев. Откровенно говоря, я вообще удивлена, как у тебя ещё не отключили электричество за неуплату.

Он удивляет меня, когда начинает смеяться.

— Не беспокойся. Все мои счёта стоят на автооплате. Все оплачивается вовремя и полностью. А ты мне нужна для того, чтобы просмотреть, совпадают ли мои банковские извещения с оплаченными счетами.

Я киваю.

— Что приводит нас к следующей стопке с документами. Это твои банковские извещения, которые датируются десятью месяцами. Ты совершенно не контролировал свои счета, поэтому у тебя тут полный бардак, я вообще удивляюсь, откуда ты знаешь, что на твоих счетах достаточно денег для оплаты.

Он выпрямляется и разворачивается, присаживаясь на угол стола. Скрещивает руки на груди, пока изучает меня своими пронзительными глазами. Я не могу ничего с собой поделаться и тайком рассматриваю, как мускулы на его руках перекачиваются и сокращаются. Или же за тем, как его джинсы обтягивают его бедра.

— Ещё раз... не переживай по этому поводу, — говорит он спокойным голосом. — У меня достаточно денег на счете в банке, и там с лихвой хватит на покрытие счетов.

— Ладно, с этим разобрались. Кстати, — говорю я, держа книгу учета доходов и расходов, — налоговые декларации должны заполняться поквартально. Но у тебя они датируются прошлым годом и, по-видимому, вообще никогда не открывались.

Никс чешет голову, взъерошивая свои шелковистые волосы. Затем вздыхает.

— Вот с этого и можно начать. Позвони в налоговую службу и выясни, что нужно сделать, чтобы правильно их заполнить и что сейчас нужно оплатить.

Он наклоняется в мою сторону, я же начинаю испуганно отстраняться, но потом понимаю, что он просто открывает ящик стола. Достает оттуда чековую книжку и, положив ее на стол, показывает на нее кивком головы.

— Просто выпиши чек на все налоговые сборы, штрафы и набежавшие пени за несвоевременную уплату налога, затем пошли его по почте.

Моя челюсть в буквальном смысле слова отваливается. Впервые встречаю человека, кто так небрежно относится к своим деньгам.

— А откуда ты знаешь, хватит ли вообще там денег на погашение налогов?

Ник одаривает меня терпеливой улыбкой, продолжая объяснять все как маленькому ребёнку.

— Ты помнишь мой мотоцикл, который сбила?

Я киваю.

— Ты помнишь, что я сказал о том, что сумма за ремонт составит десять тысяч долларов.

Я киваю опять.

— Я изготавливаю мотоциклы на продажу. Я делаю примерно по пять в год, самый дешёвый стоит двадцать пять тысяч. А тот, который ты сбила, почти сорок, и это все, не считая изготовления эксклюзивных деталей на мотоциклы и изделий из железа. Понимаешь, к чему я клоню?

Я киваю и сглатываю нервный комок, что образовался в горле.

— Ты хорошо зарабатываешь.

— Дааа. Я зарабатываю отличные деньги. А теперь, не забивай свою привлекательную головку ничем, кроме налаживания моей работы и наведения порядка в моих бухгалтерских делах. Все мои деньги там.

Никс поднимается со стола и направляется обратно в мастерскую.

Я ненавижу тот факт, что его слова о том, что он считает меня привлекательной, заставляют улыбаться. Он абсолютно точно не тот человек, что раскидывается комплиментами налево и направо, что делает этот факт ещё приятнее.

7 глава

Никс

Сегодня пятница, и Эмили должна появиться в любую минуту. Я чувствую себя ужасно нервно и буквально держусь из последних сил. Когда мне впервые в голову пришла сумасбродная идея о том, чтобы она отработала свой долг, я серьезно переоценил свои возможности.

Как человеку, который постоянно избегает общения, мне было довольно странно ощущать ее присутствие в моем рабочем пространстве. Даже в понедельник, когда я проводил много времени в сварочной, я все еще мог чувствовать ее незримое присутствие. Только одна мысль о том, что она сидела за стенкой... в тонкой маечке и коротеньких шортах, заставляла чувствовать себя на пределе. Ее шорты были такими короткими, что их нужно было запретить законом, а красивые волосы были собраны в высокий хвост, открывая ее изящную шею.

Я хотел прикусить ее. Затем провести языком по месту укуса, прикинуть губами и втянуть нежную кожу в рот, чтобы она могла знать, насколько я был обезумевшим и голодным от желания.

Когда она вернулась в среду, то дела не стали лучше. У меня не было запланировано никаких сварочных работ, поэтому я крутился рядом, пока она занималась моими бумагами, сидя за столом. Спустя тридцать минут, проведенных с ней в одном помещении, я больше не мог выносить напряжения, поэтому направился напрямиком в дом разгрести скопившиеся дела, растрачивая энергию на покрытие фанерой пола на втором этаже.

Я вернулся в магазин несколько часов спустя, когда Эмили уже ушла, оставив записку на столе, что она уже разобралась со всем, что я ей поручил.

Я прекрасно знал, что мне следовало сделать. Я должен был сказать, что она может отдать мне деньги, когда они у нее появятся, а пока она может быть свободна, потому что мне больше не требовалась ее помощь. Я абсолютно уверен, что она бы нормально к этому отнеслась, и если быть откровенным, то прямо сейчас я совсем не нуждаюсь в деньгах.

А самая главная причина, почему я должен был прекратить ее визиты, так это потому, что она заставляла меня чувствовать себя неудобно в собственном доме. Моем личном пространстве.

Когда она здесь, я не могу ничего поделаться и смотрю на нее каждую минуту, чтобы понять, насколько изменилось ее выражение лица, и не выбилась ли прядка из ее прически. Когда ее тонкий жасминовый аромат достигает моих рецепторов, я сразу же представляю ее обнаженную в окружении цветов. Это все сводит меня с ума и поэтому ей нет места в моей жизни, так как она рушит мой привычный мир. Потому что я не такой человек, я не привык думать о девушке девяносто процентов времени.

Я должен чувствовать себя счастливым, потому что она сделала всю работу, которую я приготовил для нее, и по большому счету у меня больше не было ничего, в чем мне нужна была ее помощь. Но я не чувствую счастья, лишь опустошение.

И в этот момент я слышу шелест шин машины Эмили по гравийной подъездной дорожке. Моё глупое сердце начинает неистово колотиться, и я в гневе пинаю край стола. Я выпрямляюсь, становлюсь напротив входной двери со стиснутыми кулаками.

Когда она входит, это подобно удару ниже пояса. Я не знаю, как вообще это возможно, но она становится еще более красивой... и опасной, с каждым следующим разом, как я ее вижу. Я медленно начинаю закипать и выходить из себя.

— Никс, почему ты выглядишь таким злым? Я же еще не успела ничего сказать тебе Злым? Нет, черт, не злым. Раздраженным. Да.

Я пытаюсь немного расслабить мышцы лица, но мне кажется, это не получается.

— Я... я не злой. Просто в голове много мыслей.

Эмили смотрит на меня мудрым взглядом.

— Хочешь поговорить об этом?

— Что? Нет, нет! — говорю я быстро.

Мне кажется, или она и правда выглядит расстроенной моим отказом?

Хрен с этим.

Просто я не привык разговаривать с людьми, а тем более с красивыми и хорошими девочками, которые к тому же не из моей лиги. С ней все предельно ясно, она полностью зависима от трастового фонда. Да, у нее, скорее всего, есть такой же богатенький жених, и у них все заранее распланировано.

— Так, что ты хочешь, чтобы я сделала сегодня? У меня заняло всего два дня, чтобы привести в порядок твои счета и документы.

Вот он шанс, что может покончить со всем.

— Вообще-то, у меня больше нет никакой работы для тебя

— Мне кажется, что тут должна найтись для меня работа. Я могу что-то сделать, чтобы отработать долг. Давай я помогу тебе по дому. Я уверена, что смогу научиться работать молотком, или же могу прибраться.

— Послушай, Эмили. Самый лучший вариант — частичные выплаты. Я прекрасно знаю,

что с деньгами у тебя не все в порядке, но когда ты вступишь в законные права пользования трастовым фондом, отдашь мне деньги. Не спеши.

Она пристально смотрит на меня, не говоря ни слова. Мое сердце не прекращает гулко биться, и прямо сейчас я чувствую, что принял неправильное решение. Но я совершенно не понимаю причину. Рядом с ней я теряюсь, не могу нормально соображать. Я просто хочу вернуть прежний покой в свою душу и мысли.

— Так, а это что? — интересуется она.

Эмили кивком указывает на новый ноутбук, который стоит на столе. Он даже все еще в коробке. Я купил его только вчера, когда меня обуяла слабость, чтобы создать ей как можно больше работы, и она всегда была поблизости. Да, я знаю, что я ужасно эгоистичный человек, потому что хочу ее рядом, но не хочу отношений.

— Это ноутбук.

— Да, я это уже поняла, Шерлок. Для чего он?

Я растерянно пожимаю плечами, пытаюсь быстро сообразить, что такого ей сказать, чтобы это хоть отдаленно смахивало на правду. Ради всего святого, я же не могу ей просто сказать: «Я купил его, чтобы создать тебе работу, чтобы ты приходила сюда, и я мог наслаждаться твоим присутствием, ощущением близости, и мог наконец-то разобраться, что значат все эти странные чувства к тебе».

Вместо этого я пытаюсь объяснить ей все в общих чертах:

— Я подумал, что мне нужен ноутбук для ведения документации. Мой ноутбук у Линка, поэтому мне показалось, что еще один не помешает.

Больше я не добавляю ничего, потому что в настоящий момент мое сознание ведет ожесточенную борьбу между тем фактом, что ей лучше покинуть меня и тем, что ей следует остаться.

— Ну что ж, Никс, если ты так же хорош в ведении электронной документации, как в ведении бумажной... то с уверенностью могу сказать, что ты заведомо облажаешься.

Я ничего не говорю, а просто замороженно наблюдаю за ней, затаив дыхание. Я дал ей возможность уйти. *Прими ее, Эмили, и уходи. Рядом со мной у тебя не будет будущего.*

— Таким образом, — растягивает она слова. — Почему бы тебе не позволить мне заняться этим, я могла бы установить все программы и организовать твою работу, упорядочить документацию. Немного поиграю роль твоего секретаря.

Поиграть в секретаря со мной?

Вашу мать! Святой младенец Иисус! Образы того, как она играет роль моего секретаря, заполняют мой разум непристойными и развратными картинками. Я буквально вижу, как она, одетая в коротенькую юбочку, покачивая бедрами, обходит мой рабочий стол и опускается мне на колени.

Я схожу с ума.

— Конечно, если ты этого хочешь. Но помни, я совершенно не против, если ты вернешь мне деньги позже. Ты не обязана выполнять нашу глупую сделку.

Эмили улыбается мне милой улыбочкой.

— Нет, я лучше сделаю так, как мы договаривались. Раньше у меня постоянно был под рукой трастовый фонд, и думаю, сейчас мне понравилось работать.

Я мысленно рычу. Она просто не могла сказать ничего ужаснее. Мне кажется, если бы я продолжал себе твердить, что она избалованная, богатая, высокомерная девчонка, мой интерес бы со временем поугас. Вместо этого она выбирает работу, и я понимаю, что

внутренне ко всем прочим чувствам к ней прибавилось уважение.

*Замечательно, бл*дь.*

— Хорошо, — говорю я спокойно. — Тогда я куплю соответствующие программы для ведения электронной бухгалтерии. И вообще, знаешь, не помешало бы провести инвентаризацию моих материалов.

— Конечно, если что, можешь показать мне, где это все находится, чтобы я окончательно отстала от тебя.

Мне кажется, я сам не смогу выбросить ее из моей головы. Но это приятные мысли.

— Проходи сюда, — говорю я ей, указывая по направлению к сварочной мастерской. Она проходит в дверь, которая расположена в задней части помещения. Внезапно ее телефон оживает и начинает надоедливо жужжать, а я наблюдаю за тем, как она достает его из кармана, смотрит на номер абонента и ругается себе под нос, сбрасывая входящий вызов.

Я веду ее в гараж, который находится позади мастерской.

— Вот здесь я храню свои законченные изделия.

Я открываю дверь и легко щелкаю по выключателю, пропуская ее вперед. По комнате разливается приятный свет, освещая все мои детали.

Как я уже говорил ранее, я изготавливаю по пять, а то и больше мотоциклов в год, но также я занимаюсь созданием металлических предметов искусства. Большинство моих работ внушительных размеров. Я изготавливаю люстры, настенные фонтаны, перила для лестниц. Некоторые из них небольшие. Музыкальные подвески, детали для сада, бронзовые статуэтки животных и все в таком роде. Если, конечно, заказчик не дает мне какой-то особый заказ, а так я создаю все, на что у меня хватает фантазии.

Я наблюдаю, как Эмили бережно проводит пальцами по паре вещей. Затем она останавливается у моей любимой.

Это наружный фонтан для сада почти два метра. Он выполнен из меди и состоит из определенного количества цветков каллы разной высоты. Когда он включается, вода начинает струиться легким переливом с самого верхнего цветка, плавно устремляясь к следующему цветку, пока, наконец, не попадает в медный бассейн. Заказал у меня это великолепие биржевой брокер с домом в Хэмптонс. Чистая прибыль от этого фонтана после вычета суммы, потраченной на материалы, составила две тысячи долларов. Он будет выглядеть просто восхитительно после нескольких месяцев работы, когда налет, что образовывается на бронзе, окрасит ее в сине-зеленый цвет.

— Никс, — говорит она мягко, — я не представляла, что ты делаешь такую красоту.

Ее слова полны трепета, и это вызывает у меня чувство неловкости, но в то же время гордости. Когда она смотрит на меня, я замечаю нечто в ее взгляде, что заставляет мое сердце пропустить удар.

Но затем момент рушится, когда ее телефон вновь начинает трезвонить. Я замечаю, как на ее лице мелькает вспышка ярости. Она гневно щелкает пальцем по экрану и подносит телефон к уху.

— Я уже неоднократно говорила тебе прекратить названивать мне, — сердито рычит она в трубку. — Больше не смей.

Затем она нажимает «отбой» и убирает телефон в задний карман джинсов.

Она смотрит на меня, и мои брови приподнимаются.

— Прости, — говорит она виновато.

— Преследователь? — интересуюсь я.

— Как ты узнал?

— Ты, кажется, ты упоминала это в тот самый день, когда сбила меня.

Она смотрит на меня растерянно.

— Правда?

Я киваю ей, удивленный своей реакцией, что вообще запомнил это. Мне не кажется, что это что-то важное. Большая часть нашего общения с Эмили крутится вокруг того, желаю ли я говорить с ней или нет. Сегодня как раз такой день, когда я не хочу этого.

— Прости. Это мелочи. Просто... — она быстро вытаскивает телефон из кармана и полностью отключает. — Прости еще раз, мне следовало сделать это еще перед тем, как я пришла на работу. Этого больше не повторится.

Сейчас она выглядит усталой, сердитой и немного напуганной, и впервые в жизни я испытываю желание обнять и просто обеспечить женщине чувство комфорта и защиты.

И когда я понимаю, что это именно то, что я так желал сделать уже на протяжении всего этого времени, на меня обрушивается чувство ледящего унижения и стыда, словно кто-то выплеснул на меня ведро с холодной водой.

Я резко разворачиваюсь и направляюсь к двери.

— Ну что ж, ты будешь занята учетом еще пару дней.

Я сижу в своем потертом удобном кресле, наслаждаясь пивом. Я заслужил это. Я не только не вспоминал об Эмили три прошедших часа, но более того, закончил настенную скульптуру в виде железной плетеной эмблемы войск морской пехоты «Орел, Земной шар и Якорь». Линк попросил меня сделать это для него, чтобы повесить в своей квартире. Вообще он пытался заплатить мне за работу, но я сказал ему, что еще одно слово, и я надеру ему задницу. В конце концов, мы договорились, что он заплатит только за материалы для работы, и я сделаю ему эмблему. Как можно брать с него деньги, если он мой брат!

— Я закончила.

Я буквально подскакиваю в кресле, когда слышу ее голос. Я даже на некоторое время забыл, что она все еще тут. И мне нравилось это состояние, но сейчас она опять возникла в моих мыслях. Как ей удастся после рабочих часов стоять передо мной и выглядеть настолько сексуально и сладко?

Но я не в настроении заводить разговоры, поэтому просто отвечаю:

— Хорошо. Увидимся в понедельник.

Но она совершенно не слушает меня. Она подходит к моему рабочему месту, чтобы посмотреть на эмблему «Орел, Земной шар и Якорь». Поглаживает рукой мою работу, и когда прикасается к маленькому шару, расположенному в центре скульптуры, он протяжно звенит. Думаю, если бы кто-то наподобие Лилы прикоснулся к моей работе, я бы, наверное, накричал и сказал, чтобы она к ней не прикасалась. Но легкие прикосновения Эмили к прохладному металлу вызывают лишь трепет.

— О боже, это очень красиво, Никс. Ты это сделал для кого-то, кто служил в войсках морской пехоты?

Я на некоторое время лишаюсь дара речи. Как узнала мисс Богачка об эмблеме войск морской пехоты?

— Я делаю это для брата.

— Линкольн служил? — говорит она ошеломленно, как ей и следовало.

— Нет, я служил.

Она переводит на меня изумленный взгляд,

— Серьезно? Когда?

— Я пошел служить, когда мне исполнилось восемнадцать, и закончил два года назад, когда мне исполнилось двадцать четыре.

Я наблюдаю, как она облакачивается на мой рабочий стол и скрещивает руки чуть пониже груди, из-за чего ее грудь идеально приподнимается вверх. В моей голове проносится миллион развратных мыслей, но я продолжаю бороться с ними, заталкивая подальше. Между нами ничего не должно произойти, мы не должны пересекать черту.

Кроме того, Эмили хорошая девочка, а мне такие не по душе.

— Ты служил в Афганистане?

— Да.

Она ждет, что я что-нибудь ей расскажу, но я упорно продолжаю хранить молчание. Я не собираюсь рассказывать о времени, что провел там. Она ждет, но я продолжаю молчать и по выражению ее глаз, понимаю, что она не собирается меня подталкивать к откровенному разговору.

— Спасибо, что служил на благо нашей страны. Я бы тоже хотела быть такой же смелой и отважной, как ты, чтобы суметь сделать что-то подобное.

Я снова поставлен в тупик. Она всегда говорит то, что ошеломляет меня, своими идеальными губами, созданными для поцелуев. И она не делает этого с какой-то целью. Это выходит у нее с естественной искренностью.

Я безразлично пожимаю плечами, но в глубине души мне льстит, что она благодарит меня за службу. Раньше мне не было важно ни одно мнение, за исключением моего отца и брата.

— А откуда тебе известно об эмблеме морских пехотинцев?

— Ну, так сложилось, что ты не единственный морской пехотинец, которого я знаю. Я также знаю бывшего ветерана, который прошел войну в Персидском заливе.

Она привлекла мое внимание этими словами и, если честно, впервые мне интересно поддерживать диалог. Это странное чувство, но я продолжаю:

— Да ты что. И кто же это?

— Его имя Серж, но все зовут его Сержант. Он для Данни как приемный отец. Данни — моя невестка. Я думаю, ты знаешь моего брата Райана?

— Ага, я знаю Райана. Я обязательно с ней поговорю о нем, когда увижу ее в следующий раз.

— Он вел Данни к алтарю, когда они поженились. Иногда Серж и Паула, подруга Данни, приезжают к ним в гости, поэтому в следующий его приезд тебе нужно будет обязательно с ним встретиться и пообщаться.

Я улыбаюсь ей. Ради всего святого. Милая улыбка растягивается на моих губах. Какого хрена со мной происходит?

— Да, конечно, мне бы очень этого хотелось, всегда интересно перекинуться парой слов с другим морским пехотинцем.

Она немного склоняет голову, пристально изучая меня взглядом.

— Ты не поддерживаешь отношения с сослуживцами?

Я киваю.

— Только с некоторыми. Нас раскидало по свету, а также и по жизни, не со всеми удастся пересечься.

— Держу пари, там образовывается крепкая дружба, которую просто так не разобьешь.

От ее слов я вздрагиваю всем телом. О да, она очень права на этот счет. Когда вы находитесь в экстремальных ситуациях, когда боритесь за жизнь, узы дружеской связи зарождаются быстро, крепко скрепляя вас. Но кроме этого, там много боли и несчастья. В данный момент у меня такое ощущение, что прежний Никс вернулся, стены самоконтроля и обособленности укрепляются, и этот диалог пора заканчивать.

Сейчас.

Я поднимаюсь со стула и направляюсь к двери.

— Ну что ж, уже поздно. Иди собирайся, увидимся с тобой в понедельник.

Эмили отталкивается от стола с легкой улыбкой.

— Будет сделано, босс.

Я смотрю, как она достает телефон из заднего кармана и включает его, пока берет свою сумку. Она быстро просматривает сообщения и звонки, ее выражение лица серьезно. Скорее всего, это связано с ее преследователем, но я не буду спрашивать, хотя мне очень хочется.

Она направляется к двери и затем поворачивается ко мне.

— Грандиозные планы на выходные?

Мне был необходим этот вопрос. Мои мысли начинают приобретать пошлые очертания. Я надеюсь, она не собирается меня приглашать пойти куда-то с ней, потому что из этого не выйдет ничего хорошего... лишь секс на одну ночь.

Я настороженно отвечаю:

— Да никаких. Скорее всего, просто позависаю у Линка на квартире.

— Круто.

Черт. Я ожидал, что она позовет меня куда-нибудь или скажет что-то более интересное, а не только «круто».

— А что насчет тебя?

Ее глаза загораются.

— Ага, у меня есть планы. Я в нетерпении. Я иду с Фил — мы живем в одной квартире — в новый клуб.

— Ты что, живешь с парнем? — Ее слова заставляют меня оцетиниться, но у меня нет времени, чтобы анализировать сказанные мной слова. Вообще-то, у меня складывается впечатление, что все в последнее время я занимаюсь лишь тем, что взвешиваю правильность слов, что должен сказать Эмили.

Она звонко смеется. Ее смех нежный, словно легкий перезвон колокольчиков, который немного облегчает напряжение между нами. Я не забываю подметить, что смех других женщин меня нервирует.

— Нет, моя соседка по квартире девушка.

— Родители твоей соседки назвали ее Фил?

— Нет, вообще-то они назвали ее Миньон.

— Стой, что?! Они назвали ее в честь куска мяса?

— Ага. Фил — сокращенное от Филит. Это что-то вроде прозвища, что прицепилось еще со школьных времен. — Она усмехается, когда рассказывает мне это, и мне кажется, она наслаждается нашей беседой.

Я качаю головой, потому что это самый странный разговор в моей жизни.

— Она не убила своих родителей за это?

Эмили громко смеется. Ее смех немного хриплый, но от этого он кажется только более сексуальным, и я бы убил, чтобы услышать его еще раз.

— Нет, но думаю, что она подумывала об этом.

Как только она прекращает смеяться, что-то в ее взгляде меняется. Она смотрит на меня обескураженно и восхищенно, как будто видит что-то во мне, чего я сам не мог рассмотреть.

От этого я чувствую себя не в своей тарелке и начинаю злиться.

— Что? — резко говорю я.

Оживление от нашего веселого разговора полностью испаряется из ее взгляда. Она смотрит на меня настороженно

Да, я сделал именно это. Моя злость заставила ее хорошее настроение испариться. Действия классического придурка, каким и является Никс Кэлдвелл. Я даже немного расслабляюсь, потому что, похоже, Эмили не изменит моего поведения, я все такой же мудака по отношению к окружающим.

— Ничего, — отвечает она просто. — Просто на твоём лице пару секунд назад была потрясающая улыбка, очень жаль, что ты не смог ее удержать чуть подольше.

Что?! Я улыбался ей? Улыбка для меня не является чем-то естественным, поэтому я всегда ощущаю, когда улыбаюсь людям. И поверьте, это не частое явление. И, скорее всего, именно поэтому я так грубо оборвал ее радость. И ее взгляд — она смотрела на меня особенным взглядом, такое ощущение, что от него было не спрятаться. Меня это разозлило. А может, я просто псих? И она делает меня еще более сумасшедшим? У меня нет ответа на эти вопросы.

Поэтому, не зная, что ответить ей, я говорю первое, что приходит мне в голову:

— Иди, и не забудь закрыть за собой дверь.

— Увидимся, — говорит она мягко.

И чёрт бы меня побрал, я не могу сдержаться и говорю:

— Будь осторожна, хорошо отдохнуть.

8 глава

Эмили

Мы с Фил и с компанией наших друзей направляемся в новый клуб Blue Room. Один наш друг из университета общается с парнем, чей отец — владелец этого клуба. Так мы и получили места в VIP-зоне.

Я сегодня одета так, чтобы хорошо потанцевать и отдохнуть. На мне бирюзовое платье до середины бедра, одна рука сексуально оголена, а другая полностью скрыта под рукавом. Ткань на груди перекрещивается, тем самым подчеркивая мои формы. Из украшений я выбрала только браслеты. Волосы уложены крупными волнами. Шипованные туфли на восьмисантиметровом каблуке, дополняют мой вечерний наряд, но поскольку клуб находится в трех кварталах от квартиры, мои ноги уже начинают гудеть.

Ну ничего, парочка коктейлей джин-тоник и боль как рукой снимет.

Фил сегодня надела одно из моих платьев, но так как она немного выше меня, оно смотрится короче. Хоть она и предпочитает носить джинсы и футболки, но когда мы куда-нибудь выходим гулять, она старается выглядеть как все девушки, надевая красивые платья.

— Кажется, сегодня мы выглядим горячо, не находишь? — говорю я ей, подталкивая ее плечом.

Она улыбается мне.

— Да. Самое главное, нам совершенно не надо соперничать друг с другом.

— Конечно, — посмеиваюсь я. — Потому что тебе нравятся девушки, а мне парни.

Мы начинаем с ней хихикать, как две школьницы, которые только что услышали непристойную шутку.

Я беру ее за руку, чтобы мы могли немного подстроиться под ритм друг друга.

— Тодд сегодня объявлялся? — спрашивает она.

— Ни одного телефонного звонка со вчерашнего дня, когда я сказала ему, чтобы он прекращал с этим дерьмом. Но он все же прислал пару сообщений с извинениями и мольбами о необходимости поговорить.

Фил лишь хмыкает в ответ на мои слова.

— Этот парень полный психопат, я серьезно. Какой нормальный парень будет так долго преследовать девушку, которая говорит ему, что не хочет иметь с ним ничего общего. Я надеюсь, что он не такой же сумасшедший как Джон Хинкли (прим. перев. Джон Хинкли совершил покушение на жизнь президента США Рональда Рейгана, который так же ранее преследовавший президента Джимми Картера. Психически больной человек).

— Пока у меня есть такая защитница как ты, я ничего не боюсь.

— Чертовки верно подмечено! — соглашается с моими словами Фил.

Мы подходим к Blue Room в полдесятого. Парадный вход отделяет от толпы красная бархатная лента, и мы протягиваем охраннику свои приглашительные. Меня переполняет чувство восторга, когда громила отцепляет красную ленточку, пропуская нас в клуб.

Наша компания сегодня очень разнообразная: я — богатая, заносчивая девчонка, Фил — лесбиянка, Тина и Тоня — сестры близняшки, которые приехали из Арканзаса, и всю свою жизнь прожили на ферме, и сейчас находились в диком восторге от крупного мегаполиса. И наконец, с нами еще Кевин, мой партнер по лабораторным занятиям на химии, так же он играет в лакросс за команду университета. Но он пришел не один, а захватил с собой приятелей из команды, Сэма и Брекэна, которых я совершенно не знаю.

Парень, который достал нам приглашительные, зарезервировал для нас несколько столиков, поэтому мы чувствуем себя кинозвездами. Наш столик находится на отдельном этаже, напоминающем подиум, который возвышается над танцполом. Также весь вечер нас обслуживает наша собственная официантка, которая даже не спросила наши удостоверения личности, хотя на этот случай у всех были при себе поддельные документы.

Я даже не успеваю посмаковать свой первый напиток, когда Кевин уже вытягивает меня на танцпол. Вскоре уже все присоединяются к нам, и мы танцуем под песню Vassy — We Are Young. Я поднимаю руки над собой и полностью отдаюсь танцу, кружась и двигая в такт бедрами. Сейчас я чувствую себя необыкновенно живой и свободной, именно в такие минуты я острее всего ощущаю, что до того как я пошла в колледж, я была заперта в гребаной клетке.

После пары танцев, я предлагаю Фил сделать небольшой перерыв и немного выпить, поэтому мы направляемся за столик. Остальная часть нашей компании даже и не собирается к нам присоединяться, продолжая веселиться на танцполе.

Мы заказываем еще напитки и непринужденно общаемся, наблюдая за посетителями клуба.

— Как обстоят дела на работе? — спрашивает Фил.

Об аварии я сказала только ей. Но о Никсе толком ничего не рассказала. Но после нескольких коктейлей я внезапно чувствую себя болтушкой.

— Он самый потрясающий мужчина из всех, с которыми я была знакома. Но он очень отстраненный и необщительный, а мои тщетные попытки подступиться к нему ни к чему не приводят.

— Почему? У него какая-то детская травма?

Я пожимаю плечами.

— Если бы я знала. Я только знаю, что он долгое время служил в Афганистане и совершенно не желает об этом говорить. Но он настолько меня интригует и привлекает, что я безумно хочу узнать больше.

Фил лениво проводит пальцем по краю бокала. Я замечаю, что ее ногти покрашены блестящим черным лаком, который облупился по краям.

— Ну, а кто сказал, что тебе нужно лезть к нему с расспросами. Просто делай свою работу.

Я внимательно слушаю ее и говорю:

— Да, так и надо.

— Постой-ка, — восклицает она. По ее выражению лица понятно, что она уже всё сообразила. — Он тебе нравится, не так ли?

— Что? Что? — выдавливаю я, как можно более оскорбленно. — Нет. Ни за что... Он не тот, кем я могу заинтересоваться!

— Лгунья! — кричит она, показывая на меня. — Лгунья, лгунья! Врешь и не краснеешь. Я вижу по твоим глазам, что ты влюблена в него по уши. — Она громко смеется, потому что знает, что раскусила меня.

Я слегка шлепаю ее по руке.

— Я совсем не влюблена. И кто сейчас использует выражение «влюблена по уши»? Скажем так, я в нем заинтересована.

— Тогда сделай что-нибудь.

Я окидываю ее скептическим взглядом.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, если он тебе нравится, то просто сделай первый шаг.

Я смотрю на нее во все глаза. Это просто смешно. Я не смогу сделать первый шаг к такому парню. Как я это сделаю, если от него буквально волнами исходит арктический холод, когда я нахожусь рядом?

— Я не могу... — но очень хочу этого и подсознательно мечтаю, чтобы она подтолкнула меня к этому.

— Эм... я люблю тебя как свою сестру. Пожалуйста, поверь мне, я говорю это из любви к тебе. Вытащи свою голову из задницы и начни уже действовать. Ты постоянно ноешь и причитаешь о том, что хочешь свободы, хочешь попробовать чего-то нового. Хочешь приключений. Так вот он, твой шанс, не упusti его, детка.

Ее слова заряжают меня энергией. А может, это все выпитый алкоголь?

— Серьезно? Ты думаешь, мне стоит попытаться?

— Конечно!

Я ухмыляюсь над ее словами. В понедельник после обеда я попытаюсь немного пофлиртовать с недоступным мистером Кэлдвеллом и посмотрим, что из этого выйдет.

Я быстро допиваю остатки коктейля, и мы направляемся на танцпол.

Я веселюсь на полную катушку. Фил закончила тем, что напилась до бессознательного состояния, и Кевин с его друзьями уехали час назад, сказав, что отвезут ее домой. Бедняжка практически падала со стула. Надеюсь, вернувшись домой, не обнаружу дорожку от ее рвоты, которая будет тянуться до ее кровати.

Тина, Тоня и я практически взорвали танцпол своими горячими танцами. Мы познакомились с компанией забавных парней. Они много шутили и покупали нам выпивку, поэтому мы продолжаем веселиться с ними.

Мы идем танцевать, затем возвращаемся, чтобы передохнуть и выпить парочку коктейлей. Хотя я прекратила пить еще час назад, чтобы не закончить так же, как Фил, и дома не бороться с ней за то, кто первый пойдет в туалет, чтобы облегчить желудок от выпитого накануне.

Один парень, Джеймс, продолжает танцевать со мной на протяжении всего вечера. Он выпускник Нью-Йоркского университета и очень забавный и милый. Его приятели разбились по парам с Тиной и Тоней и с каждой минутой напивались все сильнее. Да поможет мне Господь, надеюсь, я не потащу эти шатающиеся и спотыкающиеся тела домой. Эта мысль заставляет меня тихо рассмеяться, отчего я понимаю, что хочу в туалет. Я на ходу бросаю Джеймсу и всей компании, что скоро вернусь, и начинаю протискиваться через заполненный танцпол.

Очередь в туалет огромная, и меня постигает разочарование, что я застряну тут надолго. Я очень рада, что прекратила пить час назад, потому что, в противном случае, я бы просто умерла, пока стояла в очереди. У меня занимает десять минут, чтобы дождаться своей очереди, я быстренько делаю свои дела, мою руки, не забывая ополоснуть своё лицо прохладной водой.

Когда я протискиваюсь через толпу танцующих, то вижу, что Джеймс сидит один за нашим столиком. Я присаживаюсь на стул рядом с ним. Он жестом показывает официантке, чтобы принесла еще пару напитков, но я останавливаю его, говоря, что буду просто воду.

Окидывая быстрым взглядом танцпол, я никак не могу найти Тину и Тоню, а также парней, с которыми они веселились.

Я придвигаюсь ближе к Джеймсу, чтобы перекрыть музыку.

— А где Тина и Тоня?

Он придвигает свой стул немного ближе к моему и вальяжно обнимает меня рукой за плечи.

— Они ушли вместе с моими приятелями, сказали, что пойдут захватят чего-нибудь перекусить.

Что?! Я не могу поверить, что Тина и Тоня бросили меня здесь одну. Я чертовки боюсь добираться так поздно домой в одиночестве. Скорее всего, я возьму такси, чтобы не тащиться так поздно одной. Несмотря на то, что мой трастовый фонд заморожен, у меня есть наличные.

— Ну что ж, мне кажется, нам тоже пора домой, — я посылаю ему небольшую улыбочку и тянусь за моей сумочкой.

И прежде чем я успеваю взять ее, Джеймс прижимается ко мне и кладет свою ладонь на

мое колено. Уфф, какого черта? Он крепче приобнимает меня за плечи, притягивая к себе. Прижимаясь губами к моему уху, шепчет:

— Не уходи, детка. Мы можем повеселиться вдвоем.

Его ладонь плавно скользит вверх по моей ноге, и, когда она достигает подола платья, я хватаю его за запястье и четко говорю ему:

— Прости, Джеймс, но я не намерена веселиться таким образом.

Я все еще немного пьяна, но не до такой степени, что могу оставить незамеченной вспышку раздражения, что отражается в глубине его глаз. Внезапно его ладонь стискивает мое бедро и так же быстро отпускает.

— Без проблем, крошка. Как насчет того, чтобы я проводил тебя домой?

Его взгляд сосредотачивается на мне, и я вижу, насколько его глаза затуманены алкогольной дымкой. Он пил крепкие алкогольные напитки на протяжении всего вечера, а у меня нет желания связываться с пьяным придурком и его непредсказуемостью.

Он скользит мерзким и липким взглядом по моему телу, останавливая его на моей груди, и в предвкушении облизывает губы. Я чувствую опасность, что исходит от него, отвращение поднимается в моем желудке, подкатывая рвотными позывами к горлу. Я не знаю, почему я испытываю это чувство, хотя мы находимся в забитом людьми клубе, а не на безлюдной улице. Вроде бы ничего страшного, он просто предлагает проводить меня до дома, но моя интуиция настойчиво шепчет, чтобы я не смела соглашаться и не оставалась с ним наедине.

— Да ничего, я могу сама дойти, — заверяю я его.

Он опять кладет ладонь на мою ногу и стискивает ее. Не сильно, но достаточно, чтобы напугать меня.

— Я настаиваю. Мне кажется, будет некрасиво оставить тебя одну, — он говорит приторным, неприятным голосом, как у продавцов подержанных машин, которые, если уж взяли вас в оборот, не отпустят просто так.

Я выпрямляюсь и говорю как можно жестче.

— Нет, Джеймс. Я пойду домой сама.

На его губах играет мерзкая улыбочка, как у плохих парней в дешевых фильмах. Он еще раз пробегается похотливым взглядом по моей груди, затем сжимает и ослабляет хватку на моей ноге, повторяя это еще пару раз.

— Крошка, может, ты и выйдешь из клуба одна, но... домой мы пойдем вместе. А теперь подумай, нужно ли тебе еще что-нибудь сделать, перед тем как мы уйдем отсюда?

Мое сознание кружится со скоростью света, я судорожно перебираю мысли в голове. Скрытые угрозы этого парня быстро рассеивают легкое опьянение. Я точно знаю, что его приторные и ласковые словечки — это лишь способ соблазнить меня, развести на еще одну встречу. А может, он попытается сделать что-либо противозаконное, против моей воли.

Я убью Тину и Тоню за то, что они оставили меня одну, наедине с этим прилипалой.

Я вижу, что он ужасно пьян, и мне нужно как-то очень аккуратно отделаться от него, чтобы не разозлить. Я пытаюсь изобразить мою самую милую улыбочку.

— Хорошо, пусть будет по-твоему. Дай мне несколько минут, я сбегая в туалет, а то тот стакан воды, что я выпила, уже дает о себе знать.

— Конечно. Я пока рассчитаюсь. Встретимся здесь.

Поднимаюсь на ноги, мое тело бьет крупная дрожь, и я немного пошатываюсь, но это

уже точно не от алкоголя. Это из-за того что я нервничаю. Я направляюсь к туалету, и всю дорогу озираюсь по сторонам, не преследует ли он меня. Когда я нахожу его взглядом, то вижу, что он сидит на том же месте, наблюдая за мной. Я фальшиво улыбаюсь, смотря на него.

Когда я захожу в туалет, то сразу же вытаскиваю телефон. Быстро пролистывая список контактов, я понимаю, что не могу позвонить Фил, потому что она, скорее всего, уже в отключке. Райану тоже не могу, потому что он на выездных играх в Филадельфии. О Данни я даже и не задумываюсь, потому что она сейчас в положении, ее нельзя волновать.

Я набираю номер человека, которому не следовало бы звонить, но очень хочу, чтобы он помог мне выбраться из этого дерьма.

Раздается два гудка, затем он снимает трубку.

— Даа, — говорит Никс, и я слышу по его сонному голосу, что разбудила его.

— Никс, я думаю, что нешуточно влипла.

— Эмили? Где ты? — говорит он взволнованно. В его голосе нет злобы, которую я ожидала услышать.

Я называю ему название клуба и даю адрес.

— Не выходи из клуба, я скоро буду.

Он сразу нажимает отбой. Я прикидываю, что время на то, чтобы одеться и добраться до клуба займет у него примерно полчаса, а я пока в ожидании его посижу здесь, прячась от придурка Джеймса.

Пока жду его, решаю немного ополоснуть лицо холодной водой. Я не могу поверить, что только что позвонила Никсу и попросила его о помощи. Он даже мне не друг, но мне показалось, что он именно тот, кому следовало позвонить. И естественно, я сделала это еще из-за нашего разговора с Фил, когда она сказала, что мне необходимо сделать первый шаг. Может, Джеймс и не пытался сделать мне ничего плохого, но я даже не хочу проверять эту теорию на практике, поэтому после звонка Никсу чувствую себя немного более защищённо.

Потихоньку все начинают покидать уборную, пока я не остаюсь совершенно одна. Я нетерпеливо поглядываю на часы, когда одна из официанток заходит и видит меня стоящей здесь,

— Вы Эмили? — спрашивает она.

Я киваю.

— Ваш бойфренд ждет снаружи. А мы уже закрываем клуб, так что вам нужно быстрее уходить.

Ох, черт. Я должна задержаться тут подольше, чтобы Никс успел добраться сюда. Я ни за что не уйду отсюда с Джеймсом.

— Эээ... Мне кажется, что мне не очень хорошо. Можете дать мне еще немного времени?

Она смотрит на меня немного раздраженно, но говорит:

— Хорошо. Мы закрываемся через пятнадцать минут. Я скажу вашему парню, что вы скоро выйдете.

Я бормочу ей спасибо и подхожу к одной из кабинок, делая вид, что меня сейчас вырвет. Когда она уходит, я возвращаюсь обратно к раковине.

Мои пятнадцать минут пролетают мгновенно и, вернувшись, официантка говорит мне, что пора уходить. Я беру свою сумочку и бросаю на себя взгляд в зеркало. Оттуда на меня смотрит испуганная девушка с распахнутыми глазами, в которых затаилось чувство страха,

потому что я понимаю, что мне придется столкнуться с Джеймсом один на один. От этой мысли желудок сжимается, посылая нервную дрожь по всему телу.

Когда я открываю дверь, то вижу Джеймса, который стоит у стены со скрещенными на груди руками, улыбаясь мне неискренней улыбкой.

— Ты в порядке? Официантка сказала, что тебе плохо?

Я киваю.

— Да, я немного перепила, и мне нужно было облегчиться.

Может, такие подробности покажутся ему отвратительными, и он оставит меня в покое. Или, возможно, он подумает, что сделал правильную ставку, и я была легкой добычей. Его улыбка сменяется от неискренней до коварной. Теперь я понимаю абсолютно точно, он воспринимает меня как добычу.

— Ну что ж, давай доведем тебя до дома и уложим в кроватку. Хотя, если что, моя квартира в паре кварталов отсюда.

Я иду рядом с ним, направляясь к выходу из клуба.

— Нет, — пытаюсь я говорить, как можно более беспечно, не показывая виду, что мои внутренности практически сжимаются от отвращения. — Я пойду к себе.

Он приподнимает одну бровь, смотря на меня оценивающе.

— Конечно, сладкая, пойдем.

К сожалению, парадные двери уже закрыли, поэтому мы выходим через боковой вход, который выходит в переулок. В груди у меня еще теплится последняя надежда, что там полно тусовщиков, которые постоянно висают в клубах до самого закрытия, но я оказываюсь неправа, здесь пусто, и мы остаемся наедине. Ну слава богу, здесь хотя бы есть фонарь, благодаря чему улица хорошо освещается.

Я разворачиваюсь и намереваюсь идти по направлению к главной улице, но внезапно Джеймс хватает меня за руку. Я не ожидала такого натиска, поэтому покачнулась на своих каблуках. Он приближается ко мне, хватая меня одной рукой за плечо, а другой болезненно сжимает мою грудь, при этом резко толкая меня к стене, прижимаясь к моему телу. Не дав мне опомниться, он прижимается своими губами к моим, пытаюсь протолкнуть свой отвратительный язык мне в рот.

Я начинаю сопротивляться, но страх сковывает меня, поэтому противостояние не приносит удачи.

— Отвали от меня, нахрен, чертов извращенец, — кричу я, пытаюсь оттолкнуть его, но он только увеличивает натиск. Его руки стискивают меня с ужасной силой, не давая сопротивляться. При этом он бормочет себе под нос отвратительные словечки: «Ты просто охрененна», «Ты же сделаешь мне хорошо».

Гребаный подонок! Часть меня говорит мне, что он пьян и, вероятно, просто хочет облапать меня, а вот другая часть, по-видимому, более рассудительная, говорит, что все намного серьезнее, чем мне кажется.

После бесплодной борьбы, что занимает у нас некоторое время, и моих безрезультатных попыток оттолкнуть его тело и пресечь попытки облапать меня, я наконец стараюсь сделать то, что сделала бы любая девушка в этой ситуации. Я пытаюсь приподнять колено, чтобы ударить его по яйцам. К сожалению, он стоит слишком близко и там недостаточно места для таких маневров. Я ударяю его коленом по бедру, не причиняя боли.

Я полагаю, что он чертовски устал от нашей борьбы, поэтому он сжимает мое горло рукой, полностью перекрывая поток воздуха. В этот момент я начинаю паниковать сильнее,

потому что понимаю, что это гораздо серьезнее, чем просто пьяная попытка облапать меня. И когда на этот раз он проталкивает свой язык ко мне в рот, я действую, ведомая чистыми инстинктами. Кусаю его настолько сильно, что чувствую привкус крови.

9 глава

Никс

Я еду через Манхэттен так быстро, как только могу, но не желаю, чтобы меня остановили за превышение скорости. Я не представляю, в какую переделку влипла Эмили, потому что не стал тратить время, просто положил трубку. Когда она мне диктовала адрес, я уже натягивал джинсы и засовывал ноги в шлепки.

Я был уже в дверях, надевая футболку, когда нажал «отбой».

Я подъезжаю к Blue Room через двадцать пять минут после ее звонка, место выглядит опустевшим. Останавливаюсь у обочины и выхожу из машины. Спешно подхожу к главному входу в клуб, но двери закрыты.

Бл*дь, как так!

Проведя рукой по волосам, я смотрю сначала влево, потом вправо. Вижу, что на главную дорогу выходит маленькая улочка, туда я и направляюсь. Как только я заворачиваю за угол, вижу, что Эмили направляется в мою сторону и вздыхаю с облегчением, но затем вижу, что позади нее парень с силой хватает ее за руку.

Ярость начинает закипать во мне, медленно распространяясь по крови, и я быстро направляюсь в их сторону. Убийственное чувство гнева застилает мои глаза, когда я вижу, как он толкает ее к кирпичной стене и прижимается к ее телу. Она пытается ударить его коленом по яйцам, но не достигает цели. Он пытается с силой поцеловать ее, но прежде чем я успеваю подоспеть, парень вскрикивает и отстраняется от нее.

— Гребаная сука!

Эмили начинает плевать, в то время как парень прикрывает ладонью рот, я могу предположить, что она укусила его за язык.

Это моя девочка, и только то, что она не боится оказывать ему сопротивление, немного притупляет мой гнев.

Эмили абсолютно точно выглядит напуганной, но еще она смотрится ужасно рассерженной. Я за пару шагов преодолеваю нужное расстояние и вижу, что мудака скидывает руку, скорее всего намереваясь ударить ее по лицу. Она дерзко приподнимает подбородок и решительно смотрит в его глаза, а я поражен ее действиями.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Его рука движется к ее лицу, когда я подбегаю и крепко хватаю его за запястье и отталкиваю назад.

Он выглядит удивленным, и на долю секунды задумывается о том, чтобы оказать мне сопротивление и прогнать меня, это заметно по мятежному огоньку в его глазах.

— Парень... я не советовал бы тебе этого делать, — предостерегаю я его. Эмили спешно заходит мне за спину, и я несказанно рад, что стою между ней и этим придурком. — Разворачивайся и уноси отсюда свою задницу.

Я пугающе спокоен, несмотря на бушующий гнев. Было время в моей жизни, когда я бы уже избивал его, но я научился избегать драк, если это возможно. Ругань и драки никогда не

решают проблем, они несут только потери, обиду и раны, как физического характера, так и душевного.

А это тянет за собой больше проблем, которые потом придется обсуждать и как-то решать.

Парень фыркает в ответ на мои слова и смотрит злым взглядом на Эмили. Он наивно полагает, что в безопасности из-за того, что я позволил ему уйти.

— Эта сучка, гребаная динамщица, а я лишь беру то, что мне причитается. — Он тщательно акцентирует внимание на том, что Эмили его раздражила и виновата в том, что он себя сейчас ведет как скотина. Придурок вытирает тыльной стороной ладони рот, размазывая по лицу кровь.

Ах так. Да я его просто разорву на куски.

Я придвигаюсь к нему, но внезапно Эмили хватает меня за запястье. Это мгновенно останавливает меня, и я смотрю на нее через плечо.

— Пожалуйста, не надо, — говорит она мягко. — Можешь просто отвезти меня домой?

Даже несмотря на то, что моя кровь в жилах бурлит как раскалённая лава, настолько сильно я желаю вбить в голову этому придурку, что нельзя так обращаться с девушками, я мгновенно замечаю, что Эмили выглядит совершенно потрясенной тем, что происходит. Адреналин в ее крови немного поутих, и во мне вспыхивает желание быстрее вытащить ее из этой ситуации. На этот раз я даже не задумываюсь над тем, что собираюсь сделать.

Не оборачиваясь на того подонка, я беру Эмили за руку и веду ее по направлению к главной дороге, чтобы выйти из этого переулочка. Ее походка немного неуверенная, и я не знаю, это из-за того что она еще пьяна или потому, что она идет на головокружительно высоких каблуках, которые отлично подчеркивают ее ноги, делая их поистине идеальными. Я немного замедляю свой темп, чтобы она не споткнулась и не подвернула лодыжку.

Когда мы подходим к моему «Форду», я открываю ей дверь пассажирского сидения, тянусь в машину и достаю бутылку воды. Протягиваю ей, и она, не раздумывая, берет ее, делает большой глоток, споласкивая рот, затем выплевывает воду на землю.

— Спасибо, — говорит она тихим голосом.

Ей нужна помощь, чтобы забраться в машину, поэтому я поддерживаю ее за руку, когда она ставит на подножку одну ногу в своих босоножках с шипами и, наконец, проскальзывает на сиденье. Я пытаюсь изо всех сил не замечать, что ее короткое платье приподнялось и практически обнажило ее стройные бедра. Крепко стискиваю зубы и хлопаю дверью.

Когда усаживаюсь на водительское сиденье, то искоса поглядываю на нее. Она сидит словно провинившаяся девчонка, руки сложены на коленях, в глазах стоит растерянный взгляд, который устремлен в боковое окно.

— Ты как? В порядке? — интересуюсь я.

Она просто кивает головой, и я вижу, как ее нижняя губа начинает дрожать. Мой желудок сильно сжимается от ее уязвимости. Обычно меня ужасно пугают девушки, которые начинают плакать при мне, и мне всегда хочется убраться подальше. Но сейчас что-то изменилось, меня одолевает странное желание заключить ее в свои объятия, прижать к себе, заверить ее в том, что я рядом, а все остальное пустяки. Не задумываясь, я приподнимаю руки, но тут же осознаю всю глупость этого желания и с силой сжимаю руль. Я ведь напрочь лишён всякой галантной чертовщины, и никогда никого не утешаю.

Я жестокий и непоколебимый.

Неловко опускаю руки на колени и через пару минут завожу грузовик. Но внезапно меня

переполняет желание доказать себе, что я тот же подонок, который все так же бесцеремонно относится к женщинам, поэтому я едко поддеваю ее:

— Ну и что же ты делала тут одна, позволь узнать, раз ты вытащила меня из кровати посреди ночи? Как ты могла позволить себе попасть в такую ситуацию?

Эмили мгновенно поворачивается ко мне, впиваясь в меня злым взглядом, ее шелковистые волосы от резкого движения рассыпаются по обнаженному плечу. Я замечаю, что ее нижняя губа больше не дрожит, и, если бы взглядом можно было убить, я бы был уже давно покойником. Но внутренне я поощряю себя за то, что решил использовать жесткие методы. Сейчас она настолько сердита, что совершенно не похожа на девушку, которая пережила нападение в том переулке. Ну, слава Богу, мне не придется иметь дело с ее слезами.

— Я не хотела, чтобы это произошло, Никс. — Ее слова едкие и злые. — Мои друзья бросили меня, и мне ничего не оставалось, как противостоять этому прилипчивому мудаку в одиночку, поэтому я позвонила тебе. И прости меня, пожалуйста, что я оторвала тебя от «важных» дел.

Она со злостью выплевывает эти слова и быстро отворачивается, смотря пристально в окно. Ее плечи немного подрагивают, они больше не склонены вперед, как пару секунд назад. Ее реакция должна была меня обрадовать, но на душе появилось ужасное чувство горечи.

Я вздыхаю:

— Слушай, ты меня совершенно не побеспокоила... Просто я....

Она останавливает мои слова одним единственным взглядом, в котором кроется мольба.

— Пожалуйста, не нужно... У меня и правда была ужасная ночь. Только что на меня напали, и не надо читать мне мораль. Можешь просто отвезти меня домой?

— Фил сейчас там?

— Да. Просто, скорее всего, она в отключке от выпитого, но я уверена, что она дома.

Ее голос кажется таким мягким и тихим, что это ранит меня. Я практически никогда не испытываю желания пожалеть или позаботиться о ком-нибудь, встать на место другого человека, но сегодня Эмили так нуждается в этом. Она позвонила именно мне, и я ответил, принял ее просьбу о помощи. Я должен довести начатое до конца, несмотря на то, как это противоречит мне и моим убеждениям.

— Нет. Я не собираюсь везти тебя к тебе, чтобы опять что-то произошло, ты поедешь ко мне, тут все решено. Немного перекусишь и отдохнешь.

Я даже не жду ее ответа, просто резко трогаюсь с места. Оставив позади пару кварталов, набираюсь храбрости и смотрю на нее. Она все еще смотрит в боковое окно все тем же растерянным взглядом, что был прежде, и ее молчание начинает меня ужасно пугать.

Собирая по крупицам частички нежности и доброты, которые когда-либо были у меня, я говорю:

— Это не твоя вина, Эм.

Эм? Что это за чертовщина? Когда это она стала для меня Эм?

— Я не уверена в этом, — шепчет она. — Может, я могла бы справиться с этой ситуацией намного лучше.

— Ты отлично справилась. Ты позвонила, чтобы тебе помогли.

Она протягивает руку и легко касается моего плеча, но я все еще чувствую тепло, которое исходит волнами от ее руки.

— Спасибо, что приехал.

Я смотрю на неё, затем перевожу взгляд на дорогу, затем опять на нее.

— Всегда пожалуйста. Нет проблем.

Она опускает руку, и я чувствую холодное покалывание.

Мы приезжаем к Линку, и я помогаю Эмили выбраться из машины. Как только она ступает на тротуар, я убираю свою руку, и мы направляемся внутрь. Когда открываю входную дверь, Харли со всех ног бросается к нам, выбегая из дальней спальни. И вместо того, чтобы как обычно прыгнуть на меня, он бросается к Эмили, но я успеваю перехватить его за ошейник, прежде чем тот свалит ее с ног.

— Полегче, Харли. Сидеть.

Он мгновенно садится и смотрит виноватыми глазами на Эмили. Она присаживается на ковер и обнимает его, и я не могу выбросить из головы мысли, как бы ее руки чувствовались на мне, если бы она обняла меня.

Бросаю ключи от машины на кофейный столик и направляюсь в кухню.

— Когда ты в последний раз что-то ела? — кричу я ей из кухни.

Голос Эмили удивляет меня, потому что он раздается буквально в паре шагов от меня.

— Ужинала где-то в районе шести. Я не голодна.

Я смотрю на нее, когда открываю дверцу холодильника. Она такая красивая в своем бирюзовом платье, которое обтягивает ее тело, словно вторая кожа. Такое ощущение, будто я отключаюсь от всего происходящего и просто смотрю на нее. Она тоже смотрит на меня, не моргая.

Я быстро отворачиваюсь и сосредоточенно смотрю в холодильник, вытаскиваю яйца, сыр, лук и перец.

— Ну что ж, зато я голоден, ты должна поесть со мной что-нибудь за компанию, я не люблю есть в одиночестве. И, между прочим, еда поможет немного вывести алкоголь из твоей крови.

Она пожимает плечами и садится на стул.

— Если честно, я не очень много пила сегодня, но перекушу с тобой за компанию.

Это гребаное платье снова приподнимается, привлекая мой взгляд и путая все мои мысли. Я не могу понять свою реакцию на нее. У меня было много женщин и в более откровенных платьях, чем этот кусочек материи.

Я достаю небольшую сковородку и ставлю ее на плиту, включая газ. Добавляю пару кусочков масла, разбиваю яйца и начинаю их взбивать, стоя, как и раньше, к ней спиной. Затем, я, как бы между прочим, спрашиваю у нее,

— Так что же сегодня произошло?

Я слышу, как Эмили легко вздыхает, а затем раздается скрип стула. Она подходит ко мне, отчего все мое тело напрягается, но она просто берет луковицу, очищает ее и начинает нарезать.

— Я не знаю, такого со мной еще не случилось. Он показался мне довольно милым парнем. Мы были в компании, выпивали и веселились всю ночь, а затем мои подруги оставили меня одну. — Она отодвигает нарезанный лук в сторону и принимается за перец. — Внезапно он стал довольно странным

— В чем это выразалось? — интересуюсь я, хотя заранее знаю, что ответ разозлит меня.

Я могу чувствовать, как она легко вздрагивает возле меня.

— Он стал распускать свои руки и требовать от меня близости. Настаивал на том, чтобы проводить меня домой, я не раз отвечала ему отказом, но он стал прикасаться ко мне, запугивая меня. А затем стал настаивать, чтобы я пошла к нему. Он был очень пьян, поэтому я не могла договориться с ним сама.

Она замолкает, чувствуя некоторое смущение и стыд за то, что с ней хотели сделать. Я разрушаю неловкую тишину тем, что высыпаю лук и перец на сковороду.

— Ты сделала правильно, когда позвонила мне, — говорю я ей, легко помешивая овощи на сковороде. — Ты доверилась интуиции и поступила правильно.

— Да, наверное.

Она больше не говорит ни слова, пока я продолжаю готовить. И когда я заливаю взбитые яйца на сковородку поверх овощей, присыпая сверху все это сыром, спрашиваю у нее:

— Почему ты говоришь так неуверенно?

Эмили направляется к столу и садится на стул. Я горд собой, потому что смотрю в ее глаза, когда ее платье вновь приподнимается, обнажая ее шелковистую кожу на бедрах. Она наклоняется немного вперед, опираясь подбородком на руку.

— Просто понимаешь, он был таким милым и приятным на протяжении всей ночи, не могу понять, в какой момент я все упустила?

— Это очень хороший вопрос, но, к сожалению, я не знаю на него ответа. За время службы в Афганистане я выучил, что люди могут отлично скрывать свою истинную натуру. Поэтому мне настолько тяжело доверять людям.

Я выкладываю омлет с расплавленным сверху сыром на тарелку и ставлю перед Эмили. Затем беру пару вилок из выдвижного кухонного шкафа и подаю одну ей.

— Ешь, — говорю я.

Она смотрит немного озадаченно на омлет, который лежит на одной тарелке, и на вилки, что у нас в руках. Она приподнимает бровь в изумлении.

— Что? Просто нет смысла пачкать две тарелки, если мы можем поест с одной.

— Согласна, — говорит она, слабо улыбаясь, и накалывает омлет на вилку.

После того, как мы заканчиваем, я очищаю тарелку и ставлю ее в посудомоечную машину.

— Пойдём. Ты можешь отдохнуть в моей комнате, а я переночую на диване.

— Ты что! Я не могу позволить тебе сделать это. Я лягу на диване.

— Слушай, Эмили, может, я и мудака большую часть времени, но я знаю, как нужно себя вести. Ты спишь в моей кровати, я на диване. Разговор окончен.

— Поаккуратнее, Никс, — поддразнивает она меня. — Так ты можешь потерять свой статус мудака.

Я фыркаю в ответ на ее слова. Ни при каких обстоятельствах, я не намерен терять его. Я привожу ее в свою спальню и открываю один из шкафов, доставая просторную футболку, и подаю ей.

— Вот. Можешь переодеться в это. Ты знаешь, где ванная. Увидимся утром.

Направляясь к двери, я слышу, как она зовёт меня:

— Спасибо тебе, Никс. За все.

Я поднимаю руку над головой и машу ей в согласном жесте, что я принимаю ее благодарность. Просто она еще не знает, что похвала и даже обычное «спасибо» вводит меня в ступор и заставляет чувствовать себя ужасно неловко, и эта ситуация не исключение. В груди распространяется приятное чувство, когда я возвращаюсь в гостиную.

10 глава

Никс

Я просыпаюсь очень рано, несмотря на то, что спал всего пару часов. Диван довольно удобный, но мне было сложно уснуть, так как Эмили лежит в другой комнате. Харли забрался ко мне на диван, но, к моему удивлению, ненадолго. Через некоторое время он спрыгнул и понесся в мою комнату, где спала Эмили.

Теперь я немного завидую этой несносной собаке. Что очень странно, потому что мне никогда не нравилось делить с кем-нибудь кровать, кроме Харли.

Меня удивляет, почему эта девушка занимает все мои мысли. Да, конечно, я не стану отрицать очевидное, что она потрясающе красива и обворожительна, но это никогда сильно не влияло на мои мысли, ведь я видел множество красивых девушек, но Эмили... другая.

Поднимаясь с дивана, я выпрямляюсь и потягиваюсь. Вечером я не стал снимать джинсы, на случай, если бы в комнату вошла Эмили. Не заблуждайтесь на мой счет, скромность не является моим достоинством, но я сомневаюсь, что Эмили была бы в восторге увидеть обнаженного парня со стоячим членом.

Хотя... это заставляет меня печалиться, так как мое обнаженное тело и член определенно стоят пристального внимания.

Я направляюсь по коридору к ванной, и когда прохожу мимо ее комнаты, напряжение становится по истине невыносимым. Дверь слегка приоткрыта, скорее всего, Харли открыл ее, когда проскользнул в комнату.

Приближающийся рассвет заливает комнату слабыми лучами, поэтому я могу разглядеть Эмили, спящую на спине, одна ее рука покоится на животе, другая лежит на подушке над головой. Харли вальяжно развалился рядом, витая в своих собачьих снах. Его голова покоится на ее ногах, в то время как задние лапы находятся на ее груди. Правая задняя лапа Харли находится всего в пару сантиметрах от ее носа. Я не могу ничего поделать с собой, усмехаясь картине передо мной.

По правде говоря, мне приходится быстро отойти от комнаты, прежде чем я начну смеяться как ненормальный, и разбужу их. Если честно, я нахожу эту новую эмоцию достаточно веселой, она отдает приятным привкусом сладости, словно я ем один из своих любимых пирогов.

Быстро приняв душ и почистив зубы, я направляюсь на кухню. Проходя мимо комнаты, бросаю быстрый взгляд, хотя понимаю, что за прошедшие пару минут ничего не изменилось. Не удивительно. Солнце начинает медленно подниматься из-за горизонта, и мне кажется, что Эмили очень устала. Но Харли уже поднялся и бежит в мою сторону, чтобы получить свою долю утренних ласк.

— Пойдем, мальш, — говорю я еле слышно. — На прогулку.

Я пристегиваю к ошейнику Харли поводок, и мы направляемся на прогулку в прохладное раннее утро. Я думаю о том, что тот придурок пытался сделать с Эмили прошлой

ночью... но больше всего меня накаляет мысль о том, что тот психопат мог сделать, если бы я не появился, от этой мысли мои внутренности обжигает. Она выглядела такой потерянной прошлой ночью, не желая принимать на веру, что и в ее мире существуют множество монстров. Думаю, большую часть своей жизни, она была под защитой, и вчера произошло нечто, что напоминает мощное пробуждение.

Когда мы возвращаемся в квартиру, там все еще тихо, поэтому я думаю, что Эмили все еще спит. Я завариваю себе кофе и наливаю кружку, выходя на балкон. Делаю глоток горячего напитка и наблюдаю, как небо постепенно сменяется разными оттенками, от серого до розового, и когда я наконец допиваю кофе, становится нежно голубым. Возвращаясь обратно, чтобы наполнить кружку еще немного, я замираю на пороге кухни.

Эмили стоит около кофемашины и наливает себе кружку бодрящего напитка. Ее бедро немного выставлено вперед в я-даже-не-подозреваю-насколько-сексуальна манере. На ней нет ничего кроме футболки, которую я дал ей прошлой ночью, эта футболка смотрится на ней так же сексуально, как и вчерашнее платье, если даже не более сексуально.

Ее волосы растрепаны после сна, футболка помята, но я лучше буду смотреть на нее в таком виде, чем в том вчерашнем трахательном платье. Я думаю про себя, влияет ли на ее привлекательность тот факт, что она одета в мою одежду.

Эмили чувствует, что я стою позади нее, и резко разворачивается. Мне кажется, она совершенно не чувствует смущения из-за того, что стоит передо мной лишь в одной футболке и дарит мне сонную, кроткую улыбку.

— Доброе утро!

— Привет, — говорю я слабым голосом. Подхожу к кофемашине и беру в руки свою кружку, отступая в сторону. — Как ты спала прошлой ночью?

— Вообще-то отлично. Спасибо тебе еще раз, что уступил мне свою кровать.

После того как наливаю себе чашку кофе, я разворачиваюсь и прислоняюсь бедром к столешнице. Делая глоток терпкого напитка, я наблюдаю за ней поверх кружки:

— После того как ты попьешь кофе, я отвезу тебя домой.

— Хороший план, — она легко дует на горячий напиток и делает маленький глоток. — Так, когда ты планируешь перебраться обратно к себе домой?

— Не знаю. У меня нет никаких сроков, так как я занимаюсь ремонтом в свободное время.

— Но могу поклясться, что ты готов перебраться туда уже прямо сейчас, да?

Я безразлично пожимаю плечами.

— Ну да, в какой-то степени. Я имею в виду, что жить там выгодно — близко к работе... не нужно заморачиваться, просто пройтись от задней двери до мастерской.

Она смотрит на меня странным взглядом.

— Но, мне казалось, это же твой дом. В смысле, я думала, что тебе должно быть там уютно.

— С чего бы это? — удивленно спрашиваю я. Не понимая, почему она вообще пришла к такому выводу.

— Ну просто... Ты похож на мужчину, который очень дорожит своим личным пространством.

Аааааа... Теперь я отлично понимаю, к чему она клонит.

— Да, ты абсолютно права насчет этого... Я очень ценю личное пространство. Но если честно, кровати все одинаковые, нет особых отличий. Я веду к тому, что у меня нет

эмоциональной связи с этим домом.

— Для тебя тяжело устанавливать эмоциональные связи, не так ли?

Вот теперь она задала мне действительно очень сложный, жестокий и ранящий до мозга костей вопрос. Я чуть не сказал ей, что это не ее дело, потому что именно так я бы огрызнулся, если кто-нибудь другой попытался провернуть все это дерьмо с психоанализом.

Вместо этого, без следа горечи или злости, я выдыхаю:

— Да.

Я понимаю, что только что своим ответом спровоцировал новую волну вопросов.

— А почему? — ее вопрос нежный, с нотками осязаемого сомнения. Это заставляет кожу покрыться мурашками, а сердце забиться быстрее.

— Строить эмоциональную связь не сложно. А вот терять ее больно. Поэтому легче избегать этого.

Она пристально смотрит на меня, ее глаза широко распахнуты и полны сочувствия.

— Мне кажется, ты много потерял. Прости меня...

Это все, что она отвечает мне, и я чувствую, что ей совершенно не требуется ответ. Я думал, что она будет пытаться склонить меня к разговору против моей воли, заставит меня быть откровенным, но она даже и не думает этого делать. Она не делает этого, потому что чувствует, что я не стану делиться больше никакими подробностями.

Это довольно странно. Обычно я завершаю назойливый разговор резким словом или холодностью в моем голосе. Это обиденный намек, который появляется в моем голосе, когда я хочу, чтобы человек отвалил от меня. Похоже на поднимающуюся шерсть на загривке у собаки, когда она находится в состоянии крайней ярости.

Сейчас я не делаю этого. Точнее, мне даже не приходится делать этого. Я ответил на ее вопросы достаточно откровенно, и она прекрасно поняла, что больше не стоит лезть ко мне с расспросами. Она сама почувствовала, когда нужно отстать, благодаря чему мне даже не пришлось пускать в ход исключительно мудаковатую версию Никса.

И это чертовски интригует меня.

Я везу Эмили обратно к ней в квартиру. Она снова переоделась в свое сексуальное платье, и моему разуму приходится не замечать ее длинных изящных ног, которые словно специально приглашают меня любоваться ими. Вы, наверное, считаете, что дневной свет должен был забрать половину ее очаровательной красоты, но вчера перед тем как направиться в кровать, она смыла с себя косметику и приняла душ, поэтому сейчас выглядит свежо и молодо. Ее волосы собраны в неаккуратный пучок на макушке, что заставляет меня до зуда в руках хотеть распустить их. Она выглядит потрясающе красиво, но мне кажется, что Эмили Бёрнэм не знает, что такое выглядеть плохо или непривлекательно.

Но не красота делает ее настолько интересной для меня. Я ненавижу признавать, но ей каким-то образом удалось пробить трещину в моей твердой броне, что заставляет меня испытывать по отношению к ней еще большее любопытство. Я с удивлением признаю, что все больше и больше хочу узнать про нее. Я стремлюсь знать то, что в обычной ситуации мне было бы совершенно не интересно.

— Так, расскажи мне, чем ты так разозлила своих родителей, что они перекрыли тебе доступ к деньгам? — Я поднимаю тему, которая заведомо обещает нам насыщенный диалог.

Этот разговор именно то, что мне нужно, тогда я смогу немного понять, почему я нахожу эту девушку настолько сексуальной и загадочной.

Она недовольно фыркает.

— Просто пыталась жить своей жизнью.

Я смотрю на нее и замечаю, что в ее взгляде виднеется горечь, а в ее голосе слышится боль. Я не знаю всех подробностей истории, но это заставляет меня хотеть свернуть ее родителям головы.

— Не хочешь немного пояснить?

Она поворачивается на месте и смотрит на меня. Когда я встречаюсь взглядом с ее глазами цвета глубокого золотисто-коричневого бурбона, я замечаю, что в глубине они наполняются неприятными воспоминаниями. Я выдерживаю паузу немного дольше положенного, и вместо того чтобы смотреть за дорогой, полностью тону в ее глазах.

— Ты когда-нибудь был под чьим-нибудь контролем?

— Крошка, естественно, — отвечаю я, не задумываясь ни на секунду. — В войсках морской пехоты. Я делал то, что мне говорили, не задавая при этом вопросов.

Она полностью замолкает, и я делаю попытку перевести разговор в более непринужденное русло. Поэтому уточняю:

— Но я прекрасно осознавал, куда и на что я шел.

— Я не приняла то, что хотели от меня родители, и это разозлило их.

— Так маленькая принцесса бунтует? Ахх, забавно! — Я всего лишь пытаюсь подразнить ее, но выходит, откровенно говоря, хреново, как будто я специально придавил ее большим количеством неподъемного груза.

— Я совсем не бунтую, — резко огрызается она. — Я всего лишь пытаюсь жить своим умом. Я уже взрослая. Мне кажется, никому не нравится, когда им стараются помыкать.

В воздухе витает определенная напряженность, и я чувствую, что задел Эмили за живое, когда поднял такую деликатную тему. Я не хотел обидеть ее чувства или же оскорбить ее. И то, что я нехорошо чувствую себя из-за этого, — новая эмоция для меня. Если быть честным, то обычно я только и делаю, что раню чувства других, чтобы они отстали от меня. Но сейчас все с точностью наоборот, я судорожно перебираю в голове идеи, чтобы немного снизить градус напряжения.

— Прости меня, я хотел всего лишь подразнить тебя, но это вышло хреново. Расскажи мне, чего такого хочешь ты, что так претит твоим родителям?

Она делает глубокий вдох и нерешительно продолжает:

— Моего отца зовут Алекс Бёрнэм... слышал о таком?

Я громко присвистываю.

— Э... ну, да... ну, я имею в виду, а кто его не знает? Он влиятельный член палаты представителей по делам вооруженных сил. И также метит в Белый дом.

— Когда ты рожден в такой богатой и влиятельной семье, тебе не дают никакого выбора в плане личной жизни, выбора той профессии и построения той карьеры, которую хочешь.

Я бросаю на нее скептический взгляд. Естественно, она, как и все девушки, склонна все утрировать.

— Вообще никакого?

— В большинстве своем — нет. Я имею в виду, у меня есть выбор, к примеру, принять ванну или душ, а кроме этого, права выбора у меня нет. — Ее голос низкий, и она впадает в

состояние апатии.

— Приведи примеры, — пытаюсь я немного отвлечь и оживить ее. — Так я смогу понять тебя.

На самом деле, я хочу посмотреть, насколько она отчаялась по поводу этой ситуации. Потому что это, наверное, так «плохо» быть из привилегированной и богатой семьи. Хорошо, что в моих мыслях есть здоровая доля иронии.

Эмили делает глубокий вдох, прежде чем начинает говорить:

— Хорошо. Мне постоянно говорят, что надеть, с кем следует общаться, как говорить, как себя вести, какие у меня должны быть друзья, какую профессию мне выбрать, сколько мне съесть, потому что не дай Бог я съем лишнего и растолстею, и поэтому на фотографиях буду выглядеть ужасно.

— Все так плохо? — Когда я задумываюсь об этом, это действительно кажется ужасным.

— Нет, это еще терпимо, самое ужасное, мама заставляет меня возобновить отношения с моим бывшим, потому что его отец один из основных спонсоров политической кампании моего отца.

— Это тот мудака, что тебя преследует?

— Ага, тот самый. И что еще ужаснее, им наплевать на то, что он очень жесток по отношению ко мне, главное, чтобы я не раскачивала денежную лодку.

— Что за херня? — восклицаю я громко. — Он что, жестоко обращался с тобой?

Она кивает.

— Да, но это было только раз, и я сразу же порвала с ним все отношения.

Невероятно.

— И твои родители все еще хотят, чтобы ты встречалась с ним?

— Ну, — она пытается уклониться. — Они точно не знают, что он сделал тогда со мной. Я просто сказала им, что мы закончили наши отношения на плохой ноте. Просто понимаешь, Никс, у меня с родителями не настолько доверительные отношения, чтобы я могла им все рассказать.

Что-то в ее голосе заставляет меня чувствовать неподдельную печаль за нее. Вполне очевидно, что в отношениях с родителями у нее не хватает какой-то важной составляющей, и мне кажется, что это — любовь, связь, которая должна быть между родителями и детьми. Я говорю ей быстрее, чем успеваю подумать:

— А может, если ты им расскажешь, они прислушаются к тебе?

— Может быть.

Она устраивается поудобнее на сиденье и скрещивает руки на животе. От ее невинного движения ее платье приподнимается еще выше, открывая передо мной потрясающий вид на красивые ноги, но я все еще вовлечен в разговор.

Я решаюсь немного сменить тему:

— Какой из запретов ты нарушила, что тебе перекрыли поступление денежных средств?

Она хихикает.

— Я выбрала журналистику в качестве главной специальности, и моя мать буквально сорвалась с цепи. Она хотела, чтобы я выбрала медицину или юриспруденцию.

— Эм... а что не так с журналистикой? Ты же не выбрала специальность стриптизёрши?

Она выпрямляет спину и поворачивается ко мне, восклицая:

— Точно! Я подумала то же самое. Ты понимаешь меня, Никс.

Я смеюсь. Возможно, я начинаю понимать ее.

— Так ты всегда была мятежной дочкой, которая сопротивляется сильной руке родителей?

Я замечаю краем глаза, что ее плечи поникли, и она опустила голову, чтобы не было видно ее глаз. Мне кажется, что я ненароком затронул то, чего она стесняется. Ее язык тела говорит за нее все.

— Нет. Я никогда не восставала против их решений, — говорит она тихо. — Два года назад я бы не понравилась тебе.

Я пытаюсь немного разрядить напряженную атмосферу и аккуратно шучу, потому что в данный момент ее голос кажется немного растерянным.

— Пфф, а кто тебе сказал, что ты мне сейчас нравишься?

Я достаиваюсь крепкого удара крошечным кулачком по руке.

И затем следующие ее слова буквально скручивают мои внутренности.

— Я нравлюсь тебе.

Мой желудок сжимается, потому что она права. Ее голос нежный и сексуальный. Но она не прилагает к этому специальных усилий.

Пришло время еще немного ослабить напряжение.

— Ну да, ладно, ты ничего, Бёрнэм. Для девушки, пойдет.

Она опять смеется, и ее хриплый смех еще сильнее скручивает в узел мои внутренности. Мой член начинает подрагивать от желания, и я принуждаю засранца не испытывать никаких иллюзий на этот счет, Эмили для нас под запретом.

Мне срочно необходимо поговорить о чем-нибудь другом.

— Почему ты думаешь, что не понравилась бы мне пару лет назад? — если все настолько плохо, то это немного успокоит мой неугомонный стояк.

— Оу, ну давай посмотрим. Я была избалованной, тщеславной, самовлюбленной, капризной, надменной, подлой, своевольной, злой. И это только для начала.

Ее голос становится менее напряженным, но я вижу по ее реакции, что она правда считает, что обладала всеми этими недостатками.

Конечно же это было не так. Эта Эмилия не может быть такой, ведь я... восхищаюсь ею.

— Ты не обладаешь всеми этими недостатками, — настаиваю я решительно. Может, она и выросла в привилегированной семье, но она всегда вела себя как обычная девушка, которая не испорчена деньгами.

— Спасибо, Никс. Это самая приятная вещь, что ты когда-либо говорил мне. Я могу поставить сотню, что это вообще самая хорошая вещь, которую ты когда-либо говорил девушкам.

Я смотрю на нее краем глаза и улыбаюсь крошечной улыбочкой. И прекрасно знаю, что это правда. Это действительно самая хорошая и милая вещь, которую я когда-либо говорил девушке... по крайней мере, на протяжении долгого времени.

11 глава

Эмили

Я не могу поверить в реальность разговора, который произошел между мной и Никсом.

Он обычно ведет себя очень замкнуто и скрытно. Я не знаю, что конкретно изменилось, но он общается со мной, просто разговаривает, не отталкивая.

И знаете, мне это безумно нравится. Этот общительный Никс, что спас меня прошлой ночью, представляет мне его в новом свете.

Я чуть не проглотила язык и не захлебнулась слюной этим утром, когда он вошел на кухню. Он был одет в те же джинсы, что и вчера, только две верхние кнопки были расстегнуты, поэтому они низко сидели на его бедрах. Он был без футболки, и я буквально чуть не потеряла сознание от удовольствия, когда увидела чётко очерченные контуры его тела и идеальные рельефные кубики пресса. Его мышцы отлично выделяются и подчеркивают его V-образную линию внизу живота. В то время как его грудь была напрочь лишена волос, от его пупка тянулась тоненькая, манящая, темная дорожка волос, исчезающая в долине удовольствия, которая находилась под молнией его джинсов.

Я знала, что я смотрю на него так же, как и тогда на его татуировки — жадно. Я быстро скользнула взглядом по его обнаженным бицепсам, покрытым пугающими, но в то же время восхитительными татуировками, но я не стала их пристально разглядывать, так как рассмотрела их в прошлый раз, тем более сейчас я могла любоваться более соблазнительным зрелищем. Мой взгляд был прикован к его обнаженному торсу.

Я пялилась на его правое плечо, потому что там красовалась огромная татуировка черепа. Глазницы черепа покрывала лента с надписью «Не Вижу Зла», буквы были написаны в тяжелом, готическом стиле. (прим. перев. слова символизируют буддистскую идею недеяния зла, отрешённости от неистинного. «Если я не вижу зла, не слышу о зле и ничего не говорю о нём, то я защищён от него» — идеи «неведения»). Лента скручивалась и продолжала тянуться от черепа, затем плавно переходила на грудную клетку и исчезала на его спине. Я не могла разглядеть, что там было написано, но там были маленькие буквы и линии. Может, песня? Или какой-нибудь стих?

Я умирала от желания спросить у него, что же там такое написано и что это значит, но я восприняла слова на ленте, как предупреждение и не стала спрашивать. Но мне не давало покоя выражение «Не Вижу Зла». Что же такое пережил Никс, раз его тело украшает такая татуировка? И чем дольше я смотрела на татуировку, тем меньше у меня появлялось желания узнать, что же еще там написано.

Мы останавливаемся возле здания, где располагается моя квартира, и я беру свою сумочку.

— Спасибо еще раз за то, что спас меня прошлой ночью.

Он пренебрежительно фыркает.

— Ты и сама за себя отлично постояла. Я просто подвез тебя к себе, чтобы ты смогла немного отдохнуть.

Я протягиваю руку и кладу свою ладонь поверх его руки. Чувствую смятение, когда он вздрагивает, но я не убираю руку. Его мышцы твердые и напряженные под моими пальцами, и у меня возникает внезапное желание погладить его кожу.

Но я останавливаю себя.

— Никс, не преуменьшай, это было намного больше, чем просто поездка до дома.

Я наблюдаю за тем, как он тяжело сглатывает и бормочет:

— Ничего особенного.

Я убираю ладонь с его руки и поворачиваюсь, чтобы схватить ручку двери. Смотрю на парадную дверь, ведущую в здание, где расположена моя квартира, и гнев просачивается в

мои кости, настолько сильные в этот момент я испытываю эмоции.

— Проклятье!

— Что такое? — говорит Никс с волнением в голосе.

— Мой преследователь тут, — я отвечаю ему сухо и открываю дверь, чтобы выйти из машины, намереваясь высказать Тодду все, что я о нем думаю.

Как только мои ноги касаются земли, Никс тоже выбирается из машины, обходит ее и становится рядом со мной.

Я делаю шаг вперед, но внезапно Никс хватается меня за запястье.

— Возвращайся в машину, Эмили!

— Нет, ни за что, — отвечаю я. — Я могу с ним справиться.

— Я тебе сказал, быстро вернись и сядь в машину. — Его слова наполнены гневом и дикой злостью, они пугают меня до чертиков. Я нерешительно смотрю на него, но он не смотрит на меня в ответ. Он буравит взглядом Тодда, как будто мысленно уже приготовился разорвать его на части, осталось лишь только дать ему команду.

Я вырываю свое запястье из крепкой хватки Никса, и он, наконец, смотрит на меня.

— Это не твое дело и не твой бой, Никс, — отвечаю я ему спокойно, почти умоляя.

Он смотрит еще раз на Тодда, и затем опять на меня.

— Но я останусь здесь, пока ты не зайдешь внутрь. Эмили, слушай меня внимательно, я не намерен шутить, я даю тебе две гребаных минуты, чтобы ты отвязалась от него, или, в противном случае, я сделаю это за тебя, и тебе могут не понравиться мои методы. Поэтому, будь добра, уложись в это время.

Я не знаю, почему, но его слова заводят меня. В его голосе чувствуется опасность, стремление защищать и отчаянная смелость. Внезапно меня накрывает волна желания, и я не могу понять причину. Образы мгновенно вырисовываются у меня в воображении... смятые одеяла, покрытые татуировками бицепсы, большие ладони, удерживающие меня, в то время как его член жестко вколачивается в меня.

Я качаю головой и прерывисто вздыхаю. Какого хрена происходит?

Я смотрю в последний раз на Никса и надеюсь, что мой взгляд не источает похоти, затем направляюсь к Тодду.

Как только начинаю подходить, его лицо становится мертвенно-бледным. Я останавливаюсь всего в паре крохотных шагов от него и надеюсь, он не настолько глуп, чтобы совершить какое-либо угрожающее движение в мою сторону, потому что, если такое произойдет, Никс будет здесь в течение доли секунды и уничтожит его. Мое сердце с трудом бьется, я понимаю всем существом, что мне нужно быстро покончить с этой неожиданной встречей.

— Что ты здесь делаешь, Тодд?

Но он, очевидно, не собирается отступать.

— Что, Эмили, продаешься, как дешевая подстилка уличному гангстеру?

Я прекрасно знаю, что мне следует обидеться на такие слова. Черт, может, мне даже следует бояться таких безумных слов. Но, если честно, то, что он обозвал Никса «уличным гангстером» вызывает у меня лишь приступ хохота.

Внезапно я прекращаю смеяться, когда вижу, что лицо Тодда еще больше искажается от злости. Мне следует прекратить все прямо сейчас.

— Тодд, пойми ты наконец, у тебя нет никакого права голоса, ты не можешь мне указывать, вбей ты себе это в голову. Мы не вместе.

Я вижу, как гнев медленно уходит из его взгляда, и его глаза смягчаются. Я вздрагиваю, когда его голос становится плаксивым и жалостливым.

— Но, детка, тебе же прекрасно известно, что нам хорошо вместе. Тебе нужно дать нам еще один шанс.

Я быстро смотрю на Никса, который прислонился спиной к своему «Форду». Он поднимает палец и показывает им на циферблат часов, намекая мне, что время уходит.

Я решаюсь на отчаянный шаг.

— Хорошо. Мне, конечно, не следовало разрывать отношения с тобой таким образом, но я начала встречать с новым парнем. — Я показываю взглядом на Никса. — И в данный момент мой парень совершенно не рад тому, что ему приходится стоять и ждать меня, пока я разговариваю с тобой, вместо того чтобы находиться в моей квартире. И вот в чем проблема, он дал мне на разговор с тобой всего две минуты, если я не закончу говорить в установленное время, тогда он подойдет сюда и будет говорить с тобой по-другому. Поэтому сделай одолжение, свали отсюда наконец, тем самым ты сэкономишь свою шкуру.

Я надеюсь, что говорила достаточно убедительно. Естественно, Никс не мой парень. Черт, я даже не могу назвать его другом. Но он точно надерет задницу Тодду, если он сейчас не свалит отсюда.

Взгляд Тодда теряет фальшивую мягкость и вмиг становится жестким, как прежде. За прошедшую минуту он показал мне множество эмоций, и про себя я гадаю, какая же из них была настоящей. Я вижу, как он бросает недовольный взгляд на Никса, и как напряженно сглатывает нервный комок. Затем он опять смотрит на меня и усмехается злорадной улыбочкой. Я внутренне съеживаюсь, так как это напоминает предостережение.

— Ты только что облажалась, Эмили. — Он начинает медленно отступать от меня, не сводя с меня своих глаз. Поднимает руку и указывает на меня пальцем. — Ты только что облажалась по-крупному, Эмили.

Затем он разворачивается и спокойно удаляется, засовывая руки в карманы своих джинсов.

Мое сердце стучит как отбойный молоток. Преследования Тодда всегда казались мне немного детскими, я думала, что это было от его избалованности. Но в этот раз было по-другому. В его действиях присутствовало что-то темное и опасное, чего я не замечала ранее. Осознание этого словно накрывает меня тяжелым покрывалом, и я вздрагиваю всем телом, чувствуя, что начинаю задыхаться от понимания, что он опасен. Если честно, я ужасно боюсь его.

Я смотрю через плечо на Никса. Какое бы ни было на моем лице выражение, я вижу, что это очень беспокоит его, он отходит от грузовика и собирается направиться в мою сторону, но я останавливаю его жестом. Я пытаюсь выдавить из себя улыбку, которая создаст видимость того, что все в порядке. Он нерешительно на меня смотрит, но я быстро разворачиваюсь и направляюсь в здание, чтобы добраться до своей квартиры.

Я не оборачиваюсь.

Зайдя в квартиру, закрываю дверь на два замка и запираю ее на цепочку. Я включаю охранную сигнализацию, чего никогда не делаю, когда нахожусь в квартире. Кладу свою сумочку на столик, скидываю босоножки и направляюсь напрямик к окну, чтобы посмотреть, что там творится. Я не вижу Тодда, скорее всего, этот ненормальный и правда ушел, зато я вижу Никса, который все еще здесь, сидит в своем «Форде». Он, похоже, решил убедиться, что Тодд не вернется. Мысль о том, что Никс делает это, чтобы уберечь меня,

внушает мне чувство неподдельной безопасности.

Я быстро принимаю душ, затем натягиваю пару старых, домашних, спортивных штанов и футболку. Расчесав волосы, собираю их в хвост и направляюсь на кухню, затем делаю себе тост, в этот момент Фил входит на кухню. Она выглядит ужасно.

— Как ты себя чувствуешь, мой стейк?

Она смотрит на меня сердитым взглядом, Фил ненавидит свое забавное прозвище, плюс ее настроение омрачает то, что она страдает от сильного похмелья.

— Чувствую себя дерьмово. Как прошла твоя ночь?

— Ты не поверишь, если я расскажу тебе, что произошло со мной. — Я достаю тост, и она быстро кивает и выхватывает его из моих рук. — Фил, может, тебе достать сыр «Филадельфия»?

Она издает вымученный стон и качает головой. На данный момент простой поджаренный тост, это все, с чем может справиться ее желудок после вчерашнего алкомарафона.

Я беру свой тост и сажусь напротив нее.

— Ну с чего бы начать... после того как ты ушла, точнее, после того как тебя унесли, Тина и Тоня бросили меня, оставив с парнем, который категорически не принимал слово «нет» в качестве ответа. Поэтому я позвонила Никсу и попросила забрать меня. Пока Никс добирался до клуба, я смогла в одиночку противостоять тому придурку, когда он попытался меня изнасиловать, укусив его за язык. Затем, когда Никс все-таки добрался, я еле удержала его от того, чтобы он избил того парня. Затем он отчитал меня в машине, а потом отвез к себе. Это краткая версия. Все, конец.

Ее брови приподнимаются в удивлении, и кусочек тоста выпадает изо рта.

— Ты разыгрываешь меня, чертова девчонка?

— Нет.

— Ладно... ладно. Начинай. Хочу полную историю, от начала и до конца. И я хочу историю, рассказанную в мельчайших деталях. И, пожалуйста, описывай покрасочнее.

Я рассказываю ей во всех подробностях, что произошло прошлой ночью и этим утром. По окончании рассказа я еле могу ее удержать, чтобы она не выскочила и пошла убивать Тину и Тоню за то, что те бросили меня одну, но я убеждаю ее, что это не была их вина. Потому что до того момента Джеймс вел себя просто идеально. Затем, во время рассказа про Тодда, она хочет пойти и надрать ему задницу. Но я говорю ей, что он того не стоит.

— Так почему ты поехала к Никсу? Почему он просто не подбросил тебя сюда? Это же ближе к клубу, — спрашивает она, прищуриваясь.

Я растерянно пожимаю плечами. Потому что действительно не знаю его мотивов. Но я знаю одно, с ним я чувствую себя защищенной. Чувствую, что моя симпатия к нему возросла в десятки раз, и мне кажется, что я хочу воспользоваться возможностью узнать его получше.

— О Господи, так он тебе нравится, не так ли?

— Ну естественно, он очень приятный парень. И он спас меня вчера вечером.

— Ой, не строй из себя недотрогу! Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю! Тебе он нравится. Прошлой ночью я просто подразнивала тебя, что он тебе нравится, но сейчас я ясно вижу, что права. Тебе он правда очень нравится! Ты что-то к нему чувствуешь.

— Нет никаких чувств! Я просто... по странному стечению обстоятельств меня влечет к нему. Он для меня как запретный плод.

— А ты, как я посмотрю, хочешь попробовать его запретный плод. — Фил начинает громко хохотать над двойным смыслом своих слов, затем резко хватается за виски, потому что смех только усилил ее головную боль от похмелья.

Я сначала усмехаюсь, затем начинаю смеяться в голос. Когда наконец успокаиваюсь, смотрю на нее ясным взглядом.

— Фил, в нем что-то есть... я не могу просто так отпустить его.

Она склоняет голову чуть набок.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не знаю. У него действительно очень крепкая броня, к нему тяжело подобраться. Что-то заставляет его держаться подальше от близких отношений. Но это только больше заставляет меня хотеть его... ну не знаю... обнять?

Я говорю утвердительно, но в то же время задаю вопрос, потому что сама запуталась, чего я хочу. Мне кажется, что за ледяной маской Никса скрывается уязвимость и страх чего-то. Я буду рядом с ним, буду стараться обнажить это. Затем поцелую его и прижму к себе.

Есть еще много всего, что я бы хотела с ним сделать.

После разговора мы с Фил идем в гостиную и проводим весь день, смотря фильмы по каналу ТМС. Я беру в руки телефон и проверяю, нет ли пропущенных звонков или сообщений, и когда ничего не вижу на автоответчике, меня накрывает облегчение, но потом резко накатывает плохое предчувствие, как будто Тодд что-то замышляет.

12 глава

Никс

Я сижу около жилого комплекса Эмили почти на протяжении двадцати минут, чтобы убедиться, что ее бывший парень, мудака, не решит вернуться. Между прочим, я даже не знаю его имени, но мне, если честно, до этого нет никакого дела. Когда я полностью убеждаюсь, что он не вернется, направляюсь обратно в квартиру к Линку, чтобы принять душ и постирать некоторые вещи. Затем я беру с собой Харли, и мы направляемся к моему отцу.

По сложившейся традиции, я всегда стараюсь проводить с папой воскресные дни, поэтому он единственный, не считая Линка, кто знает, какой я на самом деле.

Хэнк Кэлдвелл отличный отец. Ему шестьдесят два, и он немного старше, чем большинство родителей моих друзей. Когда я говорю «друзей», это значит тех людей, которые учились со мной в школе. У меня сейчас нет друзей, кроме пары-тройки сослуживцев, с кем я поддерживаю общение через эсэмэс и почту.

Предыдущий брак моего отца распался, и через некоторое время он встретил мою мать. Его первый брак продлился восемь лет и окончился горьким расставанием. Я не знаю всех деталей, но перед своей смертью мама поведала мне, что отец хотел много детей, а его первая жена была против. Скорее всего, это и стало причиной краха их брака.

Папа встретил Кэролайн, мою маму, спустя пару лет после развода, и через девять месяцев появился я. Мой отец определенно не хотел терять время, поэтому после того как мне исполнилось два года, появился Линк.

Моя мама умерла от прогрессирующего рака яичников, когда мне исполнилось десять

лет. Мои воспоминания о ней были слегка размытыми, но определенно теплыми. Отец растил нас сам, после смерти моей матери он так и не влюбился снова. Как-то он сказал мне, что никогда не встретит такой женщины, как его Кэролайн, что больше никто не будет его так любить и понимать, поэтому он хранит ей верность и по сей день.

Мой отец старался обеспечить нам надежный дом. Может, у нас не было много денег, но мы всегда были любимы, счастливы, и, что самое важное, к нам прислушивались и понимали. Отец работал не покладая рук на верфи по шестьдесят часов в неделю, плюс дополнительные часы. Безумный глупец все еще продолжает работать там. Мы с Линком пытаемся уговорить отца уйти на пенсию, потому что зарабатываем отличные деньги, чтобы он ни в чем не нуждался, но он не желает нас слушать. Мне кажется, он боится, что если прекратит работу, то умрет.

Я въезжаю на подъездную дорожку к дому отца... и вот, передо мной дом моего детства. За эти годы совершенно ничего не изменилось. Это двухэтажное бунгало, занимающее примерно четыре тысячи квадратных метров земли. Отец содержит его в полном порядке благодаря нам с Линком. Краска на карнизах и ставнях свежая, благодаря нашей «рабочей вечеринке», которую мы устроили прошлым летом втроем, чтобы немного освежить дом и придать ему ухоженный вид. Облицовка дома в отличном состоянии, сверкает чистотой, и на ней нет ни следа от плесени, за что нужно сказать огромное спасибо любимому устройству отца... портативной минимойке.

Харли срывается и несется к входной двери, прежде чем я успеваю вылезти из машины. Он начинает лаять, призывая моего отца открыть для нас дверь, и наконец, отец выходит и крепко обнимает Харли. Он придерживает ногой открытую дверь, когда я прохожу, и мы обнимаемся, похлопывая друг друга по спине.

Я сразу же направляюсь в дальнюю комнату — гостиную, где на столе уже лежат две коробки пиццы и стоят бутылки с охлажденным пивом. Подхожу и откидываю крышку с коробки с пиццей и беру кусочек, затем захватываю пиво и усаживаюсь на диван. Отец садится на свое старое кресло, которое выглядит так, будто ему лет сто пятьдесят, будто оно доживает свои последние минуты, а когда отец садится в него, кресло то и дело грозит развалиться на части. Пару лет назад у нас развернулась борьба за то, чтобы купить ему новое, но он только отчитал нас с Линком как маленьких детей. Он любит это старое, потрепанное кресло, будто это его третий ребенок. Хотя, я думаю, оно напоминает ему о маме, потому что они вместе любили его. Отец усаживался первым, затем мама присаживалась к нему на колени, и это продолжалось, даже когда мама была уже очень плоха, они никогда не переставали любить друг друга. Кресло — часть его воспоминаний, часть его истории.

Следующие пару часов мы молча смотрим игру «Нью-Йорк Джетс» против «Нью-Ингленд Пэтриотс», так как оба пребываем в настроении средней паршивости.

Затем отец делает все еще паршивее, когда начинает свою игру в «двадцать вопросов».

— Ты собираешься еще посещать доктора Антоняк?

Я прикладываю все усилия, чтобы не ожесточиться, потому что понимаю, что отец спрашивает лишь потому, что волнуется за меня. Они с Линком прекрасно знают, что для меня это щекотливая тема.

— Я так не думаю.

Отец молчит некоторое время, и я уверен, что внутренне он обдумывает, как бы хитрее подтолкнуть меня к беседе, а затем и к действиям. Вопреки всему он оставляет тему

доктора, но теперь переключается на меня.

— А что насчет Пола? Ты уже говорил с ним?

Бл*дь! Ну почему они не могут оставить в покое эту болезненную тему? Я медленно вдыхаю через нос, затем выдыхаю. Мои пальцы рассеянно потирают голову Харли и почесывают за ушами, потому что он лежит возле меня на диване, будто чувствуя мое состояние. Я слишком сильно уважаю моего отца, чтобы срывать на нем. Этого я не позволяю никому, включая Линка.

— Нет, пап. Он пару раз звонил, но я был занят.

Мой отец, настырный засранец, даже не думает отступить.

— Тебе нужно перезвонить ему. А еще лучше, если ты поднимешь свою задницу и съездишь проведешь его.

Я вздыхаю.

— Я знаю. Я позвоню ему, ладно!?

Отец ерзает в кресле и немного наклоняется вперед. Он смотрит на меня серьезным, сосредоточенным взглядом. Я же хочу, как маленький мальчик, отвернуться, спрятаться от его понимающего взгляда, но не делаю этого.

— Сынок, я надеюсь, ты понимаешь, что тебе нужно что-то с этим сделать. Я волнуюсь за тебя. Ты же понимаешь, что я достаю тебя, потому что люблю и волнуюсь?

Я улыбаюсь отцу. Улыбка едва чувствуется на моих губах, но все же это улыбка.

— Я знаю, папа, и я тебя очень люблю. Я позвоню ему. Не волнуйся.

— Это мой мальчик. Я так горжусь тобой, Никс. Так чертовски горжусь.

Нервный узел формируется в моем животе от его слов. Ну почему он говорит именно эти слова? Ему нечем гордиться. Я полнейшее ничтожество. А его слова о гордости только ухудшают ситуацию. Желчь поднимается вверх по горлу, и я чувствую приступ горечи во рту, такое ощущение, что меня может сейчас вырвать, но я принуждаю себя сглотнуть горечь. И слава богу, он больше не ворошит эту тему.

После разговора я решаю посидеть еще немного, чтобы не вызывать подозрений, что этот разговор сильно ранил меня. Я сижу и смотрю игру «Питсбург» против «Балтимор». Когда игра подходит к концу, начинаю собираться домой. Мы обнимаемся на прощание, и отец удерживает меня в объятиях чуть дольше обычного. Я делаю глубокий вдох и чувствую запах отцовского лосьона после бритья, и это напоминает мне о детстве, о том, как в то время все было просто.

Харли запрыгивает в грузовик, и мы направляемся обратно в квартиру Линка. Он все еще находится на выездной игре и вернется только завтра, чему я безумно рад, потому что в данный момент мне необходимо немного пространства, мне нужно побыть наедине со своими мыслями. Мне кажется, Линк с отцом сговорились заводить эти разговоры, чтобы беречь мои старые раны. Он всегда встречает меня после моих поездок к отцу и пытается выведать, про что мы говорили, и мне волей-неволей приходится пересказывать наши беседы.

Я пристегиваю поводок к ошейнику Харли, и мы идем прогуляться по нашему кварталу, я позволяю сделать ему свои дела, затем мы направляемся домой. В гостях у отца я выпил всего два слабоалкогольных пива, но для того чтобы отважиться набрать номер Пола, мне нужно что-то покрепче. Поэтому я беру бутылку «Джека» из бара Линка и наливаю в стакан, бросая туда пару кусочков льда. Я легко покручиваю стакан, позволяя насыщенной янтарной жидкости играть, переливаясь золотистыми оттенками. Подхожу к огромному окну и

смотрю на холст ночного неба, на котором небрежно брошены россыпи звезд, и наслаждаюсь мигающими огнями Манхэттена, который находится через реку. И в этот момент мое сознание возвращается к красивой, дерзкой, милой, доброй и открытой девушке, и я размышляю, что она может делать в этот момент.

Качая головой, я пытаюсь избавиться от назойливых мыслей о темноволосой красотке, и, снова наполнив стакан, расслабленно потягиваю его. Горло обжигает терпкая жидкость, но боль во мне вызывает только приятные чувства, потому что благодаря физическим страданиям я не чувствую эмоциональных.

Направляясь обратно в гостиную, я захватываю с собой бутылку жидкой смелости и стакан. Сажусь на диван, выпиваю еще один стакан, и затем ставлю все на кофейный столик. Тянусь в карман джинсов, достаю телефон и набираю номер Пола.

Раздается четыре долгих гудка, и я уже размышляю над тем, чтобы положить трубку, но затем он все-таки отвечает:

— Придурок, ты впервые перезвонил на мои непрекращающиеся звонки!

Я улыбаюсь, только Пол может назвать меня придуром и вызвать искреннюю улыбку.

— Просто я был немного занят, мужик.

— Ты был настолько занят, что не мог перезвонить своему боевому товарищу, с которым прошел всю службу и многое пережил! Да, и, кстати, я уже говорил, что ты полный придурок?

Я смеюсь.

— Да, да, мне говорят это по сто раз на дню. Не надо сейчас повторять это.

На минуту в трубке воцаряется тяжелая, давящая тишина. Каждый из нас ждёт, чтобы кто-то начал разговор.

Я начинаю первым.

— Ну, и как ты?

— Чертовски круто, чувствую себя как желейная конфетка, — он смеется, затем прочищает горло и продолжает. — Просто в прошлом месяце мне поставили новые протезы на ноги, поэтому я похож на желейную конфетку, такое чувство, будто под ногами не земля, а мягкое облако. Ну, естественно ты бы знал об этом, если бы потрудился мне перезвонить.

Мое выражение лица искажается болью, и внутри все стягивает в узел. Мне ужасно хочется что-нибудь ударить. Я крепко стискиваю зубы:

— Это круто, мужик. Я надеюсь, они заткнут за пояс протезы лейтенанта Дэна, да? (прим. перев. речь идет о герое из фильма «Форрест Гамп», лейтенант Дэн Тэйлор, которого Форрест вынес с поля боя). — Когда я произношу эти слова, мне хочется плакать, хочется бросить телефон в стену, хочется все крушить. Мне хочется забрать его боль. Мне хочется выть от его боли.

Но он лишь громко смеется в ответ.

— О чем ты, Форрест, естественно. Титановая сталь. Прикинь, мужик, у них пружинные механизмы в соединении коленных шарниров, и это помогает. Снимает дополнительное давление на бедра и поясницу, которое создается при ходьбе. Я уже говорил, что чувствую, будто под ногами облака. Это круто, Никс.

Я откидываюсь на диванные подушки, прикрываю глаза и слушаю болтовню Пола. Он взахлеб рассказывает про новые протезы, о том, что начал занятия в колледже, что сделал предложение Мари, и насколько счастлив, что приспособился, но от его слов мне хочется плевать, потому что это все такая жуткая хрень. Потому что он своими словами хочет лишь

облегчить мое состояние, хочет немного снять с меня груз вины.

Потому что по моей вине он потерял свои ноги.

Мы разговариваем еще примерно час, я сомневаюсь, что вообще слушаю, что он говорит, по крайней мере, девяносто процентов я точно пропустил мимо ушей. Я опять даю ему обещание, в сотый раз вру своему другу о том, что приду, о том, что мы будем видеться чаще. Но мы оба знаем, что я лгу. Я слаб. Я погряз в своем дерьме.

После того как кладу трубку, одним глотком осушаю стакан, затем смотрю на него и понимаю, что именно так я и чувствую себя: пустым и никчемным. Инстинкты ревут во мне, требуют вырваться наружу, я хочу схватить стакан и бросить его в стену, и наблюдать, как он разобьется на миллион кусочков. Но вместо этого я просто продолжаю смотреть на него. Я беру стакан и бутылку с собой в спальню, желая напиться до чертиков.

Когда раздеваюсь и ложусь в кровать, поднося стакан к губам, я резко опускаю взгляд на золотистую жидкость, понимаю, что именно такого цвета глаза у Эмили.

13 глава

Эмили

Сегодня пятница, и я не могу поверить, что буду помогать Никсу красить его дом. Не думайте, что я возражаю. Черт, я должна ему деньги, и обязана их отработать. Часть меня, большая часть, пребывает практически в детском восторге оттого, что мне сегодня предстоит такой опыт. До этого момента я никогда ничего не красила, да я даже и не задумывалась о таком. Я представляю лицо моей матери, и что бы она сказала, черт, меня буквально переполняет ликование оттого, что я стараюсь стать лучше.

Я надеюсь, что не испорчу стены своей неуклюжей мазней, но, если это произойдет, то это будут только его проблемы. Я собираюсь делать то, что он мне скажет, и если он хочет, чтобы этим занимался несмышленный новичок, то так тому и быть.

Я совершенно не против выполнять любую работу, которую мне поручит Никс, но в то же время меня раздражает то, что он всю неделю ведет себя со мной как придурок. И мне кажется, что возложить на меня покраску стен в его доме, это что-то вроде тайного хода, чтобы удержать меня подальше от мастерской. Это не может не расстраивать.

Я думала, что мы наладили дружеское общение, особенно после прошлых выходных, мне казалось, что он... открылся мне. Он вел со мной честный и открытый разговор, а я была достаточно мудра, чтобы вовремя отступить и не испугать его своим напором. Мне кажется, что именно это помогло увеличить его влечение ко мне.

В данный момент я не чувствовала себя никчемной пустышкой. Но, посмотрев вглубь своей души, я с удивлением поняла, что меня привлекает в нем не только его тело, но и внутренний мир, его прошлое, он сам, его личность. И это привело меня в изумление.

Но когда я пришла на работу в понедельник, я была разочарована, встретив подлинного, агрессивного и погруженного в свои размышления Никса Кэлдвелла. Я могла только строить предположения, что такого произошло в воскресенье, что настолько испортило его настроение. Он даже не старался быть вежливым. Просто рывкнул то, что мне необходимо сделать и затем прошмыгнул в мастерскую, плотно прикрыв за собой дверь. И за весь день Никс так и не показался, даже когда закончился мой рабочий день, он не потрудился выйти и попрощаться со мной. Тогда я подумала, что, возможно, он был просто занят.

Но когда я вернулась в среду, то натолкнулась на ту же стену равнодушия. Как я поняла, у него не было сварочных работ, но он грубо бросил мне, чтобы я заткнула свой рот и не смела мешать ему своей бестолковой болтовней, пока он будет выполнять работу по дому. Поэтому я просто наблюдала за ним, совмещая это с работой в новой бухгалтерской программе, пока он выполнял разные домашние дела.

Он был дотошным и сосредоточенным в это время. Я понимала это и уважала. Было немного забавно, когда он полностью погружался в работу: он высовывал кончик языка и его брови сходились на переносице. Когда Никс заканчивал, то его лицо озаряла неподдельная радость, разглаживая его глубокие морщины, но в то же время собирая вокруг глаз лучики мелких морщинок от улыбки, что растягивалась на его губах.

Меня это завораживало, и я с трудом могла отвести от него взгляд. Один раз он даже поймал меня, как я наблюдаю за ним, в ответ он злобно уставился на меня. Я же смутилась, потупила взгляд и начала что-то яростно набирать на клавиатуре.

Когда он во второй раз поймал мой взгляд на себе, то процедил сквозь зубы:

— На что ты пялишься, Бёрнэм?

Он даже не потрудился назвать меня по имени. Он просто выплюнул «Бёрнэм», будто утратившую вкус жвачку.

Хренов мудака.

Перед тем как я начала собираться домой, он мне крикнул, чтобы в пятницу я надела старую одежду, которую не жалко выбросить, если замараю ее. И когда я спросила у него причину, он коварно ухмыльнулся и протянул, что в пятницу я буду кое-что красить, так что я должна быть готова.

Я не собиралась тешить его самолюбие и собиралась показывать свою растерянность. Меня раздражало то, что он определенно не желал находиться со мной в одной комнате. Но если бы я продемонстрировала ему, что это меня раздосадовало, то выглядела бы как испорченная девчонка, заносчивая, не чуткая к чужим проблемам, заикленная только на своем вездесущем «я». А я слишком долго работала над собой, чтобы сейчас возвращаться к тому, с чего начала.

Черт, я даже согласилась помогать Данни пару раз в месяц в приюте для бездомных. Старая Эмили Бёрнэм осталась лишь затертым, растворившимся образом. Я была другой, сильной, и я никому не позволю себя обижать.

Вот и я. Стою в гостиной Никса, смотрю, как он раскладывает инструменты и приспособления для покраски стен. И естественно, я не могу не смотреть, как под футболкой перекачиваются и сокращаются его упругие мышцы, когда он поднимает большую банку с краской. Не могу отвести своего предательского взгляда от того, как джинсы обтягивают его идеальную задницу, когда он нагибается. По крайней мере, его задница заслужила мое восхищение, в отличие от самого придурка Никса. Но я чувствую, как во мне переплетаются стыд и вина, потому что всю неделю Никс вел себя со мной как придурок, а я сейчас восхищаюсь его идеальным телом и рельефом мускул.

Но я никогда и никому в этом не признаюсь. Сейчас я думаю о том, что когда Никс в приказном порядке, голосом, не терпящим возражений, сказал, что я буду красить, у меня была минута слабости и страха. Если честно, я раньше никогда не занималась физическим трудом, но не боялась, что потерплю неудачу в покраске его стен. У меня в характере заложено ни в чем не уступать и не страшиться перемен, добиваться поставленных целей, поэтому хрен тебе, Никс-гребаный-придурок-Кэлдвелл, я все равно справлюсь со всем, что

бы ты мне ни поручил. Тем более дома я подкрепила знания видео-уроками... на YouTube. Вы были бы просто ошеломлены, когда увидели бы, сколько существует разных техник по покраске.

И хотя я никогда не держала в руках кисть, сейчас я чувствую себя немного увереннее, потому что видео-уроки помогли.

После того как Никс все раскладывает, он выпрямляется и смотрит на меня в упор. Он кивком указывает на принадлежности и говорит, что стены уже были покрыты универсальной грунтовкой. Хотя я и так могу это почувствовать, потому что в воздухе присутствует слабый запах какой-то смеси.

Он показывает мне, как отверткой открыть крышку банки с краской, затем перемешивает ее деревянной палкой и, вытирая излишки краски, кладет палку на кусок тряпки. В общем, мне не нужны никакие инструкции — опять же, спасибо тебе, YouTube — но мне безумно нравится наблюдать за тем, как он наклоняется, как сокращаются мышцы его спины, как он показывает правильно технику использования валика.

Когда он заканчивает, то обращается ко мне, спрашивая, есть ли у меня какие-либо вопросы.

— Нет, никаких вопросов.

Он скользит взглядом по моему телу, затем, насмехаясь, говорит:

— Я же тебе говорил надеть старую и ненужную одежду, потому что ты можешь запачкаться. А ты смогла лишь додуматься до того, чтобы надеть это?

Я опускаю взгляд и придирчиво осматриваю себя. Я не смогла найти более-менее старую одежду, поэтому просто надела ту, которую не ношу. На мне брюки цвета хаки и белая футболка, а на ногах шлепки. Я говорю ему это, но опускаю часть про то, что я покрыла ногти ярко-розовым лаком, потому что он красиво смотрится с брюками цвета хаки.

— Я не против замарать эту одежду, — я пытаюсь говорить как можно более непринужденно, но на самом деле мне хочется огреть его по голове чем-нибудь тяжелым за то, что он на протяжении нескольких дней вел себя как кретин.

— Мне нет до этого дела. Я буду в мастерской, если тебе что-нибудь понадобится, но пожалуйста, Эмили, сделай так, чтобы тебе ничего не понадобилось.

— Ладно, — сердито бормочу я и вижу вспышку вины в его глазах, но она продержалась там только несколько секунд. Он не отвечает мне и, резко разворачиваясь, направляется к двери.

Я немного злюсь на себя из-за того, что я так погружена в загадку по имени Никс Кэлдвелл. В первые секунды я немного теряюсь, потому что не могу вспомнить, что говорили в видео-уроке, сначала красить валиком или же лучше вести первоначальную отделку кистью. Но я решаю, что буду делать, как показал Никс, а он сказал пользоваться валиком.

Я следую тем советам, что мне запомнились, поэтому опускаю валик в большую чашку и двигаю им по дну, чтобы краска распределилась равномерно. Потом аккуратно поднимаю валик и провожу первый раз по стене, наслаждаясь красотой и удовлетворением от работы.

Мои мысли бродят сами по себе, но больше всего мне нравится перебирать детали того, насколько Никс сексуален, но прямо сейчас я не могу полностью сосредоточиться на его красоте, поэтому все время мыслями возвращаюсь к тому, что завтра на ужин приедут мои родители. Эта «радостная» новость свалилась на меня этим утром, когда мне позвонила моя

мать.

Сегодня утром я опоздала на занятия, что случается очень редко. Я уже подходила к аудитории, когда мой телефон ожил, я посмотрела на экран и увидела номер моей матери.

— Привет, Эмили.

В то мгновение, как она произнесла первые слова, я почувствовала ужасный груз вины, что навалился на меня с новой силой. К тому же я еще переживала из-за того, что выбрала специальность, которая не нравилась матери, и она в наказание закрыла мне доступ к моему трастовому фонду.

— Привет, мам. Что такое?

Я услышала, как мама шумно втянула воздух. Она ненавидела, когда я обращалась к ней так фамильярно, с раннего детства нас приучили называть ее «мама». Но я уже допустила такую же ошибку пару лет назад, чем обеспечила себе пятнадцатиминутную лекцию по этому поводу.

Наконец, после продолжительного напряженного молчания, моя мать проговорила:

— Ты же знаешь, мне не нравится, когда ты так меня называешь, Эмили, называй меня «Мама».

— Да, мама, — проговорила я покорно, но совершенно не сожалея о том, что до этого так ее назвала.

— Я хотела бы предупредить тебя заранее, что мы с твоим отцом завтра будем в Нью-Йорке и зарезервировали место в Le Bernardin. Тебе нужно быть там в семь тридцать, поужинаем втроем.

Я стиснула зубы оттого, что она решила оповестить меня таким образом и всего за день, не думая о том, что я могу быть занята. Но сдержалась.

— Хорошо, мама. Я буду там.

— Тогда там и увидимся.

Положив трубку, я извинилась и вошла в аудиторию, а сев на свое место, я не могла думать ни о чем кроме ее звонка. Я не часто задумывалась о том, что наши разговоры, по большей степени, сводились к тому, где и когда мы поужинаем, или как дела в университете, но она никогда не говорила мне, насколько она скучает по мне, насколько ей меня не хватает. Когда я начала жить реальной жизнью за пределами стерильной атмосферы, царившей дома, я увидела всю ущербность наших семейных ценностей и отношений. Если бы не наш любимый дядя Джим, что звонил и болтал со мной о всякой чепухе, о том, как он скучал по мне и Ри, о том, что в скором времени обещал приехать, то я скорее всего потеряла бы веру в родительскую близость с детьми и вообще в родственную связь.

Мое сердце сжимается от этой мысли. У меня никогда не было таких легких и непринужденных отношений с родителями. Мама всегда была достаточно эмоционально холодной женщиной. Отец, наоборот, был с нами близок, но всегда был в разъездах. А я хотела, чтобы они просто были рядом.

И я хотела бы, чтобы мне не было так больно от того, что они не такие.

Ну все, довольно об этом.

Каждый раз, как я начинаю думать об этом, я утопаю в депрессии и жалости к себе, в обиде за Ри и Данни. Лучше я сосредоточусь на противном Никсе, его обжигающей сексуальности и покраске гребаных стен, чем испорчу свое настроение мыслями о моих родителях.

Никс

Я больше так не могу. Я собираюсь пойти проверить Эмили.

На этой неделе я изо всех сил пытался держаться от нее подальше, и у меня отлично получалось. Но мне это не понравилось. Всю неделю меня не покидало ощущение, что все в этом мире создано, чтобы раздражать меня.

Мне совершенно не нравится это нездоровое влечение, что я к ней испытываю. И поверьте, что испытывать такое влечение для Никса Кэлдвелла совершенно ненормально, потому что моей единственной целью всегда было быстро забраться к девушке в трусики.

Но я все-таки скажу это, и да, я отвешу себе невидимый пинок за сказанное. Эмили совершенно другая.

Именно так.

Я нахожу ее совершенно ошеломительной по многим причинам.

Во-первых, она полностью пересмотрела свое отношение к жизни, потому что ее не устраивало то, каким человеком она была раньше. Мне кажется, не на всех обрушивается такое озарение, и я абсолютно уверен, что не каждый найдет в себе достаточно сил, чтобы изменить своим прошлым идеалам, и мне это определенно нравится.

Во-вторых, ее непримиримость. Она противостояла мне, своим родителям, дала отпор парню, который пытался ее изнасиловать, бывшему парню-психопату, который преследовал ее. Она упрямая, и мне это безумно нравится.

В-третьих, я думаю, что это самый главный из трех пунктов. Мне кажется, она завоевала мое сердце. Я не знаю, каким образом, но она действовала со знанием дела. Она нашла тайный подход к тому, как можно ослабить оборону, которую я выстроил вокруг себя. Каждый пункт заставил меня мало-помалу доверять ей. Я чувствую, что мог бы быть с ней откровенным, но проблема в том, что когда я буду полностью готов к этому, она уже отступится от меня. Мне нужно много времени, чтобы начать доверять людям настолько, чтобы я мог обнажить свои секреты. В этом мы с папой очень похожи. Линк не такой.

Я мою руки в раковине и вытираю их. Естественно, у меня дел невпроворот, но я не могу больше находиться на расстоянии от самопровозглашенной изгнанницы Эмили. Я улыбаюсь, когда думаю про нее таким образом.

И как только я вхожу в дом, до меня моментально доносятся звуки ее пения. Несмотря на то, что к настоящему моменту я уважаю ее за многие качества, пение явно не стоит в топе ее талантов. Я улыбаюсь про себя, когда представляю ее с наушниками в ушах и поющей во все горло.

Когда вхожу в гостиную, я ошеломлен. Потому что понимаю, что в ее ушах нет никаких наушников, и она поет не под музыку.

Она поет по памяти. Поэтому я и не удивлен, что она совершенно не попадает в ноты.

Мне практически приходится прикусить язык, чтобы не рассмеяться над ней. Она поет песню из сериала «Настоящая кровь», при этом пытаюсь эмитировать и петь низким и хрипловатым баритоном Джейса Эверетта. Она стоит на самой верхней перекладине лестницы, которую я поставил для нее. В правой руке у неё кисть, и она держит равновесие, опираясь другой о потолок. При этом, когда Эмили поет, то виляет своей идеальной задницей. Вид просто потрясающий, но вот пение... оно ужасно.

*Когда ты пришел, дыхание перехватило.
Каждая тень наполнилась сомнением.
Я не знаю, что ты о себе возомнил,
Но пока не закончилась ночь,
Я хочу вытворять с тобой развратные вещи.*

Я смотрю на нее словно замороженный, пока она поет, пританцовывая и покручивая бедрами. К моему удивлению, линия кисти очень ровная. Она определенно относится к тому типу людей, которые могут совмещать несколько дел одновременно.

И в то время пока она совершенно не попадает в ноты и ее не волнует, что у нее не получается передать кантри-жанр, слова этой песни посылают горячую волну вожделения прямо к моему ноющему члену. Я тихо подхожу к лестнице и останавливаюсь прямо у ее основания, смотря вверх.

*Я не знаю, что ты сделал со мной,
Но кое в чем я уверен:
Я хочу вытворять с тобой развратные вещи.
Я хочу вытворять с тобой по-настоящему гадкие вещи.*

Я прочищаю горло:

— Ну и с кем ты хочешь вытворять развратные вещи?

Эмили вскрикивает и оборачивается так быстро, из-за чего ее шлепки соскальзывают с перекладки, кисточка выпадает из рук, падая по касательной на пол и задевая мою щеку. Я подаюсь вперед, когда Эмили начинает падать.

На краткий момент мною завладевает паника — только на долю секунды. Но затем я подхватываю ее на руки, и паника быстро перерастает во что-то горячее и более чувственное.

Я опускаю девушку на ноги. Ее грудь тесно прижимается к моей, ее руки на моих плечах, и мы настолько близко стоим, что можем удариться головами, но, если честно, мне на это совершенно наплевать. Я могу сосредоточиться только на том, как бьется ее сердце напротив моей груди... и на том, что ее губы так близко к моим, нас разделяет всего пара миллиметров.

Мои руки сильнее прижимают ее ко мне, и, хотя правила приличия нашептывают мне, чтобы я отпустил ее, мой внутренний голос всюду кричит: «Пошли на хрен все правила приличия!»

Я вливаюсь в нее взглядом и замечаю, насколько в ее глазах много теплоты и томления. Перевожу свой взгляд на ее губы, они слегка приоткрыты, и с них срывается тихий стон. Ее ноги находятся прямо напротив моей промежности, и я уверен на все сто процентов, что она отлично чувствует, что ей в бедро упирается твердая эрекция, которая болезненно пульсирует, умоляя меня об удовлетворении ее потребностей с той минуты, как я обратил внимание на слова песни.

Ни один из нас не двигается, я взвешиваю все за и против, пытаюсь решить, что мне сделать сейчас: поцеловать ее со всепоглощающей страстью или бережно опустить на пол. Но Эмили не дожидается, пока я решусь, она делает невероятное — прижимается своими

губами к моим в легком поцелуе.

Я не ожидал этого. Даже не мог представить, что Эмили испытывает ко мне влечение. Но в ту минуту, когда ее губы прилипли к моим, я осознаю, что ту песню она посвятила мне. Она думала про меня, когда пела, и кто знает, может, она даже фантазирует обо мне, когда ласкает себя по ночам.

Мне интересно, насколько далеко она может зайти, потому что все это определенно новинка для меня. Да, я соблазнял девушек, чтобы забраться к ним в трусики, но с Эмили все по-другому. Я всегда точно знал, если женщина целует меня, то она будет сегодня в моей постели. Но я не желаю заблуждаться на ее счет, поэтому я ожидаю ее действий

Я так желаю, чтобы это оказалось правдой, но не хочу делать предположений.

Эмили прижимается немного сильнее к моим губам, и я раскрываю свои, навстречу ее языку. Сейчас я чувствую, как кровь мощным потоком приливает к моему члену. Это ощущение заставляет меня издать стон прямо в ее рот, желая, чтобы она провела кончиками пальцев по моей длине.

Когда она проскальзывает своим языком между моих губ, все рассуждения на тему правил приличия посланы к черту. Ее руки скользят по моим плечам, и я притягиваю ее еще ближе, другой рукой осторожно сжимая в кулаке ее волосы. После чего я немного склоняю ее голову набок, углубляя поцелуй, и она на мгновение замирает, но затем расслабляется, и ее кожа покрывается мурашками.

Моя ладонь ложится ей на затылок, и я сжимаю его в беспощадной хватке, она же притягивает меня с неистовой силой за волосы.

Затем она пальцами впивается в мои плечи и, используя их как опору, подтягивает свое тело вверх и оборачивает ноги вокруг моей талии. Эмили начинает медленно двигать своими бедрами, наслаждаясь ощущением моей твердой плоти. Делая два больших шага, я прижимаю ее тело к свежеразкрашенной стене.

Внезапно, поцелуй становится более горячим, более глубоким, более влажным. Даже если бы эта ласка длилась бесконечно, этого мне было бы недостаточно, чтобы насладиться ее вкусом. Я сильнее прижимаюсь к Эмили бедрами, давая почувствовать ей, насколько мой член твердый, она же продолжает двигаться, потираясь чувственным местечком между ног о мой твердый член, не разрывая при этом поцелуя. Ее сбивчивое дыхание сменяется стонами, затем она всхлипывает мне в губы:

— О боже.

Когда я проснулся этим утром, я даже представить себе не мог, что буду прижимать Эмили к стене посреди гостиной, желая как можно быстрее спустить ее трусики по ногам и скользнуть в ее пульсирующую от желания шелковистую киску.

Снова и снова.

И теперь, когда я нахожусь на грани этой одержимости, маленькое сомнение начинает отравлять мой разум, заставляя меня испытывать чувство тревоги.

Я держу в своих руках Эмили Бёрнэм. Дочь конгрессмена Алекса Бёрнэма потирается к моему телу, а ее киска двигается напротив моего члена.

И в тот момент, когда все чувствуется так хорошо... и очень, очень правильно, меня одолевают сомнения, что если отбросить прочь все мое неудержимое желание и пораскинуть мозгами, то все, что сейчас происходит, неправильно. Я уверен, что у Эмили есть хорошо образованный, богатый парень, который хочет на ней жениться и со временем подарить ей детей. А мои планы на будущее менее масштабны, за исключением того, что я

хотел бы подарить ей оргазм или парочку, ну или даже больше.

Хотя бы на сегодняшнюю ночь.

Потому что давайте посмотрим правде в лицо... Я не стану встречаться с Эмили, а она создана именно для таких уважительных отношений. Она слишком хорошая, чтобы не желать такого.

А я слишком испорчен.

Мои мысли кажутся такими рациональными, но они не помогают охладить неистовую жажду, что я испытываю. Поэтому мне приходится приложить все усилия, чтобы отпрянуть от нее. К счастью, стена под ее спиной служит ей спасительной поддержкой, потому что я сразу же отступаю на пару шагов назад. Эмили прижимается ладонями к стене, чтобы немного поддержать свое тело. Она, скорее всего, будет покрыта краской, когда уйдет от меня.

Мы стоим напротив, жадно пожирая глазами друг друга, наши грудные клетки вздымаются и опускаются, тяжелое дыхание наполняет комнату, желание и нужда становятся полностью осязаемыми. Мы стоим с распахнутыми глазами, сверля друг друга взглядом... Неверие того, что произошло, отражается на ее лице, такое же выражение воцаряется и на моем.

— Эмили, этому не суждено произойти.

И теперь неверие сквозит в ее голосе:

— Почему?

Кстати, а почему нет? Резонный вопрос.

Все причины, которые ранее наполняли мой разум, в один миг испарились, разлетаясь в пыль. Я прекрасно понимаю, что буквально десять минут назад гребаная логика была еще со мной, но сейчас от нее не осталось и следа.

— Ну... ээ... потому что мы... несовместимы. Точно, несовместимы.

Она удивляет меня, когда начинает громко смеяться, искреннее ошеломление отражается на ее лице.

— О, мы очень даже совместимы. Твои части тела определенно идеально взаимодействовали с моими. Хммм, это происходило всего пару секунд назад.

Проклятье, а это было горячо!

Только что она сказала, что это был не случайный поцелуй. Она намекала на то, что так же, как и я, фантазировала об этом и до боли хотела тех оргазмов, которые уже буквально мерещатся мне на каждом шагу, настолько я стал одержим этой девушкой. Я практически кидаюсь к ней, но в следующую минуту меня настигает прозрение.

Я качаю головой.

— Я не спорю, что наши части тел абсолютно совместимы, Эм. Но это большее, что может случиться между нами. Это будет просто секс без обязательств, на большее я не способен. Я не тот человек, который нужен тебе.

Я наивно предполагаю, что эти слова причинят ей боль, так как они были сказаны с умыслом ранить как можно сильнее... надеюсь, они приведут её в ярость, заставят думать, что Никсон Кэлдвелл — самый большой мудака, что существует на земле. Я так надеюсь, что мои слова заставят ее в слезах убежать из моего дома и больше не возвращаться.

Вместо этого она говорит:

— И что?

Черт, проклятье. Я слегка возмущен ее поведением, что она не настолько умна, как

может казаться.

— Что значит «И что»? Ты поняла, что я сказал?

Она смотрит на меня так, будто я полный кретин.

— Дааа, — протягивает она. — Ты только что сказал, что это будет не больше, чем интрижка, секс на одну ночь

Да, это именно то, что я имею в виду. Но почему это звучит не так плохо, когда она произносит это. И это говорит мне милашка Эмили Бёрнэм. Которая носит желтый сарафан и спит с собакой, чьи лапы лежат у нее на лице.

Не покупайся на ее слова, Никсон.

— Да ладно тебе, Эмили. Ты не тот человек, который любит секс на одну ночь.

Она сверкает в меня искрометным взглядом.

— А что именно заставило тебя думать, что я не такая? Я спокойно отношусь к такому виду отношений. Если захочу, я могу себе позволить сколько угодно интрижек на одну ночь. И они не обязательно могут быть с тобой, просто в данный момент я хочу тебя.

Проклятье. Что, черт возьми, происходит, когда мир успел слететь с катушек, если Эмили смеет говорить мне такое. Ее слова о том, что она может трахаться, с кем пожелает и не только со мной, приводят меня в ярость. Но я не собираюсь отступать. Я настроен решительно, чтобы показать ей, насколько глупы ее слова.

— Давай посмотрим правде в лицо. Ты — это цветы и романтика. Я — развратный и грязный. Чувствуешь разницу, или у тебя все еще не прошло помутнение рассудка от поцелуя?

Ее яростный взгляд сменяется по-настоящему ядерной катастрофой, что грозит развернуться с каждой следующей секундой, отчего мое сердце пропускает удары, чувствуя наступающую угрозу. Она наклоняется и поднимает с пола кисточку, делая решительный шаг в мою сторону. Эмили ударяет ею по моей груди, слегка задевая шею и оставляя там влажное пятно краски. Мои руки автоматически хватаются за кисть, и она выпускает ее из рук.

— Ты ни черта не знаешь обо мне, Кэлдвелл. На сегодня с меня хватит. Разберись со своим дерьмом и встретимся в понедельник.

Она обходит меня и направляется к выходу. Но прежде чем покинуть комнату, разворачивается и смотрит на меня задумчивым, спокойным взглядом.

— Ты знаешь, Никс, пару лет назад я приняла решение изменить свою жизнь и попробовать как можно больше вещей, которые ранее были под запретом. Я могу тебе поклясться, что ты меня недооцениваешь, я такая же развратная и грязная, как и ты. А может даже и больше, так что не суди человека по внешности.

С этими словами она проносится по моей кухне, словно ураган, и скрывается из виду. Я прихожу в себя, когда слышу, как хлопает задняя дверь, и секундой позже Эмили заводит двигатель, затем до меня доносится шелест шин по гравийной дороге. Я стою, не смея двинуться еще некоторое время, пока окончательно не прихожу в себя.

Бл*дь. А все так хорошо начиналось.

Я прекрасно знаю, что ее слова будут преследовать меня еще много дней. И я не сомневаюсь, что мой разум будет возвращаться и анализировать ее слова снова и снова, чтобы подтолкнуть меня сделать то, чего мы так желаем. Я усмехаюсь и добавляю к длинному списку причин «почему мне нравится Эмили», помимо ее охрененного тела, упругой попки, отличных сисек — хитрость. Она определенно хитра и знает, как и когда

воспользоваться своим достоинством. Только одна мысль о том, что Эмили делала бы со мной те грязные шутки, про которые пела, обеспечивает мне ледяной душ на бесконечное количество дней.

15 глава

Эмили

Мое такси подъезжает к ресторану Le Bernardin на десять минут раньше, но я прекрасно знаю, что родители уже там. Они всегда приезжают заранее, как и я. Я оплачиваю счет за поездку и выхожу из машины. Прошло уже много времени с того момента, как я одевалась соответственно уровню такого ресторана, так как жизнь студента не требует роскоши.

Я разглаживаю подол своего нежно-кремового платья от Valentino. Оно в числе моих самых любимых, сшито идеально по моей фигуре, доходит до колена и подчеркивает все мои формы. Платье без рукавов, но на нем есть замечательный воротник цвета насыщенного мандарина. Образ дополняет легкий черный пиджак и туфли-лодочки с открытым носом. Время от времени мне нравится так одеваться, но на данном этапе моей жизни подобная одежда занимает достаточно мало места.

Сейчас я больше предпочитаю дорогостоящим вещам брюки-карго, которые, кстати, благодаря Никсу полностью перепачканы краской.

Но только одна мысль о брюках, перепачканных краской, сразу возвращает меня к мыслям о Никсе и его отвратительном поведении. Как он вообще посмел прикрепить ко мне ярлык? Последние два года я пыталась выйти за рамки ограничений, а он с такой легкостью заталкивает меня обратно.

Придурок.

Может, мне прийти в понедельник, сбросить с себя всю одежду и посмотреть на его реакцию? Я покажу ему, кто из нас развратный и грязный.

Я вхожу в ресторан и сразу пробегаюсь взглядом по бару. Мгновенно замечаю своих родителей, сидящих как раз напротив бара и пьющих легкие коктейли. Направляюсь в их сторону с тяжелым ощущением в животе. Я уже заранее знаю главную тему нашего разговора — выбранная мной специальность, и насколько она вредит имиджу нашей семьи.

Мое сердце болезненно сжимается от мысли, что у меня нет таких родителей, которые бы порадовались успехам своей дочери и просто захотели провести вечер в спокойной атмосфере. Я направляюсь в их сторону и сразу же попадаю в зону пристального внимания, они оба наблюдают за мной, не сводя глаз. На лице моего отца играет теплая, приветливая улыбка, а мама скользит по мне внимательным взглядом, тщательно осматривая выбранный мною наряд. Через мгновение на ее лице разливается одобрение по поводу выбранного платья. Я бы отдала многое, чтобы при моем приближении они подскочили на ноги, радостно закричали, насколько они соскучились, и бросились меня обнимать.

Но, естественно, мое желание нечестно по отношению к ним, потому что я сама не так уж и радостно бегу им навстречу. Если быть откровенной, то я стараюсь идти как можно медленнее, настолько велико мое нежелание здесь находиться.

Когда я подхожу к их столику, отец поднимается и заключает меня в объятия. Он любезно выдвигает стул и прижимает меня покрепче, чтобы поцеловать, я же успеваю легко чмокнуть маму в щеку, перед тем как, наконец, усаживаюсь на стул.

— Ты выглядишь очень мило, Эмили, — начинает разговор мама.

Ее комплимент настолько приятен, что я жадно проглатываю его, словно голодная собака косточку. Мне кажется, я бы приняла любое одобрение от моей матери, настолько я стремлюсь хоть как-то заработать ласковое слово и ее внимание, а не только тычки, приказы и комментарии о том, как я порчу столь ценный имидж нашей семьи.

— Спасибо, вы оба тоже выглядите просто потрясающе. Что привело вас в Нью-Йорк?

— Мероприятия по сбору средств. Мы остановились у Рейнольдсов и Либби, — посвящает меня в подробности отец.

Я смотрю на моего папу и понимаю насколько он приятный, располагающий к себе и привлекательный мужчина. Определенно, в молодости он обладал темной красотой, что так привлекает всех девушек. У него приятные, мягкие черты лица, четко очерченные губы, темные волосы, посеребренные легкой сединой на висках. Его теплый взгляд, словно уютное одеяло, что радушно приветствует тебя, укрывая от всех невзгод, внушая чувство безопасности. По внешности они с моей матерью полные противоположности, она обладает скандинавским типом.

К нам подходит официант и вежливо интересуется у меня, что я хотела бы выпить. Я заказываю холодной воды, потому что в моем горле ощущается сухость еще с того момента, как я покинула свою квартиру. Я уверена, что это так или иначе связано с моими нервами.

— Так, как твои дела в университете? — аккуратно интересуется отец, скорее всего пытаюсь начать издали.

Мои брови вопросительно приподнимаются. Я не уверена, просто ли он интересуется или все-таки начинает прощупывать почву, прежде чем направить разговор в нужное русло, поэтому отвечаю с некоторой опаской:

— Все просто отлично. Мне очень нравятся все занятия. — Мне кажется, пора немного разрядить напряженную обстановку, поэтому я, как ни в чем не бывало, начинаю рассказывать дальше: — Но больше всего мне нравится «Экономика физической культуры и спорта». Очень интересный предмет, и я безумно счастлива, что выбрала именно эту профессию.

Я слышу, как мама издает раздраженный гортанный стон, затем ее руки сжимаются в кулаки на столе. Мой отец полностью удивляет меня, когда заявляет, как ни в чем не бывало:

— Это же просто замечательно, Эмили. Мне нравится, что ты довольна выбранной специальностью.

Мне кажется, в этот момент чаша терпения моей матери переполняется, она больше не может терпеть притворную сладкую обстановку, что царит за столом. Поэтому тянется к руке моего отца и накрывает ее, заявляя:

— А теперь, Алекс, прекрати ей потворствовать.

— Ну, а почему бы и нет, — огорошивает ее мой отец. — Мне кажется, звучит достаточно захватывающе, и ей явно по душе то, что она выбрала.

А это уже интересно, мне все больше начинает нравиться сегодняшний вечер. Мне кажется, мой отец совершенно не имеет понятия, о чем он вообще говорит, не подозревая ничего, он поддерживает мои занятия по журналистике. Но если ему и правда наплевать какую специальность я выбрала, то он бы уж точно никогда не сказал ничего, что могло бы хоть как-то расстроить мою мать. Именно поэтому он и является отличным политиком, умеет балансировать на грани и находить золотую середину там, где практически не остается никакого выхода из ситуации.

— Алекс, — предостерегает его мать, и ее тон плавно меняется от отстраненно-холодного до арктически-ледяного. — Мы это обсуждали.

Затем мой отец говорит то, что полностью повергает меня в состояние шока:

— Нет, Селия, ты обсуждала это, не дав вставить мне ни слова. — Затем, он невозмутимо поворачивается ко мне. — Я горжусь твоим выбором, детка. Следуй за своей мечтой и делай все возможное, чтобы добиться желаемого.

Я ошарашенно смотрю во все глаза на моего отца. Он еще никогда не шел так открыто против матери. Честно говоря, он всегда был очень занят политическими делами, поэтому все заботы о нас с Ри всегда падали на ее плечи. Когда мама слышит его комментарий по поводу выбранной мной профессии, то удивленно смотрит на отца, по-видимому, пребывая в состоянии шока, и, скорее всего, обдумывая способ его убийства.

— Алекс, — говорит она недовольно, и мне кажется, ее слова не могут звучать еще более холодно. — Журналистика — абсолютно неподходящая специальность и будет портить общую картину твоей компании.

Мой отец делает глоток коктейля и отвечает:

— И пошло оно все, Селия. Главное, чтобы нравилось Эмили. Ты не можешь все контролировать, дорогая. В конце концов, она же не учится, как стать стриптизершей.

Я не могу сдержаться и практически смеюсь в ответ на его слова. Моя мать недовольно смотрит на меня, затем переводит взгляд на отца. Он весело подмигивает мне, а я в ответ широко ему улыбаюсь.

— Ну и отлично, — гневно восклицает моя мать. — Я вообще-то тут практически в лепешку разбиваюсь, так стремлюсь помочь тебе достичь твоей мечты.

Он наклоняется и притягивает ее в свои объятия, что-то произнося ей на ухо, а затем игриво целует ее в висок, отчего все раздражение, словно по мановению волшебной палочки, испаряется.

— И ты делаешь восхитительную работу, без тебя я бы не был тем, кем сейчас являюсь.

Ооо, как же это все мило. Развратное обещание на ухо и легкий поцелуй в висок, и моя мама напоминает безвредного маленького котенка. Ее плечи расслабляются, и она дарит ему восхитительную улыбку, словно ее лицо в одно мгновение освещают мириады звезд, настолько она преображается. Ужин обещает быть не таким уж и ужасным.

— Добрый вечер, Конгрессмен Бёрнэм... Миссис Бёрнэм...

Я резко разворачиваюсь на стуле на звук голоса, который раздается позади меня и понимаю, что ужин грозит быть не просто ужасным, а практически омерзительным. Хорошо, что я не успела ничего съесть, потому что сейчас бы меня, вероятно, вывернуло на дизайнерские туфли Тодда...

— Тодд! — восклицает мой отец, явно удивленный его появлением. — А что ты тут делаешь?

В самом деле. А что тут делает этот ненормальный?

Моя мама поднимается на ноги и заключает Тодда в теплые объятия. Это меня буквально выводит из себя, потому что я не ожидала такого подвоха.

— Это я взяла на себя смелость и пригласила Тодда пообедать с нами. Не прекрасно ли это, собраться вчетвером и поужинать?

Тодд смотрит на меня с хитрой улыбкой на лице. Я вижу, что он выглядит ужасно довольным собой, что сумел заманить меня в такую неожиданную ловушку. Я так и вижу, как он поглаживает себя по спине за столь удачное воплощение плана.

— Эмили, ты выглядишь просто великолепно, — легко растекается в комплиментах Тодд и шагает вперед, чтобы поцеловать меня в щеку. Но я слишком раздражена тем, что сейчас происходит, поэтому гневно отталкиваю стул назад. Тодд же вынужден резко отступить на пару шагов, потому что стул с силой ударяется о его ноги.

Я смотрю сердитым взглядом на свою мать:

— Я тебе, кажется, уже говорила, мама, что мы с Тоддом не встречаемся, и не будем в будущем, если он останется, я не намерена присутствовать на ужине.

— Эмили, — шипит моя мать, обращаясь ко мне. — Это очень грубо с твоей стороны, говорить такие вещи. Тодд наш гость, и не смей ставить нашу семью в неловкое положение.

Я закрываю глаза и собираю все остатки сил. Открывая их, я первым делом смотрю на моего отца, который выглядит очень обеспокоенным, затем перевожу недовольный взгляд на мою мать, но она делает вид, что безмерно оскорблена моим отношением. Тодд практически усмехается, ошибочно полагая, что я собираюсь подчиниться моей матери.

Я собираю всё оставшееся спокойствие и учтивость, обращаясь к маме в надежде, что она меня всё-таки услышит.

— Мама... я тебе уже говорила, наш разрыв произошел не очень хорошо, поэтому больше между мной и Тоддом ничего не может быть. Я не понимаю тебя и твое стремление свести нас вместе, ведь я тебе ни раз повторяла, что я против этого.

— Не будь глупенькой, Эмили. У каждых отношений бывают проблемы. Просто вам нужно сесть и спокойно все обсудить.

Боже, помоги мне достучаться до этой женщины, которая называет себя моей мамой. Никогда прежде меня не одолевало ощущение, что я хочу придушить ее, но сейчас именно этот случай.

— Нет, мама. Некоторые проблемы уже не могут быть решены.

Мама полностью игнорирует мои слова. Она придвигается к отцу и говорит ему:

— Алекс, Эмили, иногда ужасно драматизирует ситуацию. — Она игриво ударяет его по руке, поддразнивая, — я думаю это в ней от тебя.

Затем мама хихикает, находя, по-видимому, данную ситуацию забавной.

Я понимаю, что моя чаша терпения переполнена, и я уже не могу контролировать свои следующие слова.

— Мама, а ситуация изменится, если я скажу, что Тодд применил ко мне силу? Что он толкнул меня в стену так, что картина упала на пол. Теперь я тоже драматизирую?

Покровительственная улыбка вмиг сходит с ее лица, и она жестко сжимает вместе губы.

— Это очень серьезное обвинение.

В душе я прекрасно знаю, что она не верит моим словам. Это совершенно нечестно по отношению ко мне, что она считает, что я могу лгать ей в таких вещах. Возможно, это из-за того, что я своими словами могу разрушить все ее планы о том, чтобы свести меня и Тодда вместе. Она хочет лгать себе, ну так пусть лжет. Мне противно и обидно уже от одного факта, что после моих слов она не выталкивает его из ресторана.

— Это не обвинение, мама, — говорю я, тяжело вздыхая, и меня накрывает вся тяжесть происходящего, из-за чего я испытываю острую необходимость высказать все, что накопилось у меня на душе. — Это уже произошло. И если честно... я ужасно расстроена, что моя собственная мать не может встать на мою сторону и поддержать меня. Тебе удалось прогнать своего сына, а теперь ты делаешь то же самое со своей дочерью. Тебе нужно очнуться, мамочка, и расставить свои приоритеты. А теперь извините меня, я отклоняюсь.

Я разворачиваюсь и направляюсь прямо к двери. Слезы начинают катиться по щекам, я смахиваю их тыльной стороной ладони, но они набегают снова и снова.

Как только я выхожу на улицу, то чувствую, что кто-то хватается за руки и с силой разворачивает к себе. Сначала мне кажется, что это Тодд, но затем я понимаю, что это мой отец. Его глаза полны невысказанных слов и боли за меня. Я моментально понимаю, что он мне верит.

Он разводит руки в стороны, предлагая свои объятия, слезы не переставая катятся по моему лицу.

— Мне очень жаль, родная. Очень жаль, что ты это все держала в себе и не рассказала нам раньше.

— Зачем? — расстроено я выдыхаю в его грудь. — Мама все равно мне не верит.

Отец оставляет поцелуй на моей макушке и слегка отодвигает меня от себя, чтобы посмотреть в мое лицо.

— Просто твою маму слишком волнует, что подумают о нас люди. Это, несомненно, проблема, над которой ей нужно будет поработать. Но не забывай, что прежде всего она твоя мама. Она всегда будет с тобой, даже если на это ей понадобится некоторое время.

Он говорит правильные вещи, но мне очень сложно поверить в них. Мне бы хватило одних ее объятий. Это заставляет мои слезы катиться еще сильнее.

Отец бережно берет мое лицо в ладони и вытирает слезы большими пальцами.

— Мы оба очень любим тебя и очень гордимся твоими успехами, неважно, что мы говорим тебе, неважно, что другие говорят тебе, следуй за своей мечтой, не позволяй никому стоять на пути у своей мечты, не позволяй никому стоять у тебя на пути. Даже своим родителям. Понятно?

Я киваю в ответ на его слова и дарю ему неуверенную улыбку.

— Как насчет того, чтобы пойти со мной и поужинать где-нибудь в другом месте? Только ты и я? — предлагает отец.

— Все нормально, пап. Я думаю, что просто поеду домой.

Он очень обеспокоен, я могу сказать это по выражению его лица.

— Ты уверена?

Я приподнимаюсь на носочки и целую его в щеку.

— Конечно. Мы встретимся в следующий раз.

Затем он заключает меня в крепкие объятия и тихо говорит на ухо:

— Я люблю тебя, Эмили.

— И я тебя люблю, папочка.

Отходя от меня, отец проводит рукой по своим волосам.

— Кажется, мне нужно вернуться обратно и сказать Тодду все, что я о нем думаю. Если он еще раз посмеет тебя так напугать, то я надеру его трусливый зад.

Я начинаю хихикать как маленькая девчонка.

— Это было бы просто супер.

Но внезапно вся ситуация предстает в новом свете.

— Но что теперь насчет его отца?

— Пошел он к черту. Я не нуждаюсь в нем, чтобы меня выбрали. Только не ценой моей дочери. — Он тянется ко мне рукой и поглаживает мою щеку.

— Спасибо, папочка, — говорю я, перед тем как развернуться и забраться в такси, и успеваю сделать это до того, как слезы с новой силой начинают катиться по моим щекам.

16 глава

Эмили

На протяжении всей поездки домой я раздумываю над тем, что только что осознала. Мой отец всегда любил меня и поддерживал. Просто он не всегда был рядом, чтобы дать мне почувствовать это. Его слова поддержки были именно тем, чего мне так отчаянно не хватало все эти дни, и в моей душе еще теплится призрачная надежда, что он сможет убедить маму быть немного помягче со мной.

Но что лучше всего, отец дал мне свое разрешение и одобрение продолжать обучение на журналиста. У моей матери даже не нашлось достаточно весомых аргументов, чтобы противопоставить ему, лишь то, что эта специальность может плохо сказаться на его предвыборной кампании.

Когда я выбираюсь из такси около моего дома, то решаюсь следовать совету отца. Добиваться того, чего хочу, не останавливаясь ни перед чем, не страшись любых преград.

Это был чертовски хороший совет.

И вместо того, чтобы направиться домой, я сажусь в свою машину и еду в Хобокен.

Стучу в дверь квартиры Линка. Я даже не представляю, дома Никс или нет, так же у меня нет ни одной мысли, что я собираюсь сказать ему. Но мне кажется, что нам нужно поговорить о том, что происходит между нами. Абсолютно ясно, что существует безумное взаимное влечение, и мне нужно, чтобы он предоставил мне хоть одну вескую причину, почему мы не должны поддаться нашей химии и быть вместе, пусть даже только физически.

Мой отец мне сказал, что если я чего-то хочу, я обязательно, несмотря ни на что, должна добиться этого, а я хочу Никса Кэлдвелла. И я совершенно не раскаиваюсь в своих желаниях. Я воспринимаю это как часть общего плана, что я должна попробовать все, что мне хочется, и мне кажется, я смогу чему-то научиться у него.

Я не имею в виду только секс, хотя, если я заставлю его поддаться моим уговорам, мне кажется, он будет очень страстным любовником. Знаете, в Никсе есть что-то, что пленит меня. У него больше скрытых граней, чем в алмазе Хоупа³, и этим он меня привлекает и интригует.

Я знаю, что Никс не заинтересован в отношениях, черт, мне кажется, что я и сама пока их не хочу, но его опыт и мудрость не идет в сравнение ни с чем. Ни один парень, которого я встречала ранее, не похож на него. Я безумно хочу его понять, хочу познакомиться с ним поближе, но проблема в том, что как только я начинаю подбираться к нему, он в один момент выстраивает высокие стены и отгораживается от меня.

И если ко всему этому, мы еще и займемся сексом, это будет просто потрясающе.

Внезапно дверь распахивается и на пороге стоит Никс. Он определенно удивлен моему появлению, и все эмоции, что бушуют внутри него, видны как на ладони. Вначале, что-то яркое вспыхивает в его глазах, затем выражение сменяется приступом беспокойства, и в итоге — если я не ошибаюсь — его глаза мерцают от ярости.

Отлично. Он выглядит недовольным моим визитом.

Но вместо того, чтобы сказать мне убираться отсюда, он хватает меня за руку и затаскивает в квартиру.

— Что происходит? Что случилось? — напряженно говорит он. Его голос пропитан беспокойством, что полностью сбивает меня с толку.

У него нет мыслей, что я приехала просто соблазнить его?

— Что заставляет тебя думать, что что-то не так? — бормочу я.

— Потому что по твоему лицу видно, что ты плакала, — говорит он с нежностью в голосе.

Ох!

Но я не собираюсь отступать от своего плана. Я полностью решила на это, пока ехала сюда. Я буду упорно добиваться того, чего хочу, как мне и сказал отец. Но если честно, мне кажется, отец не имел в виду парней, когда говорил это. Ну, впрочем, какая разница, принцип один.

И сейчас я понимаю, что мне просто нечего сказать ему, поэтому стою и пялюсь на него как идиотка.

— Эмили, почему ты плакала?

— Это мелочи... просто немного поругалась с мамой.

Все еще удерживая мою руку, Никс тянет меня за собой по направлению к кухне. Он открывает холодильник, вытаскивает охлажденную бутылку белого вина, затем достает из бара бокал. Наполнив его, вручает мне.

— Что произошло, Эми?

Я пришла сюда не для того, чтобы ворошить семейные проблемы перед Никсом, и уж тем более не для того, чтобы плакаться ему в жилетку. Я не хочу отвлекаться от намеченного плана. Сделав маленький глоток вина, — которое, к слову, безупречного легкого вкуса и нежного аромата — я смотрю пристально в глаза Никсу.

— Я хотела бы поговорить о сексе.

— Что за херня, Эмили? — он в мгновение ока делает резкий шаг назад, словно я прокаженная. — Ты что, поэтому плакала?

— Что? Нет, нет, конечно, не поэтому. Я плакала по другой причине, но не хочу сейчас говорить о ней. Сейчас я настроена говорить о сексе.

После моих слов Никс смотрит на меня, как будто моя голова внезапно загорелась. Я вижу, что на его лице четко видна смесь ужаса и любопытства.

— Ты хочешь говорить о сексе?

— Да.

— Я не понимаю.

Я издаю вздох разочарования.

— Ты что, в один момент отупел?

Но Никс не отвечает на мою колкость, он разворачивается к холодильнику, открывает дверцу и достает пиво. Как только откручивает крышку и кидает ее привычным движением в раковину, то делает жадный глоток и продолжает буравить меня взглядом. Он стискивает с силой челюсти, но по-прежнему сохраняет полное молчание.

Наконец, говорит:

— Тут не о чем говорить. У нас не будет секса.

— А теперь ты ведешь себя как упрямый осел, — парирую я. — Все парни хотят секса.

Уголки его рта приподнимаются вверх, и мне даже нравится, что он находит меня

забавной. Но мне срочно необходимо сменить тактику, потому что нужно, чтобы он воспринимал меня грешной и сексуальной.

Что, мать вашу, делать?

Ну ладно, была не была. Сначала я просто постараюсь быть логичной, а если это не прокатит, просто скину с себя всю одежду и тогда посмотрим, что он будет делать.

— Позволь мне узнать у тебя кое-что, Никс,

— Что именно? — я вижу, что его заинтересовал мой вопрос.

— Ты находишь меня привлекательной? — говорю я хриплым, соблазнительным голосом.

Он впивается в меня взглядом и стискивает челюсти еще сильнее.

— Да.

Меня приводит в восторг его простой и честный ответ, который мгновенно возбуждает.

— Думал ли ты о том, как мы занимаемся сексом? Грязно, развратно? Как я беру в рот твой член, как объезжаю его, а, может, как ты трахаешь меня сзади?

Он тяжело сглатывает, и его глаза темнеют от желания. Когда он отвечает, его голос пропитан первобытной острой нуждой и грубостью,

— Да. Я думал обо всем, что ты сказала.

Я замечаю, как Никс сжимает бутылку пива так, словно хочет раскрошить стекло под своими ладонями. Его костяшки белеют от того, как крепко он держит бутылку.

Я шумно выдыхаю, проводя язычком по нижней губе.

— Я представляю очень много развратных вещей с тобой в главной роли, Эмили. Но какая тебе разница?

О боже, теперь он хочет, чтобы я сделала логический вывод из его слов? Ну что ж, ты сам напросился, Никс.

Я ставлю бокал с вином на столешницу и подхожу вплотную к нему, забирая из его рук бутылку с пивом. Он послушно отдает ее, и я ставлю ее около моего бокала.

Никс смотрит на меня с таким вожделением, что мои колени готовы подкоситься, и есть вероятность, что я упаду на пол. Наши тела не соприкасаются, но желание, которое исходит от нас волнами, буквально притягивает друг к другу, опьяняя похотью. Мне кажется, даже искры вспыхивают в воздухе, настолько мы возбуждены и стремимся броситься в объятия друг к другу.

— Все дело в том, что я чувствую то же самое. Мы не так уж отличаемся, как ты думаешь.

Внезапно Никс резко вскидывает руку и с силой хватает и оттягивает мои волосы назад. Я вскрикиваю, и ощущение надежды пронзает мое тело. Он удерживает меня в таком положении, вглядываясь в мои глаза, ожидая моей покорности.

— Что ты хочешь от меня, Эмили? — произносит он с нажимом. В его голосе слышится сомнение и неуверенность.

— Я хочу все, чем ты захочешь поделиться со мной. Я приму все. И никогда не стану принуждать тебя дать мне больше, чем ты желаешь.

Он заглядывает мне в глаза, изучает меня, пытаясь найти хоть каплю лжи или неуверенности. Затем переводит взгляд на мои губы, и мне кажется, что сейчас он поцелует меня, но Никс лишь выдыхает.

— Я не хочу причинить тебе боль, Эми.

— Ты не причинишь, — спешно стараюсь заверить его. — Ты не сможешь. Я не жду от

тебя ничего кроме секса, не возлагаю надежд на отношения с тобой. Я просто, как и ты, хочу секса.

Я остро чувствую, что его терпение на исходе, он сомневается. Просто ему необходим легкий толчок. Я подступаю ближе к нему и прижимаюсь своим телом к его. Он резко выдыхает, когда прикрывает глаза и стискивает зубы. Я только могу поражаться чувству самоконтроля Никса, даже на долю секунды начинаю сомневаться в своей женской привлекательности.

Но прежде чем я могу продолжить рассуждать на эту тему, Никс распахивает глаза и впивается в меня взглядом.

— Да пошло все к черту, — выдыхает он прежде, чем прижимается своими губами к моим.

Я застигнута врасплох его действиями, так как думала, он будет еще сомневаться, а он просто-напросто решил действовать.

Никс немного ослабляет хватку на моих волосах, но лишь для того, чтобы придерживать мою голову ладонью. Другой рукой он обнимает меня за талию, практически вжимая в свое тело. Я задыхаюсь, когда чувствую его напряженный, твердый член, который упирается в мой живот.

Его поцелуй властный и собственнический, я не знаю, хочет ли он тем самым напугать меня или наоборот возбудить и разжечь пламя страсти. Но если честно, сейчас мне совершенно не до этого, все, о чем я могу думать, — это о его твердом теле, которое прижимается к моему, и о его губах на моих. Я чувствую, как в горле зарождается приятное удовольствие, что срывается с моих губ стонами и хныкающими звуками.

Я замечаю, что продолжаю упираться в его грудь руками, поэтому убираю их, но лишь за тем, чтобы крепко обнять его за шею. Провожу ногтями по его голове, чувствуя приятную, прохладную шелковистость его волос.

Когда мы крепко прижимаемся и обнимаем друг друга, а его язык скользит в приятном танце с моим, лаская, поддразнивая, посасывая, он убирает руки от моего тела. Но у меня нет времени издать протестующие всхлипы, через мгновение я чувствую, как его ладонь скользит по моему бедру, приподнимая вверх платье.

Немного приподняв платье, он сжимает в кулак материал и одним рывком сдергивает его через голову, разжимает кулак, и платье выпадает из его ладони. Прохладный воздух касается моего разгоряченного тела, отчего кожа покрывается мурашками, дыхание становится рваным, а внизу живота разливается теплая волна желания. Все, что сейчас отделяет Никса от моего тела, — это крохотное кружевное белье. Он высовывает кончик языка и пробегается им по нижней губе, закусывая ее.

Никс поднимает руки и кладет ладони на мои плечи, мягко поглаживая меня по рукам, словно пытаюсь успокоить. Мое тело бесконтрольно содрогается с каждым его прикосновением. Его ладонь скользит по моей талии, затем он проводит кончиками пальцев по ямочкам на пояснице и... шлепает ладонью по моей ягодице, коварно улыбаясь. На смену резкой боли приходит ласковое поглаживание его ладони, и следом он жестко впивается пальцами в мою попку. Он настолько сильно сжимает ее, что скорее всего останутся синяки. Но мне нравится его грубость, поэтому я решаю показать ему, что способна играть по его правилам. Проскальзываю пальцами в его волосы, слегка поглаживая подушечками кожу на голове, затем резко дергаю его за волосы, приближая его голову к себе. Из его груди вырывается тихий стон, и в следующее мгновение я накрываю его губы своим ртом.

Видите, я тоже могу быть развратной.

— Иисус, Эмили. Ты сводишь меня с ума, — он издает стон в мой рот, когда потирается промежностью о мои бедра.

Сжимая одной рукой мою задницу, другой рукой он ласкает мою грудь, неспешно проводя по животу, подразнивая костяшками тонкую резинку кружевных трусиков.

Когда он отстраняется от моего рта, то начинает беспорядочно осыпать поцелуями линию челюсти, плавно переходя на шею, прокладывая дорожку из поцелуев до моей ключицы. Теплые и многообещающие поцелуи заставляют меня полностью расслабиться и отдаться его рукам. Потом он снова возобновляет нападки на мою шею, покусывая, затем втягивая нежную кожу в рот, посасывая и затем проводя по месту укуса языком. В то время как он распаляет мое желание, его пальцы подразнивают кромку кружевного белья, заставляя меня постанывать и прижиматься бедрами к его руке. Когда я уже готова закричать на него, чтобы он сорвал с меня этот гребаный клочок материи, Никс начинает поглаживать внутреннюю сторону бедра и легко сдвигает трусики в бок, обнажая влажные складочки моей киски.

Только от этого простого движения я готова громко застонать от удовольствия, потому что пульсация между ног становится невыносимой

И затем без предупреждения Никс прикусывает нежную кожу на шее, в то же время проталкивая палец внутрь меня. В одно мгновение боль уравнивает удовольствие. Я толкаюсь бедрами, давая ему понять, чтобы он увеличил темп. С каждым следующим толчком его пальца мое стремление в разряде увеличивается. Когда Никс добавляет второй палец, мои бедра начинают подрагивать от удовольствия, в то время как он продолжает то прикусывать кожу, то посасывать, дразня мои обостренные ощущения.

Я чувствую свободу с каждой накатывающей волной удовольствия, что омывает мое тело, в то время как я трахаю его пальцы. Чувствую, что освобождение уже близко, и в этот момент он увеличивает темп.

Никс поднимает голову от изгиба моей шеи и смотрит в мои подернутые поволокой глаза. Он придвигается ко мне, продолжая неистово трахать меня пальцами и выдыхает в губы:

— Эмили? — Это похоже на стон и вопрос одновременно. — Помнишь, когда ты спросила, что я представляю в своих мечтах?

— Д-а-а-а-а-а, — произношу я, запинаясь, потому что мне нестерпимо сложно связно рассуждать, еще и отвечать на вопросы, когда его пальцы рождают внутри меня сладостную негу удовольствия.

— Хочешь знать, о чем я мечтал больше всего?

Я не могу вынести его слова, начинаю извиваться и в ответ издаю мурлыкающий звук.

Прежде чем ответить мне, Никс начинает неспешно ласкать мой клитор, слегка потирая его. Прижимаясь губами к моему уху, он шепчет:

— Больше всего я думал и представлял, как ты выглядишь, когда кончаешь. Я размышлял о том, будут ли твои глаза закрыты? Или, может, ты будешь кричать? И сорвется ли мое имя с твоих губ?

Затем его палец резко и глубоко входит в меня, напряжение в моем теле достигает апогея, и через пару секунд я практически впадаю в состояние беспомощности.

И мне кажется, что я выкрикиваю имя Никса, когда откидываю голову назад, широко распахивая глаза. Мои бедра короткими толчками продолжают насаживаться на его пальцы,

пока всё, вплоть до последней искры, не проходит сквозь меня.

Когда я, наконец, открываю глаза, то вижу, что Никс склоняется надо мной. Он смотрит на меня с довольной улыбкой, в то время как его пальцы все еще глубоко во мне, а стенки моей киски, пульсируя, продолжают стискивать их.

— Это было красиво, — произносит он голосом, наполненным трепетом. — Я бы хотел увидеть это еще раз, но с поправкой, что в тебе в этот момент будет мой член, — произносит он, лучезарно улыбаясь глазами, затем подмигивая.

Его слова — это самая эротичная вещь, которую мне когда-либо говорили. Я вновь толкаюсь и жадно вбираю в себя его пальцы, тем самым показывая ему, что желаю большего, и когда он смотрит на меня, его глаза расширяются в удивлении.

— Никс... может нам перебраться в спальню?

Он улыбается мне самой восхитительной улыбкой, которую я когда-либо могла видеть, и приникает своими губами к моим, оставляя на них нежный поцелуй. Не долго думая, убирает руки от моей киски, аккуратно выскользывая пальцами из моего лона. Я издаю печальный стон, потому что больше не чувствую наполненности.

— Ты чертовки сексуальная, Эмили. Я мечтаю заставить тебя кончить разными способами.

Он что, только что назвал меня сексуальной? О боже... Думаю, я могу получить оргазм только от его слов. Никс нагибается и поднимает платье, отдавая его мне. Как только мы собираемся направиться в его спальню, до нас доносится звук открывающейся входной двери, и мой взгляд устремляется к Никсу. Я слышу голос Линка:

— Эй, Никс, мужик... Я приехал...

Нет! Нет! Нет!

Линк здесь... он уже в гостиной... и мою наготу от него отделяет лишь тонкая стена.

— Гребаный сукин сын, — бормочет Никс.

Я вопросительно смотрю на Никса, он же, пребывая в спокойном состоянии, забирает у меня из рук платье и аккуратно надевает его на меня. Затем пару раз проводит по нему раками, чтобы расправить мелкие складки. Никс смотрит на меня, поднимает руку и приглаживает слегка растрепанные волосы, которые, скорее всего, находятся в совершенном беспорядке после такой горячей сцены.

Закрывая мое лицо в свои ладони, он наклоняется ко мне и оставляет скромный поцелуй на моем лбу.

— Прости, — это все, что он произносит, прежде чем направиться в гостиную, чтобы встретить брата, который приехал с выездных игр.

А я остаюсь стоять, полностью растерянная, за что именно он извинился. За то, что обнажил свою страсть ко мне или за то, что внезапно приехал Линк и помешал нам?

17 глава

Никс

Бл*ть, чертовски невероятно!

Нет, и приспичило Линку вернуться домой именно сейчас. Меня буквально убивает необходимость оставить Эмили, особенно тогда, когда на её лице такой прелестный румянец от недавнего оргазма. С моей стороны это, конечно, смотрится ужасно, но я горжусь тем,

что именно я стал виновником ее румянца и удовлетворенного выражения. И могу поклясться, что подарю ей новый сокрушающий оргазм, но, к сожалению, благодаря моему братцу, не сегодня.

Я направляюсь в гостиную, предполагая, что Эмили последует за мной. Линк ставит свою хоккейную сумку на пол и смотрит на меня.

— Привет, мужик, — говорю я ему.

— Как твое ничего? — спрашивает он у меня веселым голосом, и в следующую секунду его глаза расширяются от удивления. Он немного отклоняется в сторону и смотрит на Эмили, которая стоит за мной, затем переводит взгляд на меня.

— Эмили? — произносит Линк с удивлением, как будто не может поверить, что она стоит там. Черт, я понимаю его, потому что даже я не могу в это поверить.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Эмили, которая выглядит спокойной и сдержанной. Она все так же держит бокал вина в своей руке.

— Привет, Линк. Как дела?

Взгляд Линка мечется между мной и Эмили, как будто он все еще не может поверить в то, что я с ней общаюсь. И я понимаю его, я никогда не рассказывал ему, что Эмили сбила меня или же то, что она работает на меня.

— Хорошо, — говорит он нарочито медленно. — Что ты тут делаешь?

Он задает вопрос Эмили, но смотрит мне в глаза, ожидая от меня ответа. По его настороженному взгляду складывается впечатление, как будто я привел ее сюда против воли. Слава Богу, мой стояк стал менее заметным, и он не сможет догадаться о том, что мы делали.

— Эмили работает на меня, — отвечаю я спокойно. Нет смысла что-то утаивать. Это же не секрет, тем более это правда, пусть и частичная. Я никогда не говорил об этом Линку, потому что для меня это не имело огромного значения.

— Стой! Работает на тебя? Зачем?! — теперь он задает вопрос мне, но смотрит на Эмили, ожидая ответа. По его выражению лица, я вижу, что он не верит в мой рассказ.

Эмили прислоняется к стене и делает глоток вина. Она выглядит просто потрясающе, и я поражен, как сейчас она может сохранять спокойствие. Только пару минут назад она трахала мои пальцы и выкрикивала мое имя. По моей крови разливается чувство удовлетворения из-за того, что на ее щеках все еще виднеется розоватый румянец

— Ну... это вообще забавная история, — отвечает Эмили. — Ты ему расскажешь, или мне рассказать, Никс?

Я поворачиваюсь к ней и даю знак рукой, что она может рассказывать.

Восхитительные губы Эмили растягиваются в улыбке, и она продолжает:

— Я случайно сбила твоего брата с мотоцикла в тот день, когда приехала брать у тебя интервью. Так получилось, что я очень серьезно его повредила и предложила Никсу отработать всю стоимость, в которую выльется ремонт.

Брови Линка буквально взмывают вверх.

— Ты что, прикалываешься?

— Нет. И не думала. Я чуть не убила твоего брата. — Она коварно усмехается и делает еще один глоток вина.

— Так, а какого хрена ты работаешь на него? Разве семейство Бёрнэм не богаче самого Господа Бога?

Эмили фыркает. К слову, совершенно неженственно. Но, она даже не переживает по

этому поводу.

— Ну, скажем так, на некоторое время мне перекрыли доступ к семейным богатствам. Кроме того, мне нравится этим заниматься. Я получила много удовольствия от того, что вчера красила стены в гостиной Никса.

Я чуть не задыхаюсь, когда слышу ее слова. Она ясно намекает на тот опаляющий поцелуй, который случился между нами, но Линк не знает о нем. У него буквально отвисает челюсть от осознания того, что богатая светская львица, точнее бывшая светская львица, Эмили Бёрнэм, красила стены в гостиной у такого парня, как я.

Линк кивает головой, но по его отсутствующему выражению лица видно, что он ничего не понимает. Если честно, меня забавляет видеть его напуганное выражение лица.

— Ну что ж, приятно было пообщаться, но мне нужно бежать. — Эмили передает мне бокал с вином. — Никс, спасибо за вино и разговор. Линк, увидимся на игре.

Линк прощается с Эмили и направляется напрямиком в свою спальню, мне кажется, в скором времени меня ждут пытки и допрос с пристрастием. Я же направляюсь к двери, чтобы проводить девушку. Когда она выходит из квартиры, я выхожу вслед за ней.

— Я провожу тебя до машины, — предлагаю я ей.

— Не нужно. Я сама справлюсь. Увидимся после занятий в понедельник.

Она уверенно идет вперед, и мне не нравится, что она ведет себя так отстранено и холодно, будто: «мне ничего не стоит уйти от тебя даже после сногшибательного оргазма». Я быстро делаю пару шагов в ее сторону и хватаю ее за запястье. Она останавливается и разворачивается, пристально смотря на меня, ее голова слегка склоняется к плечу.

— С тобой все в порядке? — я не знаю, что заставляет меня спросить об этом или же почему я вообще волнуюсь.

Она мягко улыбается.

— Все нормально. И да, у нас все отлично. Не беспокойся.

Так, а что теперь значат ее слова?

Я отпускаю ее запястье, и она направляется к лифту. Эмили останавливается у дверей, ожидая, пока он поднимется, постукивая носком туфельки. Я замечаю, что на ее лице все еще виднеется улыбка, и гадаю про себя, не вина ли этому произошедшее на кухне.

Тот момент останется в моей памяти навечно.

Лифт поднимается, останавливаясь на нашем этаже, и двери мягко разъезжаются, в это время я разворачиваюсь и направляюсь в сторону квартиры. Но внезапно я слышу, как она окликает меня, и поворачиваюсь. Она выглядит потрясюще, словно довольная кошка, приготовившаяся к прыжку, когда говорит:

— В следующий раз я тебя «отблагодарю» за сегодняшнее удовольствие. Я должна тебе оргазм. — Она машет мне рукой, и двери самым коварным образом закрываются и скрывают ее от меня.

Я захожу в квартиру и трясую головой, пытаюсь выбросить все мысли о ее соблазнительном обещании.

Направляясь на кухню, я не могу прекратить думать о том, чем бы все закончилось, если бы Линк сегодня не появился дома. Когда я услышал, как он заходит в квартиру, то был в крайне возбужденном состоянии и мечтал оказаться внутри Эмили. Но также я не мог не задумываться о том, что если бы у нас случился секс, то правила нашей договорённости изменились бы.

Открываю холодильник, достаю бутылку пива и откручиваю крышку. Когда я подношу

бутылку пива ко рту, то чувствую исходящий от моих пальцев тонкий аромат возбуждения Эмили. Мой член призывно дергается, наливаясь силой вожделения. После последних слов Эмили мне требуется не просто немного выдержки, мне требуется охренительное ее количество.

— Какого хрена ты вытворяешь с сестренкой Райана?

Я разворачиваюсь и вижу, как Линк неспешно входит на кухню. Он тоже достает бутылку из холодильника и быстро откручивает крышку. Его слова не кажутся злыми или осуждающими, в них просто слышится недоверие всему тому, что мы рассказали ранее.

— Я ничего с ней не делаю. Она пришла обсудить кое-что, и я налил ей бокал вина

— Как же, — выпаливает злостно Линк. — Ты зашел в гостиную со стояком, который мог посоперничать по твердости со стволом дерева, и я не поверю в твои басни о том, что вы только «говорили». Говори это дерьмо кому-нибудь другому, выкладывай, в чем дело.

Проклятье. Он заметил мой стояк.

Я не собираюсь лгать дальше о нас с Эм, поэтому просто скажу как есть.

— Это не твоего ума дела, Линк. Мы взрослые люди.

Я не хочу вдаваться в детали и рассказывать ему, что именно происходит, но я ясно дам ему понять, чтобы он не смел совать свой нос в мои дела.

— Так история о том, что она тебя сбила и сейчас выплачивает долг, полная лажа?

Я улыбаюсь.

— Нет. Это чистая правда. Эмили и правда чуть не сбила меня насмерть, и да, вчера красила стены в моей гостиной. Еще она выполняет различные поручения.

— Различные поручения? Пожалуйста, Никс, не говори мне, что она отработывает долг, трахаясь с тобой, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, скажи, что это неправда!

— Ты гребаный извращенец, Линк! Естественно, она не делает этого. Она помогает мне в магазине, у меня накопилось много дел с документами, поэтому она сейчас работает моим секретарем, приводит дела в порядок.

Линк ничего не отвечает на мою чересчур эмоциональную речь, он просто стоит и смотрит на меня, деляя глоток пива. Затем прочищает горло, и его голос серьезный и наполнен волнением:

— Не смей причинить ей боль, Никс. Не делай этого.

Моя кровь мгновенно закипает, и в груди зарождается неприятное сомнение.

— Почему? У тебя есть к ней чувства? — Если так, то ему не получить Эмили, этого не случится.

— Нет, у меня нет никаких чувств к ней. То есть, я имею в виду, если бы она дала мне немного времени пообщаться с ней или, может, сходить на пару свиданий, я уверен, что у нас бы что-то и получилось, но она никогда не рассматривала меня в таком свете. — Он замолкает, пытаюсь, по-видимому, подобрать нужные слова. — Просто, понимаешь, если ты ранишь ее чувства, это, скорее всего, разрушит мою дружбу с Райаном. Мне не хочется признавать, но я обожаю играть с ним и просто общаться. Я имею в виду, когда будешь что-то делать, Никс, немного задумывайся о других.

Ого. О таком развитии ситуации я даже не задумывался. Мне нужно пораскинуть мозгами на эту тему.

— Линк, все будет нормально. И с Эм у нас полное понимание.

Но он продолжает смотреть на меня взглядом, в котором определенно плещется беспокойство.

Я пытаюсь заверить его, что все в полном порядке, а вместе с ним и себя.
— Мы с Эмили знаем, что делаем. Мы понимаем друг друга. Не волнуйся.

Эмили ушла пару часов назад, а я лежу в кровати, пытаюсь сделать все возможное, чтобы уснуть. Нет никакого гребаного шанса, что я смогу избавиться от мыслей или от образов, что каждый раз прокручиваю в своей голове о том, как мы были вместе на кухне. Она была такой раскованной. Эмили была готова принять все, что я мог ей дать. Я полагал, что она будет немного тяжелее на подъем, более замкнутой. В тот момент, когда я рывком стянул ее платье... я... я ожидал, что она смутится, или, может, станет нервничать, или же будет немного раздражена, что все происходит посреди кухни. Но Эмили... оказалась полной противоположностью. Она полностью открыла свою сексуальную природу.

Я совершенно не представляю, какой у нее сексуальный опыт, и, если честно, мне плевать на это. Я уже разрушил свою защитную стену и теперь все, о чем могу думать, что она может не вернуться. Я пытался, видит Бог, как я пытался держаться от нее подальше. Каждый логический аргумент, который возникает в моей голове, нашептывает мне, чтобы я держался от нее подальше, но я продолжаю игнорировать их.

Я правда думаю именно так, как и сказал Линку, что мы с Эмили взрослые люди и сами во всем разберемся. Я не желаю, чтобы кто-то стоял на нашем пути сексуального познания друг друга.

Но в глубине души я все же продолжаю беспокоиться, а сможет ли Эмили смириться с такими отношениями, но я точно знаю одно, если она захочет отношений, я не смогу с ними справиться, и мне придется оставить ее. Только одна мысль о том, что мне необходимо будет ее покинуть, насыщает мои вены яростью. Сердце начинает стучать быстрее.

Я делаю пару глубоких вдохов, которые помогают мне немного успокоиться и расслабиться, как меня учила доктор Антоняк. И кстати, мне необходимо нанести ей визит, потому что после диалога с Полом, я вновь чувствую себя взвинченным. Мне нужно обязательно позвонить ей и назначить встречу на завтра.

Словно чувствуя мою потребность в нем, Харли запрыгивает на кровать и неспешно подползает ко мне, укладывая свою голову мне на грудь, и смотрит и успокаивает меня своими большими, добрыми глазами оттенка горького шоколада. Я поднимаю руку и кладу ладонь на его голову, почесывая за ушами. Пытаюсь сконцентрироваться на мягкости его шерсти под моими пальцами.

Пока я продолжаю поглаживать Харли, мое сердце постепенно успокаивается, и после пары минут я даже чувствую, как на меня наваливается сонливость. Мои мысли опять устремляются к Эмили, и я вспоминаю, как она охотно насаживалась на мои пальцы. И это последняя мысль перед тем, как я проваливаюсь в сон.

18 глава

Никс

Первым делом в понедельник утром я звоню доктору Антоняк, чтобы узнать о возможности встретиться завтра днем. Она отвечает мне утвердительно, потому что

назначенная у неё на это время встреча была отменена. Я набираю сообщение Эмили, сообщая, что меня не будет в городе следующие пару дней, и чтобы она появилась на работе в среду.

В моем сообщении нет ничего лишнего, вообще-то я веду ожесточенную борьбу с собой, потому что очень хочу спросить у нее, как прошли ее выходные, и думала ли она обо мне так же, как я о ней. Но затем я внутренне высмеиваю свое странное желание написать ей такие слова и просто убираю телефон в карман.

Такие действия с моей стороны могут ввести Эмили в заблуждение. Это может перевести всё, что сейчас есть между нами, на новый уровень, а я этого ужасно не хочу. Я прихожу к выводу, что буду обращаться с Эмили так же, как и с Лилой, к примеру.

Я спрашиваю у себя, написал бы я Лиле сообщение, чтобы спросить, как она провела свои выходные?

Ответ прост. Однозначно, нет.

Поэтому и у Эмили я спрашивать не буду.

И не имеет никакого значения, что на самом деле я очень хочу узнать, как она провела свои выходные. Я никогда не задумывался о том, что делала Лила после того, как она покидала мою спальню, но с Эмили все по-другому, я очень хочу знать, что она делала и делает в данный момент.

А это еще один источник напряжения, с которым что-то нужно будет делать, и скорее всего поездка к доктору Антоняк будет более чем просто полезная.

Лучшую часть понедельника я трачу на эскиз каркаса металлической беседки, которую мне заказали. Затем я собираю необходимые вещи в небольшую сумку для Харли и отправляюсь в путь.

У меня занимает три с половиной часа, чтобы добраться из Хобокена до Бетесды, и мои временные расчеты не назовешь никак иначе, кроме как «идеальными». Потому что я прибываю в город прямо в разгар пробки.

Наконец, заселяюсь в отель, который расположен недалеко от Национального военно-медицинского центра имени Уолтера Рида. Мы с Харли решаем остановиться там не больше чем на одну ночь, так как я надеюсь, что уложусь в установленный мне час для беседы с доктором.

На следующее утро мы с Харли направляемся в госпиталь Уолтера Рида. И первым делом, с великим удовольствием, заходим в «Макдональдс», чтобы позавтракать гамбургерами. Мы быстро перекусываем ими на парковке, и когда заканчиваем, я усаживаюсь в машину, а Харли запрыгивает рядом со мной на пассажирское сидение.

Харли постоянно сидит на переднем сидении рядом со мной, когда мы куда-нибудь едем. Я отстегиваю его поводок, и он выпрыгивает из машины. Даю ему команду «сидеть» и затем тянусь к своей сумке, достаю его жилет служебной собаки и быстро надеваю на него. Его грудь мгновенно словно выпячивается с гордостью, когда на нем его служебный жилет.

Мы проходим по множеству коридоров, пока не достигаем нужного нам отделения неврологии. В моей памяти еще живы воспоминания о том дне, когда я ненавидел приходить сюда... презирал по множеству причин, и сейчас это ощущается как что-то знакомое.

Я не видел доктора Антоняк на протяжении нескольких месяцев. Я был официально

освобожден от ее присмотра почти год назад, но время от времени все равно приезжаю к ней с теми проблемами, что меня тревожит.

Нас попросили немного подождать снаружи и через несколько минут пригласили в ее кабинет. Она поднимается и выходит из-за рабочего стола военного образца, обходит его и пожимает мне руку.

— Рада тебя видеть, Никс. — Она наклоняется и поглаживает Харли по голове. — И тебя тоже, Харли.

Я усаживаюсь напротив ее стола. Ее рабочий кабинет достаточно скромных размеров и полупустой, что внушает мне странное чувство комфорта. Она усаживается за стол, смотря на меня с любопытством и лаской во взгляде, которая укрепилась между нами за много месяцев нашей терапии. Было время, когда она смотрела на меня так, а я хотел буквально убить ее, настолько всеобъемлющий был мой гнев в те дни.

Доктор Антоняк очень интересная. Невысокого роста, с седыми очень коротко подстриженными волосами. У нее пронзительные глаза голубого цвета, и когда я говорю «пронзительные», это значит, что своим взглядом она способна пронзить самую твердую сталь, с которой мне приходилось работать. Ум — это ее мощное оружие, и она не спускает мне с рук каждый неверный шаг. Скорее всего, у этой женщины хранятся кипы бумаг, которые посвящены нашим встречам и тому, что мы на них обсуждали, но она никогда не оглядывается на то, что было. Она с легкостью виртуоза может припомнить любую сказанную мной мысль, даже если это имело место больше нескольких лет назад. Она была моим нейропсихиатром с того момента, как я был доставлен военно-медицинским рейсом после того, как закончил службу в Афганистане.

— Ты выглядишь отлично, Никс. Волосы определенно стали длиннее.

Я ухмыляюсь ей.

— То же самое говорит мне мой отец каждый раз, когда видит меня

— Так, что привело тебя сегодня ко мне? — Ее голос мягкий и успокаивающий, и совершенно не соотносится с ее волевым и жестким взглядом.

Я пожимаю плечами.

— Просто у вас похожее мнение с моим отцом насчет волос, возможно, он бы даже предложил вам наладить работу вместе.

Доктор Антоняк громко смеется.

— Наладить работу? А мне нравится эта идея.

— Ну, да, я бы, наверное, не пришел сегодня, но он просто достал меня.

— А ты полагаешь, что тебе совершенно не нужно лечение или консультации?

Я пожимаю плечами.

— Думаю, да. Мне кажется, я неплохо справляюсь.

— Мигрень есть?

— Нет.

— Приступы ярости?

— Нет.

— Кошмары?

Я почти уже произношу «нет», но знаю, что она не поверит мне, поэтому говорю правду:

— Пару раз в месяц.

Она записывает мои ответы в блокноте, смотря своими пронзительными глазами-

лазерами.

— Ты говорил с Полом?

Проклятье. Я знал, что она затронет эту тему. Я мысленно собираюсь, внутренне приободряясь, когда отвечаю:

— Конечно. Как раз на прошлой неделе.

Она улыбается мне в ответ.

— Ну, это отличная новость. А ты был инициатором вашего разговора?

Бл*дь.

Она настолько проникательна, что это бесит меня. Но, по правде говоря, это именно та причина, по которой я все еще продолжаю посещать эти встречи.

— Нет. Я перезвонил.

— Сколько раз он позвонил тебе, прежде чем ты решился перезвонить?

— Пару раз, — произношу я через стиснутые зубы.

— Почему ты избегаешь его, Никс?

Мой гнев раскаляется до предела. Я быстро опускаю ладонь на голову Харли и начинаю почесывать за ухом.

— Почему вы такая заноза в заднице? — парирую я в ответ.

— Прекращай, Никс, не ходи вокруг да около, потому что время на исходе.

Ее прямота — это одно из достоинств, за которые я очень ценю этого доктора. Она никогда не позволяла мне избежать сложного разговора и, определенно, не намерена делать этого сейчас. Это является частью экспозиционной терапии, которой она меня пытается уже на протяжении двух лет (прим. пер. — одно из направлений поведенческой части когнитивно-поведенческой терапии; цель данной терапии — сделать так, чтобы пациент не боялся воспоминаний).

Это помогает мне преодолевать мои проблемы. Она знает об этом, и поэтому никогда не позволяет мне покидать ее кабинет, не ответив на все вопросы, поэтому я набираю в легкие побольше воздуха.

— Из-за него я чувствую себя некомфортно.

— Почему? — произносит она без тени осуждения в голосе.

Как же мне ответить на ее вопрос и не выставить себя полным придурком?

— Ну... он ведет себя чересчур эмоционально, счастливо... выглядит так, словно приспособился к своему положению. От этого мне некомфортно...

— Ты сомневаешься, что он счастлив и хорошо себя чувствует?

— Конечно, — я отвечаю быстрее, чем могу подумать.

— Почему?

— Что, бл*дь, вы такое говорите? Может, потому что ему оторвало ноги!

— А почему ты считаешь, что человек, который лишился ног, не может чувствовать себя счастливым и отлично приспособленным к окружающей жизни?

Кстати, почему? Почему, почему, почему?

Но я знаю ответ на этот вопрос, и мне совершенно не нужно, чтобы мозгоправ копался и выискивал что-то в моих мыслях.

Я вздыхаю.

— Потому что то, что произошло со мной, не соответствует и десятой части того, что он пережил, и все по моей вине...

— А может, просто проблема в том, что ты преуменьшаешь значимость того, что

произошло с тобой?

Я вытягиваю ноги перед собой и указываю на них рукой.

— Никак нет. Мои ноги на месте и нормально функционируют.

— Да, может, твои ноги и на месте, они не ранены, Никс, — говорит она мягко, возвращаясь к истинной проблеме. — Но твое сознание пострадало. Твоя грудь была одной сплошной раной. Твое психологическое состояние было нестабильно. У тебя были серьезные проблемы, и от них до сих пор тянется тонкий шлейф.

Я хочу закричать на нее: «ну и какая, на хрен, разница?» Но не буду делать этого. Потому что, если она и научила меня чему-то за последние пару лет, так это контролю над своим гневом. Вместо этого, я говорю:

— Мы опять возвращаемся к началу, я зол, что он так хорошо приспособился.

— Будь честен с собой, Никс. Ты не только зол...

Следуя за ее мыслью, я невольно заканчиваю ее, говоря:

— Я чувствую вину. — Мой голос наполнен страданием и покорностью.

Она берет мой файл и открывает его, затем что-то читает там и потом поднимает на меня свой пронизывающий взгляд.

— Когда мы встречались четыре месяца назад, ты согласился на то, что все-таки навестишь Пола. Я так понимаю, ты этого не сделал?

— Я был немного занят.

Это ужасное трусливое оправдание... Я понимаю, что и она осознает это.

— Мы говорили об этом ранее, Никс. Но давай повторим снова. Чувство вины препятствует твоему окончательному выздоровлению. Ты добился больших успехов с того момента, когда мы только начали наш долгий и тернистый путь к выздоровлению. Сейчас ты отлично можешь все воспринимать, когнитивная терапия принесла в итоге свои плоды, и ты можешь сам справляться с приступами гнева (прим. пер. — образовательная терапия, цель которой научить пациента быть самому себе терапевтом). Но тебе нужно проделать еще много работы, необходимо преодолеть чувство вины по отношению к Полу и травмам. Это тянет тебя назад.

Я смотрю в пол, в одну точку. Я много раз до этого слышал эти слова. Много раз. Знаю, она права. Я понимаю это разумом, но не могу приказать своему сердцу. Проклятье, я даже был готов поехать и навесить Пола. Но когда проходит немного времени, сомнения начинают брать верх, и мне легче вернуться к жизни в уединении, чтобы таким образом облегчить свое бремя.

— Никс, — говорит она мягко, и я мгновенно поднимаю на нее свои глаза. — Чувство вины подобно яду. Оно постепенно уничтожит все, над чем ты работал и что смог преодолеть. А когда это чувство поглотит и разрушит все... оно стремительно нацелится убить все прекрасное, что есть у тебя в жизни.

Мы с Харли направляемся обратно в Хобокен. Я полностью погружаюсь в свои мысли, а Харли сворачивается в пушистый золотой шар и лежит на переднем сиденье. Я тянусь к нему и поглаживаю его лапу.

Оставалось всего три месяца до окончания срока службы, когда мой отряд подвергся воздушной бомбардировке «Талибан», так называемой атаке «зеленых на голубых». (прим.

пер. термин нападение «зеленых на голубых» используется в связи с тем, что афганские военные или полицейские, которые совершают нападения, носят зеленую форму, а военнослужащие НАТО — голубую.). Тогда Полу и оторвало ноги.

В какой-то степени его ранения оказались более легкими в лечении... физически... его раны были видимыми. Доктора могли видеть разорванные кровеносные сосуды и нервные окончания, и они прекрасно знали, что нужно делать, чтобы вылечить его.

Но для меня все не закончилось так же благополучно, я был ранен в верхнюю часть груди, но это меньшая из проблем. Я пострадал от травматического повреждения головного мозга. Оно было невидимым. Не было открытой раны или оторванных частей тела. Просто множество разорванных тканей, поврежденных нервов и сосудов, которые приносили мне нестерпимую боль и превратили меня в монстра.

Мое ранение было осложнено ушибом головного мозга и посттравматическим стрессовым расстройством. Для этой цели и нужен был Харли. Управление по делам ветеранов войны не платит за предоставление услуг по психологической помощи с задействованием бывших служебных собак, но, основываясь на законодательном акте об военнослужащих — инвалидах, это считается неотъемлемой частью лечения. После того как я из своего собственного кармана выбросил тысячи долларов, мне удалось заполучить Харли, теперь он мог ездить повсюду со мной. Но теперь я не всегда беру его с собой, потому что добился огромных успехов в сдерживании гнева, поэтому я могу появляться в большинстве общественных мест и без него.

Никс Кэлдвелл, который вернулся в Хобокен, Нью-Джерси, стал совершенно другим человеком, он так сильно отличался от молодого паренька, который уехал из дома в возрасте восемнадцати лет служить стране. Малейший раздражитель, и я выходил из себя, я хотел бить и крушить все, что попадется мне под руку. Кошмары преследовали меня каждую ночь, затягивая меня все глубже в пучину безысходности. И если меня не одолевала злость, то мне на все было абсолютно наплевать, жизнь потеряла свои краски и вкус. Громкий шум, или же звуки заставляли меня подпрыгивать и содрогаться от страха. Если позади меня шли люди, то это вводило меня в состояние паники.

Поле того как моя рана на груди затянулась, я был направлен на прохождение когнитивной и экспозиционной терапии, и, должен признать, хотя неохотно, это дало свои плоды.

Несмотря на то, что я научился контролировать свой гнев, я все еще подвержен жесточайшим сменам настроения. Мои кошмары в большинстве своем прекратились и, слава богу, я больше не чувствую желаний убивать, если кто-то посмел посмотреть или сказать что-то не то.

Это огромный прогресс.

Но определенно не достаточный.

Я мысленно возвращаюсь к последнему пятнадцатиминутному куску сеанса с доктором Антоняк. Я рассказал ей про Эмили. Я почувствовал себя очень глупо, когда решил поделиться этой личной информацией с доктором, но сейчас мне кажется, что это было смелым шагом. Но я солгу, если не скажу, что меня волнует, как повлияют отношения с Эмили на мое выздоровление.

В моей терапии занимает большую часть противостояние травме. Это значит, что я должен говорить о ней. А Эмили на данный момент единственный человек, кто подобрался ко мне наиболее близко. И честно говоря, это меня жутко пугает, я не хочу, чтобы кто-то

видел мою уязвимость и мои слабости.

Я должен уяснить, что с Эмили меня не может связывать ничего кроме секса. Но в то же самое время, я не могу отрицать того факта, что секс — это эмоциональное действие... а эмоции — это прерогатива женщин, значит, Эмили не сможет не поддаться эмоциям.

Когда мы встретимся в следующий раз, мне необходимо срочно, очень срочно определить и обсудить с ней границы допустимого поведения, и провести черту, которую не следует пересекать.

19 глава

Эмили

Данни выходит из жилого комплекса, где они живут с Райаном, и видит меня. С улыбкой на лице она сразу же направляется ко мне, я, в свою очередь, смотрю с восхищением на эту женщину... мою невестку. Она всегда уверена в себе и счастлива, несмотря ни на что. И я знаю, что теплота в ее взгляде как-то связана с тем, что она носит под сердцем моего племянника или племянницу.

Когда она подходит ко мне, то протягивает руки, заключая меня в крепкие объятия, и говорит:

— Я так рада, что у тебя все-таки получилось вырваться сегодня вечером. Будет весело.

— Я тоже рада.

Райан достал нам приглашения в VIP-ложу. Обычно каждому игроку дают пару приглашений на каждую игру, чтобы могли прийти члены семьи и понаблюдать за игрой с комфортом. И надеюсь, мне не придется стоять в длинной очереди в туалет или чтобы купить соленый крендель.

Сейчас я отношусь к роскоши более легко.

Данни берет меня под руку, и мы направляемся вниз по 33 улице. Мы обе одеты в одинаковые хоккейные игровые футболки с фамилией и игровым номером Райана. Мне нравится, когда люди видят меня в такой футболке, потому что я чувствую гордость за своего брата.

— Расскажи, как ты себя чувствуешь? — спрашиваю я ее, пока мы двигаемся вместе с толпой.

— На удивление, хорошо. У меня бывают небольшие приступы тошноты, но ничто так хорошо не сбивает её как пара крекеров. О, и моя грудь болит. Вчера вечером даже сказала Райану, чтобы был поаккуратнее с ней.

— Воу, воу, воу, все! Я этого не слышала. Теперь эта картинка будет жечь мой мозг.

Данни хихикает в ответ, и я усмехаюсь, смотря на нее. Как я люблю ее.

— Слышно еще что-нибудь от ваших папы и мамы?

— Было пару сообщений от папы, — говорю я.

Мне и правда нравится такое короткое название. Папа. Это звучит намного лучше, чем чопорное «отец».

Я рассказала Данни и Райану об ужасном ужине, который состоялся пару вечеров назад. Райан не был удивлен реакцией отца, потому что они начинали общаться все больше и больше. Вначале были простые сообщения, а теперь они даже перешли к телефонным звонкам. Райан надеется, что сможет когда-нибудь вытащить отца из дома, чтобы он пришел

к ним в гости. Может быть, и мама последует его примеру. Потому что они не могут не скучать по их старшему сыну, которым должны гордиться.

Мы проходим на стадион и находим ВИП-ложу. Это большая комната, внутри декорированная под дерево и завешенная фотографиями различных игроков и членов руководства «Рейнджерс». Здесь также располагается бар с личным барменом, а также фуршетный стол с разнообразной вкусной едой. В эту минуту я понимаю, что голодна.

После того как Данни немного поболтала с руководством команды, мы берем тарелки и выбираем два мягких кожаных кресла в переднем ряду. Мы пришли сюда немного раньше, чем остальные, поэтому можем наблюдать, как разогревается команда, готовясь к игре. Я прячу улыбку, потому что вижу, как Данни не сводит глаз с Райана в тот момент, когда он выходит на лед.

Я решаю, что перед игрой нужно сходить в туалет, чтобы потом не отвлекаться на такие пустяки, поэтому направляюсь напрямиком в роскошную уборную. Там даже имеются восхитительные дорогие полотенца для рук и мыло. Отличный ход, что меня приятно удивляет и радует.

Когда я заканчиваю, то направляюсь в бар, чтобы взять по бутылке воды. Стоя перед баром, я чувствую легкое покалывание в области шеи и резко разворачиваюсь. Мое сердце пропускает мучительный удар, затем начинает биться в два раза быстрее.

Никс стоит за баром в пяти шагах от меня. Он коварно улыбается, и я непроизвольно улыбаюсь ему в ответ. Он стоит с мужчиной в возрасте, и я рискну предположить, что он приходится Никсу отцом. Захватывая бутылки с водой, я подхожу к ним, и Никс представляет меня.

— Эмили... Это мой отец, Хэнк Кэлдвелл. Папа... это Эмили Бёрнэм. Она сестра Райана Бёрнэма.

Отец Никса энергично пожимает мою руку и говорит:

— Очень приятно, Эмили. Твой брат отличный мальчик и чертовски хороший игрок.

— Очень приятно с вами познакомиться, мистер Кэлдвелл.

— Прекрати обращаться ко мне так официально! Ты можешь звать меня Хэнк. Так называют меня мои друзья.

Я очень удивлена, насколько отец Никса общительный человек. Но мне кажется, не стоит удивляться, потому что Линк тоже достаточно коммуникабельный парень. И то, что Никс ведет себя, как вечно брюзжащий и ворчащий сукин сын, не значит, что вся семья у него такая.

Я поворачиваюсь к Никсу.

— Что ты здесь делаешь? Я думала, что ты не в городе.

Хэнк вопросительно смотрит на сына, и Никс отвечает:

— Я ездил в Бетесду.

Его отец понимающе кивает и не говорит по этому поводу ни слова.

— Мне пришлось отлучиться в Мэриленд на пару дней по важным делам.

— О, ну... тогда с возвращением.

Он улыбается мне, и это так приятно. Он по-настоящему рад видеть меня, а это что-то да значит для такого парня как Никс. Я точно рада его видеть. Он не выходил у меня из головы, заняв все мои мысли с субботнего вечера.

Игра вот-вот начнется, поэтому мы занимаем свои места. Никс и Хэнк садятся возле меня, и я представляю их Данни. Когда мы все усаживаемся, то начинаем смотреть игру.

Первые два периода складываются не очень хорошо для «Рейнджерс», им забивают две шайбы на последних минутах второго периода. В перерыве мы все потягиваемся и берем себе еще напитки. Я жду, когда Данни выйдет из уборной, и чувствую, как сзади ко мне подходит Никс. Он стоит так близко, что мое тело покалывает от его близости. Никс склоняется и шепчет мне на ухо:

— Скучала по мне?

Я медленно поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него, наши лица в нескольких миллиметрах друг от друга. Я быстро окидываю взглядом пространство вокруг нас, чтобы удостовериться, что его отец не стоит поблизости, но, к счастью, мы одни.

— Может быть, — отвечаю я.

— Скучала по мне настолько, что позволишь мне поехать к тебе сегодня?

Я судорожно делаю вдох, и теплая волна накрывает мое тело. Мне даже не нужно думать об этом. Последние пару дней я предполагала, что Никс отвергнет меня, потому что в субботу был момент слабости. Но также я не могла избавиться от фантазий о сексе с ним на протяжении последних дней. И сейчас я не собираюсь упускать такую возможность.

— Хорошо, — едва слышно отвечаю я.

Ослепительная улыбка, которую мне дарит Никс, не похожа ни на одну до этого момента. Естественно я видела, как он улыбается. Но эта улыбка наполнена светом и радостью. Он настолько потрясающе выглядит, что пару минут я просто в трансе и не могу произнести ни слова.

Неужели с ним это сделал мой положительный ответ на его вопрос о том, чтобы поехать ко мне?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Игра подошла к концу, и это было, я вам скажу, потрясающее зрелище. Мы были впечатлены великолепной игрой парней и восхитительными способностями вратаря, которые нам продемонстрировал Линк. Они обыграли другую команду, и мы были, буквально, вне себя от счастья, поэтому я повернулась к Данни и стиснула ее в объятиях, затем повернулась к Никсу и, что есть мочи, обняла его за шею. Он на несколько коротких мгновений оторопел, но затем не растерялся и прижал меня к своему телу, зарываясь носом в мои волосы. Когда он выпустил меня из объятий, я обняла и его отца, конечно, не так, как Никса, но все же.

Данни удивленно приподняла брови, когда я сказала, что Никс подбросит нас до дома, но не стала ничего спрашивать. Они с Никсом всю дорогу до дома проговорили о военнослужащих морской пехоты и о Сержанте, пока я сидела на заднем сидении и слушала их. После того как мы добрались до дома, Данни бросила на меня предупреждающий взгляд «будь осторожна», и затем быстро выбралась из грузовика Никса.

Теперь, когда мы с Никсом подходим к моей квартире, я вдруг начинаю испытывать чувство нервозности. Я знаю, что мы собираемся пересечь черту, после чего назад вернуться будет невозможно. Это чувствуется так странно... идти рядом, но не держаться за руки, не

разговаривать. Мы входим в жилой комплекс с единственной целью — затрахать друг друга до смерти.

И я совершенно не знаю, как вести себя в данный момент: скрыть свое возбуждение или же наоборот, показать, насколько я желаю его.

Когда я достаю ключ из кармана, Никс приникает своими губами к моему затылку, оставляя там нежный поцелуй. Я вздрагиваю всем телом, практически не в силах контролировать себя, и не могу попасть ключом в замочную скважину. Он накрывает своей ладонью мою и помогает мне открыть замок. Никс отворяет дверь и ждет, пока я пройду внутрь.

Когда я прохожу в квартиру, я несказанно благодарна, что в гостиной темно. Фил скорее всего у себя в комнате, готовится к парам, потому что из-под ее двери я вижу тонкую полоску света.

Кладу ключи и сумочку на кухонную столешницу и поворачиваюсь к Никсу, внезапно начиная нервничать еще больше, и полностью теряюсь, не зная, что я должна делать сейчас.

— Хочешь что-нибудь выпить?

Он направляется ко мне, качая головой.

— Нет

— Может, ты чего-нибудь хочешь?

Мой вопрос задан достаточно невинно, но его глаза темнеют от желания.

— Я хочу тебя, — отвечает он мне, когда подходит и становится прямо напротив меня.

Ох, мои колени практически подгибаются от сексуального рокочущего голоса Никса. Я просто смотрю на него не в состоянии отвести взгляд, не зная, что же мне делать дальше. Он подходит ближе, наши тела едва соприкасаются, и я чувствую, как моя кожа покалывает.

— Отведи меня в свою спальню, Эмили, или мы сейчас устроим горячее представление для твоей соседки.

Я тяжело сглатываю. Делая шаг в сторону, иду возле него, пока мы направляемся в мою комнату. Я всем телом ощущаю, как он идет за мной... преследует меня. Я чувствую, что жилка на шее начинается биться в нетерпении, разливаясь чувством доверия и желания по моим венам.

Как только мы заходим в комнату, Никс быстро оборачивает свои сильные руки вокруг меня. Я слышу, как он захлопывает дверь, но не могу повернуться и посмотреть. Его передняя часть тела прижимается к моей спине, одна его рука обнимает меня за грудь, вторая остается на моей талии.

Он опускает голову, прижимается ртом к моему уху, покусывая мочку, и горячо шепчет:

— Ты даже не представляешь, насколько сильно я тебя сейчас хочу.

Меня пронзает пламя чистого вожделения, когда он произносит эти слова, и я не могу сдержать странный гортанный стон, что вырывается из меня. Я полностью окружена его телом и, расслабляясь в его руках, откидываю голову на его плечо.

— Но вначале нам нужно решить кое-что.

Что? Подождите! Что?!

Никс выпускает меня из объятий и подтягивает к кровати, в то время как я пытаюсь стряхнуть с себя дымку похоти. Он садится на край и ставит меня между своих ног. Его ладони ложатся на мои бедра, и я чувствую себя чертовски неловко.

Смотря на меня, он говорит:

— Ты действительно искренне этого желаешь, Эмили? — Его голос нежный и в то же

время наполнен тревогой.

Я киваю головой. Я совершенно не представляю, почему он это спрашивает, но у меня нет никаких сомнений.

— Мне нужно убедиться, что у нас одинаковое видение ситуации. Я волнуюсь, что я могу причинить тебе боль, и, несмотря на то что чаще всего я невыносимая задница, я правда не хочу навредить тебе.

Мое сердце тает от его слов. Я думаю, что понимаю, откуда это все пришло.

— Никс, я в порядке. Все хорошо.

— Скажи мне, чего ты ждешь от меня?

— Что? Ничего... Я не жду ничего, клянусь тебе.

Он качает головой на мой ответ.

— Неправильный ответ. У любых людей, независимо от степени их общения и взаимодействия, всегда будут ожидания касательно друг друга. Ты точно что-то хочешь, просто нужно хорошенько подумать.

Думаю, это имеет смысл. Я думаю минуту над его словами. У меня нет никаких сказочных заблуждений насчет Никса или же мыслей насчет счастливых, длительных отношений. Но кое-что есть...

— Пообещай мне, что ты будешь моногамным, хотя бы на тот момент, пока будешь спать со мной.

На его лице нет ни доли сомнений.

— Есть. Что еще?

Я качаю головой, когда кладу руки на его плечи. Я хочу прижаться к нему всем телом, но он крепко удерживает мое тело на месте.

— Теперь моя очередь. Тебе необходимо знать мои ожидания от тебя.

Проклятье. Я думала, что я прекрасно знала их ранее. Потрахать по-быстрому.

— Хорошо. Дальше.

Никс делает глубокий вдох.

— Я не создан для отношений, Эмили. Я просто не могу заботиться о ком-то. Ты не должна ожидать от меня чего-то такого.

Я знала это и без его слов. Я прекрасно это понимала и раньше, но все равно его слова немного ранят меня. Но я уже сделала свой выбор. И не собираюсь что-то менять. Я очень сильно хочу Никса.

— Но, — продолжает он, — я обещаю тебе, что буду заботливо относиться к тебе, когда мы будем наедине, и я никогда преднамеренно не причиню тебе боль.

Я улыбаюсь крошечной улыбкой и киваю.

— Ты все еще согласна на это? — интересуется он.

— Да. Я согласна со всем. Знаю, чего ожидать от этого.

Он убирает свои большие ладони с моих бедер, и мне не нравится ощущение, которое следует за этим. Как будто меня лишили необходимого тепла.

— Хорошо. Теперь я хочу, чтобы ты отошла от меня на пару шагов назад.

Я отступаю, даже не задумываясь, чтобы переспросить его приказ.

Никс откидывается на кровать, опирается на локти и наблюдает за мной жадным взглядом.

— А теперь... Сними свою одежду для меня, Эм. И делай это как можно медленнее.

Эмили

О боже мой. Это все слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Я хочу выбежать из комнаты, потому что невероятно нервничаю, но желание к Никсу перевешивает это чувство, поэтому я остаюсь стоять на своем месте. Тембр его голоса напоминает грубую кору дерева, его приятный рокот воздействует на каждый возбужденный и оголенный нерв в моем теле. Его взгляд излучает такую чувственность, что меня переполняет желание встать на колени и ползти к нему, склонить перед ним голову, предоставляя ему свою шею, чтобы он схватил ее и подчинил меня.

Я неосознанно тянусь руками, чтобы схватить край своего свитера и стянуть его через голову. Под свитером на мне надета футболка с длинными рукавами, но пока я ее оставляю. Я становлюсь на одно колено на пол и быстро снимаю обувь с носками. Поднимаюсь на ноги и смотрю на Никса, он не двигается. Никс смотрит на меня спокойно... выжидающе. Его грудь приподнимается в быстром темпе, и из груди вырывается рваное дыхание, его густые ресницы опускаются, скрывая от меня эти восхитительные зеленые глаза.

Я поднимаю и быстро стягиваю с себя футболку, за ней следуют джинсы. Затем выпрямляюсь перед ним, чтобы посмотреть, что он будет делать. Сейчас большая часть одежды снята, и я совершенно не чувствую смущения. К счастью, сегодня я одета в милый и простой комплект нижнего белья белого цвета. Бюстгальтер, украшенный кружевом, и трусики-бикини — комплект восхитительно подчеркивает цвет моей кожи.

Никс неторопливо пробегаются взглядом по моему телу, затем поднимает глаза, скользя по телу еще раз. Я задерживаю дыхание и знаю, что мне необходимо выдохнуть перед тем, как я потеряю сознание. Я жду, когда он снова скажет, что мне делать, и мне не приходится долго ждать.

Когда Никс встречается со мной взглядом, он говорит:

— Всё, Эмили. Медленнее.

Я думаю, что могла бы просто сгореть под его взглядом. Я не думала, что Никс способен на неспешное соблазнение, но, судя по всему, он способен. И до сих пор он даже не прикоснулся ко мне.

Тянусь рукой себе за спину и расстёгиваю бюстгальтер, склоняя плечи немного вперед, я позволяю лямкам плавно опуститься по плечам и упасть к моим ногам. Никс даже не обращает внимания на то, как падает на пол бюстгальтер, он просто облизывает свои губы языком, пока ласкает взглядом мою грудь. Мои соски почти болезненно сжимаются в твердые горошинки под его внимательным взглядом.

Затем его взгляд скользит по моему телу. Никс просто смотрит на меня, не сводя глаз. Потом он озвучивает свой приказ:

— Твои трусики, Эмили. Я хочу видеть тебя полностью обнаженной.

Мое сердце барабанит в груди настолько громко, что я уверена, что он может слышать его стук. Поддевая кончиками больших пальцев резинку трусиков, я стягиваю их по ногам, пока они не оказываются на полу. Я переступаю через них и отбрасываю их ногой в сторону.

Теперь я чувствую себя смущенно и неудобно, стоя полностью обнаженной, пока Никс разглядывает мое тело. Я никогда еще такого не делала, никогда не выставила свое тело напоказ.

— Подойди ко мне, — произносит он приглушенным голосом. То, как он смотрит на меня... его голод, что отражается во взгляде, дает мне понять, что он никогда в жизни еще не испытывал такой страсти.

Я иду вперед, останавливаясь между его раздвинутых ног. Когда подхожу, Никс садится. Подаваясь вперед, он обхватывает своими ладонями мои бедра, пока осыпает поцелуями мой живот. Все мое тело пронизывает дрожь удовольствия от его крошечных прикосновений и того, как мои руки поглаживают его плечи. Его кожа ощущается горячей под моими ладонями, и я, в свою очередь, наслаждаюсь обжигающим ощущением.

Никс перемещает свой рот по моему животу. После того как он оставляет теплый поцелуй в центре груди, он поворачивает свое лицо и потирается щекой о кожу моего живота. Я кладу ладони ему на голову и пропускаю пальцы через его шелковистые волосы. Мне не приходится долго ждать. Никс втягивает мою трепещущую вершинку в свой рот. Такой горячий, такой влажный. Он нежно целует мои соски и затем посасывает, уделяя им внимание при помощи языка и зубов. Он не спешит, он наслаждается. Несмотря на то, что Никс действует медленно, я ощущаю, что готова взорваться.

Неспешно отстраняясь, Никс вновь осматривает мое тело, скользя по нему взглядом, пока его ладони собственнически поглаживают мои бедра.

— Ты такая чертовски красивая... Ты самая красивая девушка, которую я когда-либо видел... — Внезапно он замолкает, и я вижу по его глазам, что его собственные слова напугали его.

Мое сердце вмиг тает от его красивых слов, от его взгляда, прикосновений, я не выдерживаю и наклоняюсь вперед, чтобы поцеловать его. Но он отстраняется от меня, качает головой и поднимется с кровати. Я делаю шаг назад, чтобы дать ему немного места, он наклоняется, снимает ботинки, затем носки. Его взгляд не покидает мой, как будто он пытается запомнить каждую черточку, каждую деталь, что связана со мной.

Когда он заканчивает, то говорит:

— Раздень меня, Эмили.

Я не раздумываю над его приказом.

А это приказ.

Протягивая дрожащие руки, я сдергиваю через голову его футболку. Когда я смотрю на его татуировку вблизи, она ужасает меня еще больше, пустые темные глазницы черепа прожигают меня взглядом, но я не чувствую страха. Я не хочу бояться того, что связано с Никсом.

Я пытаюсь прочесть, что написано на татуировке на его грудной клетке. Но мне удастся прочесть только отрывки фраз, пока я тянусь к ширинке на его джинсах.

Когда настает беспокойное время...

Наш путь не в небе...

Не ограничивай слух...

Отрывки фраз не несут никакого смысла, но они красивые. И они совершенно не сочетаются с пугающей татуировкой черепа. Я так хочу пристально рассмотреть тело Никса, хочу понять каждую фразу, что вытатуирована на его теле. Мне кажется, они имеют для него какое-то особое значение, иначе, думаю, он не стал бы запечатлевать их в виде татуировки на своей коже.

Я поднимаю на него взгляд, чтобы увидеть желание, которое отражается на его лице, затем снова опускаю глаза и успешно расстёгиваю пуговицу на его джинсах.

Расстегнув пуговицу, я неспешно опускаю молнию вниз. Он прерывисто втягивает воздух, когда мои костяшки задевают его возбужденную эрекцию.

Убирая свои руки от молнии на его ширинке, я кладу ладони на его пресс и аккуратно поглаживаю, затем провожу по его бокам и прижимаю руки к пояснице. Захватывая пальцами пояс его боксеров, я проскальзываю под него ладонями и поглаживаю его восхитительную упругую задницу. Когда мои ладони нежно ласкают его кожу, Никс выдыхает:

— Да...

Набравшись смелости, я решительно стягиваю его боксеры по ногам, опускаясь на колени, пока они, наконец, не достигают его щиколоток. Он поднимает одну ногу, затем другую, чтобы я стянула одежду.

Никс смотрит на меня, не отводя взгляда, пока я сижу на коленях перед его внушительным доказательством влечения ко мне. Я скольжу по его телу взглядом, не в силах отвести глаз от его потрясающего тела.

Я облизываю свои губы и придвигаюсь немного вперед, чтобы обхватить головку его члена губами и вобрать его горячий ствол в рот, но он останавливает меня. Его пальцы неспешно ласкают кожу на моей шее, затем его рука перемещается, и Никс обхватывает меня за затылок, принуждая, тем самым, подняться на ноги.

— Не в этот раз, — произносит он едва слышно. — Но позже обязательно...

Я его ручная собачонка и буду делать все, что он прикажет. У меня даже нет мысли о том, чтобы взять власть в свои руки, потому что я определенно не представляю, что делать с этой самой властью. Мне нравится слушаться его и подчиняться. Такого сексуального опыта у меня еще точно не было.

Никс удерживает меня за затылок, не позволяя мне двигаться, мы просто стоим и смотрим друг на друга. Он смотрит так, будто обдумывает свое следующее действие.

После нескольких мучительных секунд, он, наконец, склоняет свою голову. Я думаю, что он собирается поцеловать меня, но Никс лишь проскальзывает в нескольких миллиметрах от моих губ, опускаясь ниже. Первое прикосновение ощущается на моей ключице, Никс проводит по ней языком, оставляя влажный след, затем прижимается своей щекой, покрытой щетиной, и начинает тереться ей о мою нежную кожу. Его жесткая щетина саднит, но мне нравится это ощущение.

Наконец, он обнимает меня другой рукой и притягивает к своему телу. Его жар опалает меня, и я чувствую, как его член требовательно дергается между нашими телами. Он словно сталь, обернутая в нежнейший атлас.

Никс проводит своими губами вверх от моей ключицы и накрывает мои губы, глубоко целуя меня. Не ослабляя свою хватку на затылке, он опускает руку вниз, впиваясь ногтями в кожу и сжимая ее до боли. Затем Никс захватывает мою ногу, закидывая её к себе на бедро таким образом, чтобы он мог чувствовать своим членом мою влажную киску.

Прикосновения и чувства переполняют меня, и я хочу упасть на колени, умолять его войти в меня.

Но я не делаю этого.

Вместо этого от неожиданности вскрикиваю и ахаю, когда он опускает свою вторую большую ладонь мне на бедро, подхватывая меня и приподнимая вверх, заставляя обернуть

свои ноги вокруг его талии.

Он быстро разворачивается к кровати и аккуратно укладывает меня на нее, не разрывая поцелуя. Накрывает мое тело своим, нежно толкаясь членом между моих ног, и я чувствую, как возбуждаюсь еще больше.

Наконец, Никс отстраняется, разрывая наш поцелуй, и присаживается на пятки, располагаясь между моих ног.

— Я умираю, как хочу, чтобы ты кончила еще раз, Эмили. Хочешь этого?

— Да, — отвечаю я еле слышно.

Он смотрит на мое тело, затем кладет свои большие ладони на мои колени. Я чувствую его мозолистые руки на своей коже и начинаю дрожать всем телом. Он слегка надавливает на мои колени, и я развожу ноги еще шире. Никс, в свою очередь, просто смотрит на меня... жадно... обводя взглядом все мое тело, затем останавливается на нежной розовой плоти между моих ног и не сводит с нее взгляда.

Мир попросту останавливается, когда он проскальзывает пальцем между моих ног. Мои бедра приподнимаются от кровати и подаются к нему навстречу, и я не могу ничего поделывать и выдыхаю сладкий стон:

— Никс

Довольная улыбка растягивается на его губах, а я еще больше возбуждаюсь от этого зрелища.

— Это моя девочка, — говорит он, и его голос наполнен сильным желанием.

Никс не теряет времени даром. Он отодвигается назад, затем опускается между моих ног, располагая ладони под моими коленями и закидывая мои ноги к себе на мускулистые плечи. Никс оставляет легкий поцелуй на моем бедре, затем опускает голову между моих ног. Он обдает горячим дыханием влажную и трепещущую плоть, проводит языком по моему клитору. Когда он поднимает свой взгляд и смотрит на меня, то я вижу, как в нем мерцает похоть и сильное желание, а в следующую минуту он накрывает своим ртом мой клитор, втягивая его в рот.

Не было никакого шанса, что я могла подготовиться к такому. Все вокруг меня начинает кружиться в быстром ритме. Я пытаюсь держать свои глаза открытыми и смотреть на то, как он ласкает меня между ног, хотя мои веки трепещут, и я хочу закрыть свои глаза и раствориться в удовольствии.

У меня еще никогда не было такого, я имею в виду, еще ни один парень не ласкал меня языком между ног. Черт возьми, у меня был всего один парень, и это Тодд. И как я уже говорила, это было просто кошмаром. Моя рука могла доставить мне больше удовольствия, чем член Тодда между моих ног. Если быть честной, то я бы никогда и не захотела, чтобы он ласкал меня языком. Подружки часто мне рассказывали, насколько приятно заниматься оральным сексом, но я никогда не допускала мысли о Тодде и его языке на моей киске. Но Никс... Я даже не думала, что мне настолько понравится его горячий рот и искусный язык, и то, как он обращается со мной в постели.

Мне приходится прикусить щеку с внутренней стороны, чтобы сдержать рвущиеся из меня стоны. Моя киска сжимается, и удовольствие, что так остро чувствуется между моих ног, безжалостно устремляется к моему позвоночнику.

Никс беспощаден в своих ласках. Он облизывает, целует, посасывает, погружается своим языком и проникает пальцами в мое лоно, раздвигая внутренние лепестки. Я неясно воспринимаю все, что происходит, когда устремляю свой взгляд вниз и вижу голову Никса,

которая располагается между моих ног, затем замечаю, как мои пальцы сжимают его волосы, притягивая его к моей киске. Но ему, кажется, совершенно безразлично, он полностью поглощен тем, чтобы доставить мне максимальное удовольствие.

Мой оргазм быстро нарастает внутри меня, он, словно огненный шар, несется на огромной скорости, вырывается из моего тела и устремляется наружу, сотрясая все мое тело мощными волнами. Притягивая и прижимая его голову к моей киске, я издаю хриплый, протяжный стон, когда кончаю, и затем моя спина выгибается, губы приоткрываются. Состояние удовольствия от пережитого оргазма накрывает меня волной за волной, мышцы сжимаются и расслабляются, пока Никс продолжает осыпать нежными и требовательными поцелуями мой клитор, внутреннюю и внешнюю поверхность складочек, пока мое тело окончательно не расслабляется, и я не откидываюсь на кровать.

Никс, наконец, приподнимает свою голову, чтобы посмотреть на меня, и его томный взгляд практически поглощает меня своей порочностью. Я прекрасно понимаю, что он со мной еще не скоро закончит, и сегодняшняя ночь будет длиться практически бесконечно.

— Я мог бы делать это на протяжении всей ночи, Эмили. Только ради того, чтобы снова услышать сладкий стон в тот момент, когда ты кончаешь.

О боже, он определенно знает, какие слова нужно использовать в спальне. В обычной жизни он совершенно не умеет вести диалог и поддерживать беседу, предпочитая хмуро отмалчиваться, но зато в спальне у него определенно есть таинственная сила, как можно доставить девушке оргазм только лишь от пошлых и грязных разговорчиков.

Он облизывает свои губы, поднимается с кровати, достает из кармана джинсов маленькую упаковку из фольги и открывает презерватив.

Никс совершенно не стесняется, да ему и не нужно. У него просто потрясающее тело, стесняться такого было бы преступлением.

Я никогда еще не видела до этого, как парень раскатывает презерватив по своему члену. Он беззастенчиво ухмыляется, поглаживая свою длину, облаченную в латекс. Я так хочу сделать это за него, хочу раскатывать презерватив по его члену, доставлять ему удовольствие. Мои мысли испаряются из моей головы, когда он забирается на кровать и располагается между моих ног.

Склоняясь над моим телом, он проводит большими ладонями по моему животу и груди. Неспешно перекачивает соски между пальцами, отчего из моего горла вырывается стон удовольствия. Он пристально разглядывает меня, когда произносит:

— Скажи мне, чего ты хочешь?

— Тебя.

Он улыбается.

— Что именно, Эмили. Будь точнее.

Я делаю крохотный вдох.

— Я хочу чувствовать тебя в моей киске.

Мои слова буквально воспаляют его, и он, не теряя времени, накрывает мое тело своим. Его губы находят мои, и он страстно поглощает меня в поцелуе. Его член ощущается мощным и эрегированным между моих ног, когда он настойчиво потирается о мой влажный жар, умоляя меня раскрыться для него. Опираясь на один локоть, он приподнимает другой рукой мою ногу, располагая ее на сгибе своего локтя. Таким образом, он немного приподнимает мою нижнюю часть тела над кроватью и максимально раздвигает ноги.

Никс резко врзается внутрь, глубоко проникая, но вместе с тем его проникновение не

приносит боли, оно нежное и настойчивое. Затем он немного расслабляется, переводя дыхание, и начинает двигаться медленно и размеренно, придерживаясь своего собственного темпа. Ощущение от его члена во мне практически невыносимо. Его член большой, но мое тело полностью принимает его длину, подстраиваясь под размер. Я больше не контролирую движение своих бедер, они дублируют его ритм, неосознанно принимая его выпады.

Он меняет силу проникновения, когда входит в меня резко, во всю длину, наши тела соединяются. Никс отстраняется от моих губ, слегка приподнимаясь, опускает взгляд между нашими телами, где соединяется его член и моя киска, затем переводит взгляд на меня и говорит хриплым голосом:

— Посмотри... Эмили. Посмотри, насколько мы идеально подходим друг другу, наши тела, словно кусочки головоломки, что идеально встали на место.

Я опускаю взгляд и вижу, как эротично смотрится то, как его член наполняет мою киску. Резкий пронзительный укол удовольствия пронзает меня, и мои мышцы с силой сжимаются вокруг его члена, словно стискивают его в кулаке. Он чувствует это, и рвано выдыхает,

— Ч-черт... Эмили.

Затем Никс начинает вновь двигаться, и мои глаза закрываются. Мое тело накрывает ощущение чистого удовольствия, я чувствую его губы на моей шее, как он оставляет влажные и горячие поцелуи. Одной рукой он все еще удерживает мою ногу, в то время как второй обхватывает затылок и прижимается своим лбом к моему, продолжая трахать меня.

Нет никакой долбаной возможности, что можно быть еще ближе, потому что наши тела практически растворились друг в друге. Я чувствую, как его тело соприкасается с каждой частью меня. Нет ни одной части моего тела, которая чувствовала бы себя нелюбимой и обделенной, его тело дарит тепло, насыщает меня жизнью и энергией.

Наши движения становятся быстрее, жестче. Мы подстраиваемся под общий ритм, который поднимает меня все выше и выше в моем наслаждении, затем он проникает в меня так глубоко, что мои мышцы практически засасывают его член еще глубже. Он пробудил что-то во мне, о существовании чего я даже не знала. Когда удовольствие обрушивается на меня, оно прокатывается по моему позвоночнику, потрясая меня до глубины души.

Дыхание Никса учащается, и он прерывисто выдыхает мне на ухо:

— Ты так охренительно ощущаешься вокруг моего члена, Эмили. Мне никогда не будет достаточно тебя.

Эти слова вызывают во мне всплеск ни на что не похожих эмоций, и я чувствую каждой клеточкой тела, как зарождается новый оргазм. Он настигает меня быстро, но не настолько как предыдущий.

— Я собираюсь кончить еще раз, Никс! — выдыхаю я, словно пытаюсь предостеречь его, предупредить, что нет ни малейшего шанса, что я смогу выдержать натиск сокрушительной силы оргазма.

— Черт возьми, именно это ты и сделаешь, детка, — его рык раздается у моей кожи. Проникающие толчки Никса становятся более решительными, более сосредоточенными, словно он утвердился в желании вытянуть из меня все удовольствие.

Без какого-либо предупреждения оргазм пронзает меня, и я прикусываю его плечо, наслаждаясь ощущением удовольствия, пока это чувство не начинает отступать как волна во время прилива.

Я ощущаю, как последние волны удовольствия немного отступают, когда Никс

толкается в меня глубоко и жестко.

— Эмили, — стонет он, когда кончает внутри меня. Мое имя на его губах одновременно слышится как ругательство и молитва.

Я смутно чувствую, как Никс отстраняется от моего тела, и прохладный воздух легкой волной проникает между нашими покрытыми потом телами. Он откатывается в сторону, увлекая меня вместе с собой.

Я опустошена, но в то же время ощущаю себя несокрушимой.

Когда мое сумасшедшее сердцебиение начинает успокаиваться, то все, о чем я могу думать, — что это самый лучший опыт в моей новой и лучшей жизни. Я уверена, что лучше него быть не может.

21 глава

Никс

Я смотрю на часы уже десятый раз подряд за час, затем делаю еще один глоток пива, который тяну долгое время. Эмили уже должна быть здесь, и я начинаю беспокоиться.

Как и обо всем, что касается Эмили, я просто не могу этого понять. Когда я начал беспокоиться о девушках? Я надеюсь, что в скором времени это прояснится.

Ранее я написал Эмили о том, что мне необходимо прокатиться кое-куда. Мне нужно было доставить мотоцикл заказчику, и в данный момент я сижу внутри байк-бара в Ньюарке. На барном стуле рядом со мной написано: Джон «Вульф» Камарино. Он здоровый парень, такой же высокий, как и я, но в два раза шире меня. У него длинные пепельные волосы, которые собраны на затылке и спускаются длинным хвостиком по его спине. Его лицо покрыто жесткой, посеребренной бородой, которая достигает середины его груди.

Я не знаю, чем Вульф зарабатывает себе на жизнь, но ему не составило проблем выложить тридцать одну штуку за байк, хотя он и заплатил в два приема. И теперь, когда вся сумма была выплачена, он попросил меня доставить байк к нему. Я совершенно не был против поездки, потому что на улице стоял замечательный день. Я подумал, что Эмили смогла бы забрать меня в счет оплаты долга.

Но к настоящему моменту она уже должна быть тут. Я подумываю позвонить ей для того, чтобы убедиться, что она в полном порядке, но затем поспешно отгоняю эту мысль. Мне необходимо контролировать себя сильнее.

Воспоминания о прошедшей ночи с Эмили переполняют меня, и это чертовски раздражает. Я надеялся, что после одного раза, проведенного вместе, я смогу с легкостью избавиться от воспоминаниях и мыслях о ней.

Глупая затея.

Я взял ее три раза и до сих пор не смог выбросить из своей головы. И это тревожит меня, потому что мне не нравится находиться во власти чувств.

Прошлая ночь была просто восхитительной. Эмили была восхитительной.

Когда я сказал ей, чтобы она сняла свою одежду, она посмотрела на меня своими янтарными глазами, и я мог сказать определенно точно, что она была чертовски напугана. Но так же быстро ее страх сменился решимостью и желанием.

Да... У Эмили совершенно не было никакого опыта в интимных делах. В этом не было сомнений. Мне так понравилось делиться с ней опытом прошлой ночью, а я еще многому

могу её научить.

После того как мы закончили заниматься сексом первый раз, я лежал на кровати в попытке успокоить заходящееся сердце, Эмили перекадилась на другую сторону, уложив голову на свою руку. Она протянула руку и нежно положила ее на мою грудь. Ее слова были полны благодарности, когда она проговорила:

— Спасибо тебе, Никс.

Я резко вскинул голову, посмотрев на нее с удивлением во взгляде

Спасибо? За что? За оргазм?

Я был немного оскорблен ее словами, поэтому спросил, о чем именно она говорит.

Она, в свою очередь, только придвинулась ко мне поближе, оставила поцелуй на моей груди, и проговорила:

— За то, что помог мне выйти за пределы моей зоны комфорта. Что дал мне шанс. Я прекрасно знаю, что для тебя это было непросто.

Я знаю, что просто уставился на нее ошеломленно. Что-то глубоко внутри меня сжалось, когда я понял, что она всегда с пониманием относилась к моим чувствам. Она прекрасно понимала, что все, что происходило в данный момент, требовало от меня невыносимой борьбы, и она была мне благодарна за то, что я решил поделиться этим с ней.

Ее слова заставили меня возбудиться еще раз, и я накрыл ее тело своим. Второй наш секс был практически диким. Словно мог бы наступить конец света, если бы мы не смогли быть вместе. Там были неистовые объятия, влажные поцелуи, а мои пальцы с неудержимой страстью сжимали ее нежную кожу.

Когда мы лежали, задыхаясь после сумасшедшего раунда секса, она посмотрела на меня и проговорила:

— Тебе не обязательно оставаться на ночь. Я прекрасно знаю, что это не твое.

И она была полностью права. Это было совершенно не в моих правилах. Вот только, мне казалось, что я не хотел уходить. И я ей так и сказал. Она же, в свою очередь, просто улыбнулась и сказала, что не против провести со мной ночь, если мне хочется остаться.

Мы закончили тем, что заснули, каждый на своей стороне, просто смотря друг другу в глаза.

Этим утром я проснулся с Эмили, лежавшей на моей груди, ее ноги были переплетены с моими. Рука обернута вокруг моей талии, и шелковистые волосы щекотали мне нос. Ее тело ощущалось мягким и теплым... необычайно комфортным.

И возбуждение нахлынуло новой волной.

Я занялся с ней сексом в третий раз перед тем, как уйти. На этот раз все было неспешно и нежно. Я оставил ее с улыбкой на лице, когда направился обратно к себе.

И сейчас... Я начинаю на самом деле волноваться. Она написала мне, когда выехала из Манхэттена, и намеревалась в течение тридцати минут приехать сюда. Я поднимаюсь с барного стула и направляюсь к выходу, чтобы найти более спокойное место, чтобы набрать Эмили.

Когда я нахожусь на расстоянии десяти шагов от выхода, дверь открывается, и Эмили входит внутрь. Она выглядит так, словно обернута в солнечные лучи. Ее волосы собраны в высокий хвост, и он с каждым шагом подпрыгивает и покачивается. На ее лице виднеется легкий макияж, который ей совершенно не нужен. Она одета в одежду марки «Аберкромби», из-за чего выглядит тут как белая ворона... чертовски короткая юбка цвета хаки, голубая футболка и темный джинсовый пиджак. На ее ногах надеты блестящие, серебристые

босоножки, которые своим видом так и кричат: «Я чертовски неуместно выгляжу в байк-баре».

— Привет. Прости, я немного опоздала. Была ужасная авария на шоссе, и все движение пришлось на объездные дороги.

Она стоит передо мной, такая простая, ладони рук засунуты в передние карманы, и она внимательно смотрит на меня. Я так привык к девушкам, которые поддразнивают меня и флиртуют, поэтому меня заполняет чувство растерянности насчет того, что мне делать с ее простотой.

— Я волновался, что с тобой что-то произошло, — раздраженно фыркаю я. — В следующий раз, будь любезна — звони.

Она наклоняет голову к плечу.

— Серьезно? С каких пор мы стали обязанными звонить друг другу, чтобы предупредить о таких вещах?

На самом деле. С каких пор? Откуда я это взял?

Она подходит ко мне и встает на носочки. Мое тело с жадностью устремляется к ней, я нагибаюсь вперед, когда она прижимается губами к моему уху. Эмили продолжает говорить, но уже едва уловимым шепотом:

— Последнее, что я слышала, что мы просто трахаем друг друга.

Ее слова, словно хлесткий удар пощечины по моему лицу, они посылают резкий и пронзительный укол желания моему члену. Эмили права... она не обязана мне звонить, и у меня нет совершенно никаких прав злиться на нее. Но слышать ее последние слова «просто трахаем друг друга» было чертовски горячо. Я не знаю, что вселилось в Эмили, почему именно она сбросила такую разрушающую бомбу, которая начинается с буквы «Т».

Я выпрямляюсь и говорю:

— Точно.

Эмили дарит мне обаятельную улыбку и осматривает бар. Я вижу, что ее брови немного приподнимаются, когда она видит полупустое помещение. Сейчас полуденное время, поэтому народу немного, но здесь все равно достаточно опасных парней, в присутствии которых такая девушка может почувствовать себя не в безопасности.

На каждом мужчине в этом баре одежда из джинсы и кожи, девушки же в обтягивающей одежде, под которой нет бюстгалтеров. Почти все покрыты татуировками, и почти у каждого есть пирсинг. Вероятно, Эмили уже готова отсюда убежать.

Я начинаю идти к выходу, чтобы вывести ее, когда она подходит ко мне и говорит:

— Мне хотелось бы остаться и выпить пива. По крайней мере этим ты можешь мне возместить то, что вытащил меня в Ньюарк.

Я медленно разворачиваюсь и ошеломленно смотрю, как она направляется к бару и усаживается рядом на стул с Вульфом. Он осматривает ее с головы до пят. Она выглядит, словно только что сошла со страниц модного журнала. Она и правда совершенно не вписывается в атмосферу бара.

Эмили жизнерадостно здоровается с ним, и он смотрит на нее странным взглядом. Вульф не из тех парней, которые любят поболтать. Я уверен, что он сильно удивлен, видеть кого-то похожего на нее в этом баре.

Я подхожу обратно и возвращаюсь к своему пиву, присаживаясь рядом с Эмили.

Три кружки пива спустя и Эмили уже весело проводит время. Она играет в бильярд с Вульфом, и он обращается с ней как с дочерью, которой у него никогда не было. Я сижу на стуле с вытянутыми ногами и наблюдаю за ней.

Она настоящий, ходячий грех, и последние полчаса я пытаюсь придумать, как убраться отсюда, не вытаскивая ее при этом силой.

Когда Эмили попросила о третьем пиве, я прекратил пить, потому, как мне показалось, что именно я повезу нас домой. Сейчас я потягиваю воду из бутылки, пока она развлекается со своими новыми друзьями... Ангелами Ада, которых она очаровала.

Спустя некоторое времени, в бар начинают приходить люди. Красота Эмили и её внешний вид полностью не подходят этому месту, поэтому она сразу же становится центром внимания. Большая часть парней адекватны, они не навязываются и не лезут к ней, но двое смотрят на нее странным взглядом.

Один придурок, который выглядит чертовски пьяным, подходит к Эмили сзади, когда она склоняется над бильярдным столом, чтобы сделать удар, и хватается за бедра. Пелена ярости застилает мой взгляд, и я мгновенно вскакиваю со своего стула, намереваясь уничтожить этого парня десятью разными способами. На полпути к моей жертве, я принуждаю свой гнев немного поутихнуть. Тело не подчиняется моему желанию, и я чувствую, как желудок сжимается. Я боюсь, что могу сделать с этим парнем, но не собираюсь останавливаться, пока хренов мудака не получит свой урок.

Никому, кроме меня, не позволено касаться Эмили.

К счастью, когда остается всего шаг до парня, Вульф опережает меня и хватается того за горло. Он жёстко припечатывает его к стене, а два других парня мгновенно кидаются, чтобы выпроводить пьяного придурка из бара.

Я поворачиваюсь к Эмили, готовый предложить ей поддержку, но она стоит с удивленным выражением на лице. Она нисколько не взволнована. Когда Вульф возвращается обратно к бильярдному столу, она еще и кричит на него за то, что тот спас ее.

Качая головой, я подхожу к Вульфу и говорю, что нам нужно идти. Он жмет мою руку и обнимает Эмили. Он говорит ей, что она может приходить в любое время, чтобы посидеть с ним.

Чертовски невероятно!

Я прошу Эмили дать мне ключи, и, вскоре, мы уже держим путь обратно в Хобокен.

— Это было так весело, — говорит Эмили. — Спасибо, босс, что позволил мне немного развлекаться.

Я смотрю на нее. На ее лице сияет яркая улыбка.

— Я не понимаю тебя.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, я о том, что этот бар, это последнее место, которое бы посетила дочь конгрессмена Алекса Бёрнэма.

Она молчит в течение минуты, пока обдумывает сказанное мной:

— Возможно, та, прошлая Эмили Бёрнэм, которой я больше не являюсь, и не посетила бы такой бар, но новая Эмили Бёрнэм находит приятным общение с такими людьми, как Вульф.

— Ну, — фыркаю я. — Ты определенно испытала новый опыт в том баре.

— Конечно. Но я признаюсь, что поначалу мне было немного страшно входить туда.

Мои брови приподнимаются в удивлении.

— Правда? Я никогда бы не догадался, если бы ты мне этого не сказала. У тебя было достаточно бесстрастное выражение лица, я даже не догадывался, что тебе страшно.

— Ага. Видеть все те мотоциклы, когда я подъехала к бару, было немного пугающим. Но я знала, что ты там будешь тоже, а значит, мне ничего не грозило.

Она говорит это честно, без какой-либо задней мысли. Я чувствую это. Мой желудок сжимается, и мне приходится делать беззвучные успокаивающие вдохи. Ни в коем случае она не должна видеть во мне защиту и заботу.

— Вульф очень хороший парень, — продолжает беззаботно она. Ее слова, словно вихрь, врываются в мой разум. — Возможно, я вернусь как-нибудь и немного отдохну с ним, просто выпью по кружке пива и поиграю в бильярд.

Я не готов к такой мощной волне эмоций. Что-то яростно вздымается во мне, и я даже не могу толком разобрать это.

— Даже не думай об этом, это определенно не то место, куда следует ходить одной.

— Серьезно? А мне показалось, что это достаточно хорошее место.

— Не смей этого делать, Эмили, — предостерегаю я ее. — Это место становится не безопасным, когда люди выпивают.

Она ничего не отвечает.

В полной тишине я продолжаю вести машину, коря себя за то, что так сильно испугался, когда она сказала, что рассматривает меня как человека, к которому можно обратиться за защитой.

Какого. Долбаного. Хрена?

Я решаю быстро сменить тему.

— Останешься со мной на ночь? — спрашиваю я. — Линка сейчас нет дома, он на выездной игре, и его квартира полностью в моем распоряжении.

А я определенно хочу этого.

Она смотрит на меня, слегка прикусывая нижнюю губу. Я хочу, чтобы она осталась со мной.

— Конечно, но ты мне должен ужин, — говорит она с улыбкой на губах, которая заставляет мое сердце биться быстрее. — Но затем я смогу делать с тобой всякие развратные и грязные вещи.

Я сдерживаю тихий стон, который рождается в моем горле, потому что ее слова заставляют меня думать о жарком сексе, от которого тела покрываются потом. Я неуютно вздрагиваю в своем сиденье. Мысленно я даю зарок самому себе, что больше никогда не стану думать таким образом об Эмили, мне нужно закрыться от нее как можно скорее.

22 глава

Эмили

Я просыпаюсь, лёжа на груди Никса. Две ночи подряд, мы спим таким образом, наши тела сами устремляются друг к другу. Мне нравится ощущение тела Никса подо мной.

Моя щека и ладонь прижаты к его татуировке черепа, и я ощущаю, как бьется его сердце, пока он дремлет. Думая о прошедшей ночи, я начинаю томно поглаживать кончиками пальцев его татуировку.

Прошлой ночью Никс вел себя немного более властно, чем обычно... не то чтобы я против этого, наоборот, мне это нравится... очень сильно.

Но что-то произошло в машине на обратном пути из Ньюарка, из-за чего он стал вести себя таким образом. У меня совершенно нет ни одной догадки о том, что это может быть. После нашего разговора о том, что я могла бы вернуться в тот бар, чтобы немного развеяться, он стал вести себя более отстраненно, чем обычно.

Он вел себя так, будто хотел доказать что-то самому себе. Когда мы вошли в квартиру Линка, Никс вывел Харли на быструю прогулку. Я осталась ждать его в гостиной, просматривая страничку на «Фейсбук» на моем iPhone, пока он не вернулся.

Когда он вошел в квартиру и отцепил поводок от ошейника Харли, то буквально набросился на меня. Срывая с меня одежду, он заключил меня в свои объятия. Используя свой рот и свои руки, он заставил меня умолять уже через пару минут. И именно этими действиями он пытался что-то доказать.

Вместо того чтобы отнести меня в свою спальню, Никс прижал меня грудью к стене в гостиной и едва расстегнул свои джинсы и натянул презерватив, а затем вошел в мое тело в течение считанных секунд.

Он был очень возбужден, и со всей страстью, что была в его теле, толкался в меня. Сам он был полностью одет. Но не осталось ни миллиметра моей обнаженной кожи, к которой бы он не прикоснулся своим ртом, пальцами и своим телом. Я чувствовала жар, исходящий от его груди через его футболку. Он шептал мне на ухо нетерпеливые слова желания, которые возносили меня все выше и выше на вершину удовольствия.

Это было первобытно, дерзко и страстно, и тогда я поняла, что Никс пытался доказать самому себе, что все, что было между нами всего лишь «секс». Но вместо этого он показал мне, каким нетерпеливым, страстным и развратным он может быть. Также он продемонстрировал больше эмоций, чем обычно.

Сам факт того, что он чувствовал потребность доказать мне что-то, хоть его планы и провалились, говорит мне о том, что он совершенно запутался в своих ожиданиях касательно нашей связи.

Вырисовывая пальцами круги на его нежной коже, я замечаю, что сердце Никса начало биться немного быстрее под моей щекой. Моя ладонь двигается ниже, устремляясь к его животу, легко скользя по рельефным кубикам пресса. Я уверена, что он проснулся, и именно мои прикосновения пробудили его. Я смотрю вниз, и его эрекция внушительно приподнимает простынь.

Да, я больше чем уверена, что он проснулся.

Я поднимаю голову вверх, чтобы взглянуть на него. Он смотрит на меня опаляющим взглядом, который заставляет мое дыхание вырываться из груди толчками, по телу распространяется тепло, а между ног становится влажно. Мне кажется, он вновь готов наброситься на меня, но вместо этого он слегка склоняется и оставляет легкий поцелуй на моем лбу.

— Доброе утро, — его голос все еще немного хриплый после сна.

— Доброе утро.

Я продолжаю кончиками пальцев поглаживать его пресс, спускаясь с каждым разом все ниже и ниже.

Он издает стон одобрения.

— Ощущения просто превосходные.

— Я рада, — говорю ему.

Приподнимаясь с его груди, я отстраняюсь от него, потому что иначе не смогу прикоснуться к тому, к чему хочу. Когда я приподнимаюсь, то мой взгляд останавливается на дьявольски страшной татуировке черепа, и я ошеломлена тем, что вижу. Устремляясь вверх своими пальцами, я ласково провожу по татуировке, рассматривая рисунок впервые с такого близкого расстояния.

Никс ведет себя очень тихо и не останавливает меня от её изучения. Я прослеживаю пальцами надпись: «Не Вижу Зла», и затем легко обвожу контур татуировки. Когда я провожу пальцами по верхней части рисунка черепа, там, где татуировка более темного цвета, чем остальная ее часть, то чувствую подушечками пальцев бугристую кожу. Я склоняюсь немного ближе, чтобы рассмотреть, и понимаю, что под этой частью татуировки скрывается шрам.

— Я никогда не позволял женщинам трогать меня здесь, — говорит он, и мой взгляд устремляется к нему.

— Ты хочешь, чтобы я остановилась?

Он сомневается только на мгновение, перед тем как говорит:

— Нет, все в порядке.

Я надоедливая, я это прекрасно знаю. Но не могу ничего поделать, поэтому спрашиваю:

— Почему я могу трогать тебя, когда ты никогда не позволял этого другим?

Он пожимает плечами.

— Я не знаю. Просто... это меня не тревожит.

После смелых слов Никса, он наблюдает за мной настороженно. Мои пальцы все еще лежат на его шраме, когда я спрашиваю:

— Что именно произошло?

— Меня подстрелили во время последнего срока моей службы в Афганистане.

Я задыхаюсь от его слов, но почему я удивляюсь, сама не понимаю. Я вижу это каждый раз в новостях про то, как наши солдаты несут большие потери в своих рядах.

— Можно мне спросить, что произошло?

— Конечно, можешь, — говорит он просто и беззлобно. — Но я не отвечу тебе.

— Достаточно честно, — спокойно отвечаю я. — Могу я, по крайней мере, посмотреть остальную часть татуировки?

Он отвечает мне кивком головы и садится, в то время как я встаю на колени. Простынь соскальзывает с моей талии, Никс поднимает ее и просовывает мне подмышку, закрывая мою обнаженную грудь. Он улыбается мне.

— Я не смогу сосредоточиться пока ты так пристально изучаешь мое тело, совершенно обнаженная, и выставляешь напоказ свои прелести передо мной.

Я закатываю глаза.

— Я не выставляю напоказ свои прелести.

Он фыркает в ответ и двигается на середину кровати, чтобы я могла рассмотреть оставшуюся часть татуировки.

Я бросаю взгляд на рисунок в виде длинного свитка, на котором написано множество строк маленьким шрифтом. Затем перевожу взгляд на край черепа, где начинается первая строчка татуировки, и читаю ее вслух:

— Не останавливайся на прошлом, не мечтай о будущем, сосредоточься на настоящем. — Под этой строчкой подписано, что это изречение принадлежит Будде.

Я смотрю на Никса, а он отвечает мне равнодушным взглядом.

— Что я могу сказать? Будда — отличный парень.

Я провожу пальцем по следующей строчке, когда читаю ее, опять вслух.

— «Солнце когда-нибудь озарит светом и мою дверь».

— Это слова Джерри Гарсия, — говорит мне Никс, несмотря на то, что я читаю имя в конце цитаты.

Затем я читаю дальше и поднимаю глаза на Никса.

— Я не знаю, что меня тревожит больше... что у тебя тут строчки из песни группы Butthole Surfers или слова Джоша Гробана. (прим. пер. Butthole Surfers — американская рок-группа сформированная Гибби Хейнсом и Полом Лири в Сан-Антонио в 1981 году; Джошуа Уинслоу Гробан — американский певец, музыкант, актер театра и кино, один из самых востребованных артистов США, филантроп и активист образования в области искусства.)

Никс громко смеется.

— Моя татуировка содержит в себе слова многих людей...

Сосредоточиваясь на чтении каждого слова, я следую за изгибом татуировки, которая легко спускается на его ребра и оборачивается вокруг его спины. Я пересаживаюсь ему за спину, чтобы продолжить чтение, проводя пальцами по каждой строчке, которую я читаю.

Так же у него есть сточки из библейского писания, философские изречения, строчки из песен... даже просто имена людей. Некоторых из них я узнаю, а некоторые нет.

— Кто такой Ник Вуйчич? (прим. пер. Николас Джеймс «Ник» Вуйчич — австралийский мотивационный оратор, меценат, писатель и певец, рождённый с синдромом тетраамелии — редким наследственным заболеванием, приводящим к отсутствию четырёх конечностей.)

— Просто парень. Австралиец, который родился без рук и без ног. Но он может делать столько же, сколько и мы с тобой.

Имена, которые я узнаю, быстро всплывают в моей памяти. Например, такие как: Джон Леннон, Хелен Келлер, Тупак Шакур, Рэй Ламонтань, Нандо Паррадо, Бен Андервуд.

Татуировка тянется через всю спину и заканчивается с левой стороны на ребрах. Конец татуировки открытый, что подразумевает под собой, что он может добавлять туда строчки в будущем.

— Что это все значит?

Я уверена, что он мне не скажет, как всегда, да и настаивать я не буду. Но я все равно спрашиваю.

Он удивляет меня, когда отодвигается назад и откидывается на спинку кровати. Затем обнимает меня, и я устраиваюсь поудобнее у его груди.

— Я не скажу тебе, что именно произошло со мной, когда я был в Афганистане, но когда меня подстрелили, я заработал себе пару жутких травм.

Я молчу. Не хочу прерывать его поток признаний. Это, без сомнения, именно то, чем Никс впервые, охотно делится со мной.

— После того, как меня подстрелили, возле меня взорвалась граната. Взрывной волной меня отбросило на несколько метров, и я пострадал от травматического повреждения головного мозга.

Я не могу ничего поделать и спрашиваю его:

— Что это значит?

Мне страшно за него, и мое сердце начинает стучать в груди как бешенное.

— Это не так страшно, как может показаться на первый взгляд. По крайней мере, моя травма не такая страшная... хотя иногда мне бывает очень плохо. В основном потому, что мой мозг получил сильный удар о черепную коробку, когда я с огромной силой ударился об землю. Это стало причиной некоторых проблем физического характера.

— Например, каких?

— Головные боли, головокружение, потеря памяти, резкие перепады настроения. Ну и все в таком роде. Но эти проблемы были в большинстве своем улажены. — Никс берет одну из моих ладоней и переплетает наши пальцы вместе. Он поглаживает своим большим пальцем мою ладонь и продолжает. — Так же мне поставили ПТСР, когда я вернулся обратно в штаты. Именно поэтому у меня есть Харли. Харли — собака, которая оказывает помощь психологического характера бывшим военнослужащим.

— Что это подразумевает под собой

— Такие собаки могут быть использованы для множества вещей. Сразу после моей травмы, я был в очень ужасном состоянии. Я подвергался воздействию неконтролируемых вспышек гнева. Начинал нервничать, если люди шли позади меня. Громкие звуки пугали меня. Харли был натренирован ориентировать меня на мое настоящее местоположение и происходящее «здесь и сейчас», когда я чувствовал неконтролируемую вспышку гнева или страха. Его прикосновения успокаивали меня — вот простое объяснение его назначения. Он обучен ходить за мной, чтобы я чувствовал себя более комфортно, когда кто-то приближается ко мне сзади. Но, по правде говоря, большинство этих проблем уже находятся под контролем, и на данный момент он для меня больше домашний питомец. Я научился контролировать большинство этих вещей при помощи курса интенсивной терапии, что я прошел.

Никс больше не говорит ничего на протяжении нескольких секунд, и я также храню молчание. Я просто не знаю, что ответить ему, потому что, по правде говоря, не понимаю ничего. Единственное, что я знаю наверняка, — это то, что мое сердце неистово болит за этого мужчину, который так сильно пострадал.

— Я пойму, если рассказанное мной тебя напугало, и ты захочешь разорвать наши отношения, — говорит Никс с некой долей нерешительности в голосе.

Теперь я пребываю в состоянии полнейшего шока. Я никогда не думала, что у этого мужчины было хоть одно уязвимое место, но он только что обнажил для меня его.

Я резко разворачиваюсь в объятиях Никса, заключая его лицо в свои ладони.

— Никогда, — говорю я с жаром. — Я просто не знаю, что ответить на это. Ты не отвечаешь на большинство вопросов, что я тебе задаю, поэтому я не знаю, о чем именно мне позволено спрашивать.

Никс целует меня нежно и говорит:

— Про это знают только мой отец, брат, а теперь и ты.

Я придвигаюсь чуть вперед и сажусь к нему лицом, чтобы я могла видеть его. Заключаю его ладонь между своими ладонями.

— А надписи на твоей татуировке? — спрашиваю я, опять поднимая вопрос, что так интересен мне.

— Скажем так, мне не просто пришлось довольно туго, когда я возвратился из Афганистана. Я был... разъярен... не мог держать под контролем свой гнев. Любая мелочь могла меня спровоцировать на неконтролируемую вспышку агрессии. Харли и большое количество терапии помогли мне справиться с этим. Как я и сказал, я научился использовать

его прикосновения и присутствие для того, чтобы держать под контролем вспышки гнева.

Как будто по команде, Харли запрыгивает на кровать и прижимается к Никсу. Он, должно быть, даже и не замечает, как его рука автоматически ложится на шерсть Харли и начинает ласково поглаживать его.

— Этот разговор расстраивает тебя? — спрашиваю я, замечая, как Харли льнет к Никсу, будто ощущая его печаль и грусть.

— Немного. Я рассказываю тебе больше, чем знают все, за исключением моих родных.

— Так, татуировка....

— Это что-то вроде моей собственной терапии. Я сделал татуировку черепа после моего первого тура в Афганистане. Это было подходящим описанием того, что я видел там. А остальная часть моей терапии была сосредоточена на хороших и позитивных мыслях, но если честно, мне кажется, что многое из нее просто бред собачий. — Усмехается Никс.

Я приподнимаю бровь в ответ на его слова, и он смеется.

— Ну что я могу еще сказать, мне всегда кажется, что стакан наполовину пуст, нежели полон... Так или иначе, когда я читаю или смотрю что-то позитивное, что воодушевляет меня, я могу запечатлеть это на своем теле, чтобы эти мысли были всегда со мной...

Это очень интересно.

— А как именно ты выбираешь то, что занести на свою татуировку?

Он слегка усмехается мне озорной улыбкой.

— Это просто. Если я что-то читаю, и это вызывает мою улыбку, насмешку или сарказм, тогда я понимаю, что это, вероятно, что-то важное, какое-то сообщение, смысл которого откроется позже, поэтому я на него реагирую таким образом. Вообще, по своей натуре я склонен к более депрессивным мыслям, поэтому, когда эти строчки вызывают во мне противоположную реакцию — насмешку, я понимаю, что это сообщение важно для меня. Вот и все.

Я качаю головой с удивленной улыбкой, что растягивается на моих губах.

— Ты смеешься надо мной, Бёрнэм?

Обычно, когда он обращается ко мне по фамилии, это означает, что он хочет восстановить некую дистанцию между нами, но сейчас он говорит ее, слегка поддразнивая меня, отчего мой желудок радостно сжимается.

— Не смеюсь, а поражаюсь. В тебе больше слоев, чем природа создала для лука, Кэлдвелл.

Никс устремляется ко мне, заставляя Харли испуганно спрыгнуть с кровати. Он привлекает меня к себе на колени, стягивая с меня простынь.

— Вот кстати, как раз один слой, под которым бы я хотел посмотреть, что находится...

Я смеюсь, но вскоре этот смех превращается во вздох удовольствия, когда он накрывает своим ладонями мою грудь и приникает губами к моей шее.

— Никс? — бормочу, сдерживая рвущийся стон.

— Хммм? — он отвечает, прокладывая обжигающую дорожку из поцелуев до моей челюсти.

— Ты понимаешь, что разговор, который только что имел место, выходит за рамки отношений, которые построены только на сексе?

Его рот все еще прижимается к моей коже, и я чувствую, как он напрягается. Затем он издает легкий вздох, прежде чем оставить нежный поцелуй на моей коже.

— Да, — бормочет он у моей шеи. — Понимаю.

Его голос звучит смиренно, но в то же время предостерегающе, печально, счастливо и раздосадовано, но одновременно с этим спокойно. Как он может заключать в себе все эти противоречивые вещи одновременно? И затем, я понимаю, что Никс всегда заполнен множеством эмоций, которые бушуют внутри него. Именно поэтому он прилагает столько усилий, чтобы избежать общения с окружающими.

Но сейчас, он позволил мне проникнуть в свою душу немного больше. Я нахожу его действия невероятно смелыми. И в первый раз в жизни, понимаю, что откликаюсь на его слова и приказы не только телом, теперь в этом замешано еще и мое сердце.

23 глава

Никс

Наши отношения с Эмили изменились, и я сам не понял, как это произошло. Я провел так много месяцев, ограждая себя от других, что это состояние стало своеобразной тихой гаванью для меня. А сейчас я позволил этой девушке разрушить мои защитные стены за пару недель. Внезапно все эмоции, которые раньше было так легко прятать, вырвались на поверхность. Теперь мне нужно разобраться в своих чувствах, какие не причинят мне вреда, если я буду испытывать их.

К счастью, я не открылся ей полностью. Я никогда не смогу рассказать ей про Пола. Это слишком постыдно для меня, и теперь, когда я позволил этой девчонке проникнуть немного в свою душу, я хочу удержать ее там.

Хотя бы на ближайшее будущее.

Я не готов увидеть ужас в ее золотистых глазах цвета виски, если она узнает ужасающую правду о том, что произошло.

В конечном счете, совершенно неважно, открылся ли я ей хоть немного. Я никогда не смогу полностью принять Эмили в свою душу, показать ей всю уродливую правду. Всегда будет существовать часть меня, которая будет совершенно неприкосновенна.

На данный момент именно это позволяет мне чувствовать себя в безопасности, чтобы продолжать встречаться с ней дальше для того, чтобы посмотреть в конечном итоге, куда это может нас завести.

Я только что подъехал к жилому комплексу, где живет Эмили. Харли и я выскакиваем из грузовика и направляемся в квартиру № 322. Она пригласила нас сегодня на ужин, и я очень хочу познакомиться с Фил.

Эмили мне много рассказывала о ней и том, что она смогла запугать ее бывшего парня-мудака. Поэтому да... я уже в команде Фил.

Я негромко стучу в дверь, и она сразу же открывается той, которая, как я могу предположить, является знаменитой Миньон Ларсон. Мне кажется, она, скорее всего, поджидала меня по ту сторону двери, ожидая, пока я постучу. Она очень эффектная девушка, и в данный момент улыбается мне приветливой улыбкой.

Фил склоняется к Харли и гладит его, бормоча ему всякие нежности. Затем она протягивает мне свою руку для рукопожатия.

— Привет. Я Миньон.

Я жму ее руку, и наше рукопожатие выходит сильным и уверенным.

— Никс.

Затем Эмили появляется за ней и говорит:

— Как так произошло, что он будет называть тебя Миньон?

Фил коварно ухмыляется Эмили.

— Он не будет. Ты как раз меня перебила, когда я хотела ему сказать, что если он будет меня так называть, то я оторву ему яйца.

Она поворачивается ко мне, ее зловещая ухмылочка еще играет на губах, когда она говорит:

— Я предлагаю тебе называть меня Фил.

Я усмехаюсь и киваю.

— Во имя сохранения яиц, принято к сведению.

Эмили обходит Фил и оборачивает свои руки вокруг моей шеи, прижимаясь своим телом к моему. Я, в свою очередь, обнимаю ее руками за талию, и когда она встает на носочки и прижимается своими губами к моим губам, то оставляет там теплый поцелуй. Это действие, которое она сейчас совершила, наверное, является для меня самой интимной вещью, которую я когда-либо делил с женщиной. Это не имеет никакого отношения к сексуальности, это больше относится к нежности и приветствию.

Она буквально опускает меня на колени, когда шепчет:

— Я скучала по тебе.

Я не знаю, что мне ответить ей на это. Скучал ли я? Да, я, несомненно, думал о ней. Очень часто и много. Эти мысли... почти можно отнести к одержимости.

Когда я увидел, что она появилась из-за спины Фил, я ощутил, как какое-то чувство, близкое к восторгу, зарождалось в моей груди. Когда она прижалась ко мне своим телом, моя первая мысль была не о том, как забраться к ней в трусики. Нет. Моя первая мысль была, как это все естественно ощущалось. Но это не должно было так ощущаться, потому что между нами не происходило ничего похожего на отношения. По крайней мере, в моем тщательно выстроенном мире.

Перед тем как я могу ей что-то ответить, она выпускает меня из объятий, склоняется, чтобы поцеловать Харли, и затем спешно убегает на кухню, крича вслед:

— Фил, дай ему пиво. Мне нужно вытащить лазанью из духовки, пока она не подгорела.

И прекрати запугивать его своими глупостями про то, что ты оторвешь ему яйца.

Я и Фил отлично ладим. Мы сидим в столовой, пьем пиво и обсуждаем футбол, в то время как Харли лежит у моих ног. Его голова покоится на моем ботинке — это верный знак того, что он чувствует, что я неохотно иду на контакт с людьми, которых не знаю.

Оказывается, с Фил общаться не так уж и трудно. Она такая же большая поклонница «Джетс», как и я. И большая поклонница Эмили... как и я.

Ужин был очень вкусным, и я был впечатлен, что это первый раз, когда Эмили готовила лазанью. Сейчас мы сидим в гостиной, говоря обо всем и ни о чем одновременно. Я сижу в конце дивана, и Эмили сидит рядом со мной, моя рука покоится на ее плечах, легко приобнимая ее. Она сидит с ногами, поджатыми под себя.

Эмили и Фил сейчас спорят о сериале, что идет по телевизору, о котором я совершенно ничего не слышал ранее... «Дневники вампира»?

Хотя это совершенно не важно.

Я использую эту возможность, чтобы разобраться с чувствами, которые заставляет меня ощущать Эмили. От ее головы, которая лежит на моем плече, я ощущаю нежный и легкий запах фруктового шампуня, что исходит от ее волос. Ее длинные волосы ощущаются шелковистыми в моей руке. Жар, что исходит от ее тела, чувствуется достаточно уютным и приятным. Ее босые ноги аккуратные и прелестные. И мне кажется, что они чертовски сексуальны.

Я никогда не был в отношениях, когда бы просто сидел с кем-либо так близко, и это ощущалось так естественно. В старших классах школы, до того, как я пошел в армию, у меня было пару серьезных отношений, но я никогда не чувствовал себя комфортно, просто молча сидя с кем-то.

Это очень приятно, и я не могу поверить в то, что избегал этого так долго.

Но мне кажется, это чувствуется настолько комфортно, потому что это Эмили. И я не уверен, что смогу вести себя с кем-то другим подобным образом.

— ...ну, я надеюсь, что он не покажется там. Это будет казаться по-настоящему странным, если он появится там после того, как твой папа угрожал ему, — говорит Фил, когда поднимается с дивана, чтобы захватить себе еще одно пиво.

Я обращаю внимание на разговор и понимаю, что меня одолевает странное чувство, что я знаю, о чем они говорят.

— Надеешься, что не появится кто? — спрашиваю я

Фил бросает мне через плечо, когда выходит из гостиной:

— Ее бывший парень-мудак.

Тут я понимаю, что определенно в ее команде. Она называет его так же, как и я. И как они перешли за такое короткое время на разговор о ее бывшем мудаке, когда только что обсуждали «Дневники вампира»? Похоже, я утрачиваю навыки наблюдения.

Я чуть поворачиваюсь к Эмили, чтобы видеть ее лицо.

— Где она боится его появления?

— Мой папа позвал меня прийти на благотворительное мероприятие по сбору средств в субботу вечером. И Фил боится, что Тодд может появиться там.

Ее голос звучит пренебрежительно, и она совершенно не кажется взволнованной, как я могу сказать. Но я нахожусь на грани только от одной мысли об этом.

— А что, есть шанс, что он может там появиться?

— Мне так кажется. Они продают билеты на это мероприятие, поэтому чисто теоретически он мог купить один для себя, или его отец мог купить для него.

— Ты кажешься совершенно невзволнованной, — заключаю я.

— Ну да. А что может произойти в комнате, где полно народу?

Это очень хороший довод. И я также не должен волноваться насчет этого. Эмили будет находиться в окружении множества людей, и нет ни одного шанса, что этот парень сможет навредить ей.

Прежде чем я могу закрыть свой рот, из меня вырываются слова:

— Я могу пойти с тобой.

Она смотрит на меня удивленным взглядом. Пристально разглядывает меня, затем на ее лице растягивается огромная усмешка. Она легко ударяет меня кулачком в руку и усмехается:

— Ага, как же. Я почти купилась на твою шутку, Кэлдвелл.

Я поднимаю голову вверх и мягко захватываю ладонью ее лицо, чтобы она посмотрела

мне в глаза.

— Я совершенно серьезно. Я не хочу, чтобы ты ходила туда одна.

Но Эмили совершенно не настроена меня к чему-либо принуждать сегодня, поэтому отвечает:

— Я буду в полном порядке. Тем более, я не приглашала тебя.

— Ну, это не проблема, так? Пригласи меня.

— Нет. Это смешно. Я вполне и сама могу позаботиться о себе.

Я решаю прибегнуть к запрещенному приему.

— Ты что, стесняешься меня?

Я знаю Эмили достаточно, чтобы понять, что она меня совершенно не стесняется. Собственно, я уверен, что она была бы счастлива брать меня с собой на каждый прием, на который ее приглашают, которые, к слову, я совершенно терпеть не могу. Это просто не мое. Но я абсолютно точно знаю, что достаточно одной моей мысли, или кого-то еще, что она ведет себя как прощая «Эмили Бёрнэм», и это заставит ее быстро сменить свое решение, тем самым согласиться на мое предложение.

— Конечно же, нет, — она практически кричит на меня. — Да я была бы самой счастливой девушкой на приеме, если бы ты пошел со мной.

— Тогда в чем проблема? — спрашиваю я у него мягко. Затем наклоняюсь, оставляя легкий поцелуй на ее губах.

Она вздыхает мне в рот, проскальзывая рукой в мои волосы.

— Отлично. Ты можешь пойти со мной.

Я прижимаю ее к себе и углубляю наш поцелуй. Сейчас комфорт, который я ощущал ранее, полностью уходит, и его место занимает похоть, голод и желание к Эмили. Я провожу ладонью верх по бедру девушки, останавливаясь именно там, куда стремились мои пальцы — на резинке нижнего белья, которое обтягивает ее бедра. Я принуждаю ее оседлать мои бедра.

Она прижимается ко мне всем телом и углубляет наш поцелуй. Я в одно мгновение становлюсь твердым... это возбуждение отдается практически болезненным ощущением.

— Идите в чертову комнату, вы двое. Это просто отвратительно.

Я даже и позабыл о Фил. Черт, Эмили заставляет меня позабыть обо всем. Например, за последние пять минут ей удалось заставить меня забыть, что я ни с кем не встречаюсь и избегаю отношений, что не хожу на политические приемы, и меня совершенно не должно тревожить, что девушка, которую я трахаю, будет находиться где-то без меня.

Очевидно, я позабыл о многом. Благодаря Эмили.

Я вижу, как Эмили краснеет и отстраняется от моих губ. Ее взгляд искрится теплом и нежностью, в нем кроется неподдельное желание, которым был заполнен этот поцелуй.

Когда она смотрит на меня, она видит больше, чем вижу в себе я. Черт... Я позволил ей видеть в себе больше, чем позволял кому-то. Она очень хорошо изучила меня за пару прошедших недель, которые мы с ней знакомы. Мне кажется, узнай об этом доктор Антоняк, она бы очень гордилась мной.

Мысль настигает меня. Я должен добавить имя Эмили в свою татуировку на этих выходных. Ничего важного или же особенного в этом нет... просто добавлю ее имя, потому что с ней я начинаю меняться лучшую сторону.

Эмили

Это была плохая, ужасная идея.

Привезти Никса на мероприятие по сбору пожертвований.

За исключением... до этого момента все было хорошо. Было очень, очень хорошо.

День начался ох, как приятно. Я осталась в квартире Линка с Никсом в пятницу вечером. Он приготовил на гриле несколько стейков, которыми мы наслаждались с хорошим вином. Мы играли в карты большую часть вечера, пока я не издала нечто похожее на сексуальный стон, по мнению Никса, когда попыталась удобнее переложить свою руку. Он просто бросил свои карты на стол и поднял меня с моего стула. Он не сказал ни слова... прижал свои губы к моим и атаковал мой рот, отнеся меня в свою комнату. Закрыл дверь перед Харли, когда тот попытался проследовать за нами, и это немного отвлекло — слушать, как бедный пес скулит, чтобы попасть внутрь.

Но, в то время как руки и рот Никса ласкали мое тело, я не могла думать ни о чем другом, кроме человека, который находился у меня между ног.

Просыпаться в объятиях Никса превратилось в привычку, от которой я стала зависимой. В субботу утром я снова распласталась на его груди, и на этот раз он крепко обнимал меня своими руками. Харли был с другой стороны от меня, так что я была зажата между двух донельзя великолепных мужских созданий. Я лежала тихо, слушая спокойное дыхание Никса и нежный храп Харли.

Это было... так по-семейному. И мне нравится это чувство, хотя это было чрезвычайно опасно, даже позволить моим чувствам двигаться в этом направлении. Я должна была уважать границы и ожидания того, что Никс и я установили. Хотя я очень хотела выбросить эти дурацкие рамки из окна.

Никс и я слонялись в квартире Линка всю субботу. В начале дня я получила очень интересный телефонный звонок от моей матери. Мы не разговаривали с того вечера, когда она пригласила Тодда к нам на ужин, хотя мой отец и я постоянно контактировали, как по телефону, так и по электронной почте. Он явно прилагал большие усилия, чтобы наладить наши отношения, и я была рада этому.

Увидев номер моей матери на дисплее телефона, я настороженно ответила:

— Здравствуй, мама,

— Привет, Эмили, — ответила мама. Она явно нервничала, и ироничный тон пропал. Она была... нерешительная... мягкая.

Ни одна из нас ничего не говорила в течение нескольких секунд, мы обе погрузились в неловкое молчание.

— Я хотела бы... нет, мне нужно извиниться перед тобой, Эмили. Мне так жаль, что пыталась навязать тебе Тодда. Я не имела ни малейшего представления о том, что произойдет, и я никогда не хотела, чтобы моя дочь была с кем-то подобным ему. Пожалуйста, поверь мне, — сказала она.

Слова вылились из нее, и они были пропитаны болью и чувством вины. Ее рыдания прервали последнее предложение, и мое сердце трещало по швам из-за моей мамы.

— Ой, мама. Пожалуйста, не плачь. Все в порядке. Честно, — ответила я.

— Нет, Эмили. Не в порядке. Твой папа говорил со мной, и он помог мне осознать, что я была ужасной матерью в последнее время. Я думаю, что настолько зациклена на внешнем

виде и на том, кто и что подумает, что забыла о том, что реально важно. Но я надеюсь, что ты позволишь мне все наладить. Ты одна из самых важных людей в мире для меня, и я никогда не должна ничего ставить превыше тебя, — продолжила она.

Мы говорили по телефону в течение часа. Это рекорд для нас. Никс тихо сидел на диване, смотря американский футбол. Но его рука осталась на моем бедре, слегка поглаживая меня в жесте поддержки.

Моя мама чертовски шокировала меня, когда сказала, что они с отцом поговорили о возможности отказаться от планов на должность президента. Она сказала, что это не стоит любого разлада в нашей семье.

Я сразу же попыталась отговорить ее отступить. Я заверила ее, что мы сможем все, если постараемся. Она сказала, что это было только разговором, но они хотели включить меня, Райана и Данни в обсуждение.

И мое сердце остановилось.

Райан? Данни?

Я спросила ее, что это значит. Моя мать вздохнула и сказала:

— Это означает, что ты не единственная, кого обидели. После этого мне нужно сделать еще один звонок.

Ах, какая радость. Я вскочила с дивана, напугав Никса и Харли, и крикнул:

— Мама... я имею в виду... Мама... это здорово. Я так счастлива. Ты так полюбишь Данни. И Райан очень по тебе скучает.

Я прыгала вверх и вниз, танцевала по всей квартире, когда украдкой посмотрела на Никса. Все его внимание было приковано ко мне, и он улыбался мне до ушей.

Смех мамы прервался, и я помню, как она туманно проговорила:

— Мама в порядке, Эмили. Я вроде как довольна сейчас.

Это действительно был чудесный день. Я была так счастлива после этого, что бросилась в объятия Никса и практически умоляла его заняться грязными вещами со мной. Мы провели удивительный день в его спальне.

Слишком скоро настало время собираться на прием.

Я принесла свое коктейльное платье от Моник Люлье, а Никс взял смокинг Линка, который, к счастью, был того же роста и комплекции как он...

Я должна признать... Никс будет выглядеть потрясающе даже в мешке. Черт, я никогда не видела, его одетым ни во что, кроме футболки и джинсов, и он всегда выглядел аппетитно для меня. Но сегодня... в смокинге? Он выглядел невероятно потрясающе. Он даже уложил волосы немного, так что они были убраны назад со лба и висков, открывая его красивые линии и углы лица. Он не побрился, что мне очень понравилось. Его вечная щетина давала понять, чтобы никто никогда не забывал, что Никс Кэлдвелл был суровым мужчиной. И это меня привлекало.

Он был моим суровым мужчиной... на данный момент.

Когда я вышла из ванной после того, как нанесла последние штрихи в макияже, Никс стоял и выглядел очень нервным, держа букет цветов.

— Это для меня? — спросила я, мое горло пересохло, и глаза были готовы вот-вот наполниться слезами.

— Я побежал в лавку на углу, пока ты была в душе. Кажется, этим вечером они подойдут к твоему наряду, — кивнул он.

Я взяла букет и прижала к носу. Цветы не пахли сильно, но букет был прекрасен, и он

был вручен мне невероятно закрытым человеком. Из-за простого факта, что он заботился обо мне, мое сердце грозило треснуть и засосать его внутрь.

— Они прекрасны, Никс. Я поставлю их в воду.

Я больше ничего не говорила, потому что могла сказать, что он нервничал, а я была на грани того, чтобы расплакаться. Как только мы вышли, его рука змеей обвилась вокруг моей талии, из-за чего мне пришлось остановиться. Он прижал свои губы к моему виску и сказал:

— Я никогда не приносил цветы женщине прежде, Эмили. Это впервые для меня.

Я повернулась лицом к нему, и наши губы встретились... нежно, спокойно. Он отстранился.

— У меня много всего впервые с тобой.

Мое сердце гудело волнением из-за сказанных им слов, когда мы ехали в «Уолдорф-Астория».

Да... это был практически идеальный день, ведущий к этому приему по сбору средств.

И вот я стою в коридоре за пределами зоны комфорта, готовлюсь войти.

И Тодд Фулгрэм стоит здесь, положив свою руку на мою. Он появился из ниоткуда, без предупреждения.

В его жесте нет агрессии, и если бы не было чего-то грустного в его манере поведения, я бы закричала во всю силу легких, чтобы выбраться из ловушки. Но он тихо говорит:

— Эмили... мне очень нужно с тобой поговорить... объяснить ситуацию...

Я не должна доверять ему. Я должна вежливо найти отговорку и идти в другую сторону... или бежать в уборную. Но его тон другой. Он не умоляющий, детский, угрожающий или высокомерный как это привычно для Тодда Фулгрэма.

Он печальный и напуганный.

Мое сердце, чертов дьявол, подсказывает, что у меня нет выбора, кроме как остаться и послушать.

— Хорошо, — говорю я.

Он отпускает мою руку и запускает ее в свои волосы.

— Во-первых, извини за то, что пришел. Но я знал, что ты здесь, и должен был поговорить с тобой... лично, — начинает он.

— Я слушаю, — говорю я осторожно.

Тодд ведет меня к обитой скамейке около стены в коридоре. Мы оба садимся, и наши колени направлены друг на друга

Он нервничает, скручивая пальцы.

— Эмили... Мой отец очень давит на меня: он хочет, чтобы мы были вместе. Хочет быть привязанным к твоему отцу больше, чем просто деньгами, — продолжает он.

Я киваю ему. Я понимаю его. Моя мать делала то же самое.

— Он сделает все, грозитя лишить меня всех финансов, и если я не заключу сделку с тобой, тогда он выгонит меня из семьи. Вот почему я так безумно хотел возобновить наши отношения, — говорит Тодд.

Я почти беру руку Тодда в жесте сочувствия, но сдерживаюсь. Я не хочу, чтобы он думал, что есть надежда на что-то для нас.

— Мне очень жаль, Тодд. Я знаю, на что это похоже — быть использованным ради выгоды, — отвечаю я ему.

Он дарит мне небольшую улыбку понимания.

— Твоя мама хочет то же самое для тебя. Ты понимаешь важность имиджа? — спрашивает он меня.

Я киваю, но не уверена, к чему он клонит. Я думала, он почти извинился, но теперь не уверена.

Тодд молчит. У него есть что-то большее, что он хочет сказать, я это знаю. Он осматривается, и видит, что в коридоре оченьлюдно. Он встает и тянет меня вверх, я оказываюсь в углу рядом с растениями и большой вазой с цветами. Здесь более приватная обстановка. Моя спина прижита стене, а он передо мной. Он смотрит налево и направо, чтобы убедиться, что мы одни.

— Это не самое худшее, Эм. Я действительно в отчаянии и мне нужна твоя помощь... — говорит он с отчаянием.

Что-то явно не так, но Тодд не угрожает. Он выглядит напуганным и подавленным. Я начинаю нервничать, и мне становится страшно за него.

— Что случилось, Тодд? Ты можешь сказать мне, — уверяю его.

Он делает глубокий вдох, смотрит на потолок, затем вниз на меня. Его дыхание выходит со свистом.

— Я не могу рассказать тебе всего, но мне действительно нужна видимость того, что мы вместе. Мой отец не должен знать, что я потерпел неудачу в этом.

— Что? Ты хочешь, чтобы я притворялась, что у меня отношения с тобой? — Идея нелепа.

— Да, это именно то, о чем я говорю. Посмотри, люди делают это все время. Я знаю, что ты ничего не чувствуешь ко мне, и знаю, что ты с другим парнем. Если мы сможем делать вид, что мы вместе, меня не будет волновать, что ты делаешь на стороне.

Хорошо, теперь Тодд вышел за рамки и находится на грани полного идиотизма.

— Тодд... это самое нелепое, что я слышала. И ответ «нет». Теперь, если ты извинишь меня, мне нужно вернуться, — отвечаю я.

Я поворачиваю налево, чтобы пройти мимо Тодда, но он протягивает руку, хватая мою.

— Эмили... пожалуйста, послушай меня. Это серьезно, — продолжает он.

Я смеюсь над ним.

— Ничто не является настолько серьезным, Тодд, чтобы мы были в фиктивных отношениях. Мне очень жаль... найди кого-то другого, чтобы играть в свои игры.

Я пытаюсь вырваться от него, но он по-прежнему держит меня. И тогда я понимаю, что ошиблась, давая Тодду немного времени. Я пытаюсь вытащить свою руку еще раз, но я не могу освободиться. Я решаю пригрозить:

— Если ты не отпустишь меня, Тодд, я закричу.

Что, кажется, работает, и он отпускает.

— Эмили, — говорит он с явным отчаянием, но он понижает голос до хриплого шепота, чтобы никто не мог услышать: — Я гей, и я в большой беде, если это всплывет.

Что за черт?

Я ничего не могу поделать, но знаю, что мое лицо — это, наверное, сочетание ужаса, грусти, сочувствия и гнева одновременно. Однако, прежде чем я могу что-то сказать, за спиной Тодда кто-то появляется, и я ахаю.

Никс подходит к нам, его глаза сосредоточены на Тодде. Его кулаки сжаты, и злость контролирует выражение его лица. Первое, что я осознаю, — Никс пострадал в прошлом от проблем с яростью. Он готов обрушить свою ярость на того, кто встанет у него на пути.

И я очень боюсь за Тодда в этот момент. Я могу судить по яростной маске на лице Никса, что он был свидетелем разговора между Тоддом и мной. Ох, он не был так близко, чтобы услышать, что было сказано, но я уверена, что он видел, как я изо всех сил пыталась выбраться из хватки Тодда.

Я сразу же выставляю свою руку в сторону и обхожу Тодда, идя наперехват Никса. Я боюсь его из-за выражения его лица. Он хочет убить Тодда... или, по крайней мере, нанести ему тяжкие телесные повреждения. И есть огромный шанс, что его гнев может случайно отразиться на мне.

Я встречаюсь с Никсом в пяти шагах от места, где стоит Тодд. Кладу руки на грудь Никса и быстро говорю:

— Никс, я в порядке. Он не причинил мне боль. На самом деле, это не то, что ты думаешь.

Никс даже не смотрит на меня, но продолжает приближаться к Тодду. Мне не остается никакого выбора, кроме как держать руки на его груди, и теперь я иду назад, чтобы встать между двумя мужчинами.

Не отрывая глаз от Тодда, он мне говорит:

— Ты должна уйти с моего пути, Эмили, прежде чем пострадаешь. Я не контролирую себя, — его слова суровые, и глаза сверкают безумием.

Я в ужасе и говорю ему тихим, дрожащим голосом:

— Никс, пожалуйста. Ты меня пугаешь.

Походка Никса шатается, а затем он останавливается как вкопанный. Он смотрит на меня сверху вниз, и сначала в его взгляде нет понимания. Его зеленые глаза темные, зрачки расширены. Зубы сжаты, а лицо полно гнева. А потом мои слова доходят до него, или, может быть, это выражение страха на моем лице, потому что я пораженная смотрю, как гнев покидает его взгляд. Его лоб разглаживается, и глаза смягчаются. Я поднимаю свою руку вверх и кладу ее на его щеку.

Никс делает глубокий вдох и крепко обнимает меня.

— Я сожалею. Я не хотел пугать тебя. Я бы никогда не навредил тебе, Эмили. Клянусь, — говорит он.

Я оборачиваю свои руки вокруг его талии и сжимаю его, как будто от этого зависит моя жизнь.

— Я знаю. Я боялась, что ты сделаешь больно Тодду, он не заслуживает этого, — отвечаю я.

Никс слегка напрягается, но до сих пор ласково держит меня.

— Что он хочет? — продолжает он.

— Судя по всему, он хочет фиктивных отношений и говорит, что он гей. Он только сказал мне об этом, — я полностью сбита с толку из-за всей ситуации.

Никс смотрит на Тодда со скептицизмом на лице. Затем смотрит на меня, обхватив меня рукой за шею, с любовью поглаживая большим пальцем.

— Уверена, что ты в порядке? Он не причинил тебе боль или сказал что-нибудь, чтобы расстроить тебя? Я видел взгляд на твоём лице, Эмили. Ты была напугана чем-то.

Я качаю головой и наклоняюсь, чтобы нежно поцеловать его.

— Просто в шоке, больше ничего. Дай мне несколько минут, чтобы поговорить с ним еще немного, и я приду и найду тебя.

— Попробуй еще раз. Я не оставлю тебя одну с ним.

— Мы просто поговорим, — говорю я с раздражением.

— Мне наплевать. Мужчина прикоснулся к тебе. Он преследовал тебя. Тебе повезло, что я не разорвал его на части прямо сейчас. Говори, если хочешь, но я буду в одной комнате с тобой, — говорит он. Он акцентирует свое заявление, скрещивая свои руки на груди, подбадривая меня испытать его на прочность.

Я вздыхаю. Не будет никакого разговора без Никса.

— Хорошо. Ты такой задира, хотя, ты знаешь это?

Он дарит мне озорную улыбку.

— Во мне много плохих черт, Эмили. Задира — только одна из многих.

Я раздражена, но оборачиваюсь сказать Тодду, что мы можем продолжить наш разговор. Прежде чем я смогу произнести слово, Никс берет мое запястье в свою руку, притягивая мое внимание к нему.

— Мне очень жаль, Эм. Я не хотел напугать тебя.

Я прикладываю палец к его губам, чтобы заставить его прекратить извиняться.

— Не извиняйся. Я не боялась, что ты что-то сделаешь мне. Я боялась, что ты что-то сделаешь Тодду, и что потеряешь контроль над собой.

Он закрывает глаза и позволяет моим словам поглотить себя. Затем просто кивает головой в принятии того, что я сказала.

Остаток вечера я провожу, слушая Тодда, выливающего свои внутренние переживания на меня, и все это время Никс смотрит на него. Это тяжело для бедного Тодда. Я ухожу с более ясным пониманием его мотивов. На самом деле, когда последствия того, что Тодд говорил мне, дошли до меня, я ощутила облегчение, в некотором роде. Его гомосексуальность объяснила мне многие вещи. Как и то, почему мне всегда казалось, что я была инициатором каких-либо близких отношений с ним, или почему он был таким неловким, когда мы были близки. Черт возьми, это даже объяснило, почему он никогда не хотел удовлетворить меня.

Он также дал мне понять, что живет ложью большую часть своей жизни, просто чтобы избежать конфликта. Давление и стресс, я уверена, были причиной его дерьмового поведения. Я предложила свою поддержку Тодду, если он хочет раскрыть свою ориентацию, но это все, что он получит от меня.

Никс сделал личное заявление Тодду. Он оставил личное предупреждение никогда не приближаться ко мне снова. В то время как мне было его жалко, я была рада, что он, наконец, понял, что мы не будем вместе.

25 глава

Никс

Дурацкое мероприятие по сбору пожертвований закончилось, и мы едем обратно в квартиру Эмили на такси. Она тесно прижимается ко мне, положив голову мне на плечо. Для меня удивительно, насколько я привык к ощущению ее тела. Насколько мне нравится чувствовать ее рядом с собой.

Я откидываю голову на спинку своего сиденья и размышляю об этом вечере. Я думал, что самым худшим будет встреча с родителями Эмили.

Еще одно «впервые» для меня.

Плюс у меня было только немного информации, из которой я мог предварительно судить ее родителей. Я знал, что Эмили не близка с ними. Не так, как со своим отцом. Знал, что Эмили пыталась получить контроль над своей жизнью, и что многие вещи ей диктовали.

И я знал, что мать Эмили позвонила ей сегодня с искренним извинением. Выражение лица Эмили было бесценно. Она вскочила и танцевала по гостиной Линка, что тронуло мое сердце. Это придает правдивости, насколько мощным может быть простое извинение, и мне не мешало бы напоминать себе об этом.

Родители Эмили на самом деле были довольно вежливы со мной. Я знаю, что был строгим и резким, когда Эмили потащила меня наверх. Я крепко держал ее руку, готовый вытащить ее оттуда, если они скажут что-нибудь, что причинит ей боль.

Вместо этого, они оба тепло обняли ее, и были очень любезны и добры ко мне. Когда конгрессмен Бёрнэм узнал, что я служил в морской пехоте, мы провели двадцать минут, разговаривая о войне в общих чертах. Он сказал, что хотел бы выразить свою личную точку зрения позже, если я смог бы пообедать с ним в один прекрасный день. Я согласился, хотя не очень хочу этого. Думаю, я просто уверен, что мои отношения с Эмили не будут прогрессировать до точки, где я буду обедать вместе с ее отцом. Поэтому я согласился, чтобы мы просто смогли продолжить нашу дискуссию.

Мать Эмили была немного другой. Она пожала мне руку, и ее слова были теплыми. Но я все еще мог видеть, что ее мама оценивает меня, задаваясь вопросом, был ли я достаточно хорош для ее дочери?

Я хотел просто ляпнуть: «Послушайте, мадам, у нас есть взаимопонимание. Мы просто трахаемся друг с другом». Я мог только представить себе выражение ее лица на этих словах.

Остальная часть вечера, вплоть до «инцидента с Тоддом», была не так уж и плоха. Еда была отличной, я танцевал несколько раз с Эмили, и это был рай. Это приукрасило всех тех скучных, чопорных людей, с которыми она познакомила меня и тот факт, что я застрял в смокинге.

Я на самом деле немного с содроганием вспоминаю о взрывной ярости, которая текла через меня, когда я увидел, как Тодд схватил Эмили. Мой разум помутнел, когда я увидел, как она попыталась оттолкнуть его и просила отпустить ее. Я понятия не имел, что он говорил, но выражение на лице Эмили было смесью бурных эмоций, я не мог контролировать тот всплеск ярости, что накрыл меня. Все, что я знаю, — Тодд расстроил Эмили и, следовательно, я должен ему навредить.

Если честно, я даже не помню, как Эмили появилась передо мной. Я не помню ее мягкие руки на своей груди, или слова, которые вылетали из ее рта. Ничего из этого не имело значения. Я не пытался вспомнить теплые, карие глаза Харли или учение доктора Антоняк... дыши глубоко, глубоко дыши.

Я видел только свои руки, обернутые вокруг шеи Тодда, и как выжимаю всю чертову жизнь из него.

А потом, каким-то образом, слова, наконец, проникли сквозь туман... «Никс... пожалуйста... ты меня пугаешь». Это был нежный голос Эмили, которая коснулась меня, и вся моя злость просто испарилась. Тодд стал не важен. Эмили... она меня боится... вот что было важно.

Я посмотрел ей в лицо, и ее глаза были наполнены страхом. Янтарный цвет потемнел, а брови были беспокойно нахмурены. Ее кончики пальцев слегка впивались мне в грудь.

И осознание того, что я собирался сделать, вернулось в мое тело. Я почти задохнулся в

отвратительном понимании, что я был так безумен и почти отключился от осознания моей ситуации...

У меня была непреодолимая потребность в Харли тогда... чтобы погрузить пальцы в его мех и прижать к себе. Но его там не было, и мне нужно было получить контроль над собой самому.

После того как я притянул Эмили в свои объятия, то почувствовал легкое спокойствие, окутывающее меня. Как легкое одеяло умиротворения. Я доверял Эмили в тот момент, когда мы обнимали друг друга.

Эмили такая добрая душа, она все еще переживала за Тодда. Я? Ничего подобного. Он все еще придурок, по-моему.

Я оказал парню немного доверия. Он сидел и изливал свою душу и страшную тайну ей. Что он был геем, и знал это, начиная со школы. Он также подтвердил то, о чем я догадался: семья не примет его. Он жил во лжи всю свою жизнь и пойдет на крайние меры, чтобы не быть брошенным.

Я понимал, что он находится в ужасной ситуации. Я бы не хотел быть на его месте... не быть принятым в своей семье за то, кто ты. Но его неприятности никоим образом не оправдывают мучения, которые он причинил Эмили. Я надеюсь, что он понял мое предупреждение и прислушался к нему, потому что я, не колеблясь, воплощу мою угрозу в жизнь. Однако я искренне надеюсь, что парень сможет найти покой в своей жизни, потому что каждый этого заслуживает. За исключением, может быть, меня.

Независимо от моих чувств по этому вопросу, Эмили решила простить его, и я приму это. Она плохо себя чувствует, что он застрял в той же ситуации, как она сама не так давно... подчиняясь воле родителей. Она верит, и я ей доверяю, что ситуация с Тоддом будет решена. Она рекомендовала ему быть уверенным в себе и, надеюсь, он примет ее совет.

Потому что если он этого не сделает и продолжит это бессмысленное преследование, я сделаю ему больно.

Мы заходим в дом, Фил спит, и Эмили ведет меня в свою спальню. Я знаю, что она устала и, наверное, хочет свернуться калачиком и заснуть.

Но как только она закрывает дверь в спальню, то начинает раздеваться. И не просто раздеваться, чтобы надеть пижаму. Она медленно и эротично снимает свое платье, смотря на меня страстными глазами.

Что за черт?

Я имею в виду, я думал, что она хотела бы поговорить еще немного о том, что произошло на вечере по сбору средств. Вот чего хотят женщины, не так ли? И хотя я никогда не чувствовал необходимости начинать это прежде, я решился полностью положиться на Эмили, если именно этого она хотела. Но, видимо, нет.

Ох, ну... Я не собираюсь спорить. Кроме того, я практически проглатываю язык, когда платье Эмили сползает к ее ногам, так что я не в настроении разговаривать.

Она стоит практически голая, за исключением черного бюстгалтера без бретелек, в черных кружевных трусиках и в высоких трахни-меня-туфлях.

— Пожалуйста, не снимай эти туфли, — умоляю я ее, пока мои глаза пытаются рассмотреть каждый сантиметр ее тела.

Она улыбается мне и идет вперед.

— Ты забавный, — говорит она, в то же время, расстегивая мой ремень и брюки.

Я обхватываю ее лицо руками и целую. Она быстро справляется с моими штанами, и

молния скользит вниз. Эмили обхватывает меня, и я чертовски удивляю себя, когда долгий, низкий стон выливается из моего рта. Мое тело никогда раньше не было рабом чьих-то прикосновений.

Я не могу говорить, но мои бедра сами толкаются в ее руки, требуя большего. Ее мягкие руки имеют власть надо мной. Эта мысль пугает и унижает меня одновременно.

Я отстраняюсь от ее поцелуя и начинаю скользить своими руками вниз к ее груди. В этот момент она хватается меня за руки и толкает. Когда я чувствую край кровати ногой, она мягко подталкивает меня вниз, чтобы я сел.

Эмили быстро сдергивает с себя лифчик и снимает трусики. Она грациозно выходит из них, оставляя туфли по моей просьбе.

Мой член так напряжен, что я боюсь, он может сломаться.

Забравшись на меня сверху, Эмили раздвигает мои бедра. Она нежно трется об мою эрекцию, которая полностью выходит за пределы моих штанов. Мои руки невольно сжимают ее бедра... достаточно сильно, наверное, будет синяк... и я стискиваю зубы, пытаюсь сохранить контроль, при этом медленно ослабляя хватку.

Эмили поднимается на колени, ее лицо нависает надо мной. Она прижимает свои губы к моим, и мы сливаемся в поцелуе, из-за чего желание преодолевает весь путь от моего рта до моего паха, пока она оборачивает свои руки вокруг моей шеи. Ни один из нас не дышит, и я пользуюсь возможностью, чтобы провести руками вверх по ее икрам, бедрам, спине... и затем вниз.

Внезапно Эмили отодвигается от меня и встает. Она кладет руки на мою грудь и просто смотрит на меня своими темными глазами, в которых тлеет огонь. Она облизывает свою нижнюю губу. Потом смотрит на меня, и ее взгляд сползает ниже, ниже, ниже.

Я тянусь к ней, чтобы притянуть ее для другого поцелуя, но она практически бьет меня по рукам, и тут же падает на колени передо мной. Кокетливо смотрит на меня, поскольку я снова в ее руках. Мои бедра двигаются сами по себе — независимые ублюдки — и она нежно поглаживает меня.

И затем мой разум тускнеет, когда она наклоняется и берет меня в рот.

Нежно... влажно... волшебю.

Мои руки слегка придерживают голову Эмили. Я позволяю ей задавать темп и не давлю на нее. Тот факт, что она здесь, склонилась передо мной на коленях, ее шелковистые волосы невесомо касаются моей кожи — это чертовски возбуждающая мечта.

Она неопытна, но она ох... невероятно сладкая и смелая. Ее рот чувствуется, как атлас, она заглатывает меня все глубже и глубже. Ее острые ногти погружаются в мои бедра, и я не буду удивлен, если пойдет кровь. Мне все равно, потому что это одно из самых удивительных ощущений, и я не хочу, чтобы она останавливалась. За исключением того, что я скоро взорвусь быстро и жестко, если она немного не замедлится, а я слишком сильно хочу сделать это внутри ее, поэтому не позволяю этому произойти.

Я осторожно отталкиваю ее от себя, и она на самом деле чертовски скулит от потери. Она имеет власть надо мной.

Я встаю, потянув Эмили к себе. Аккуратно толкаю ее на спину в постель и снимаю остальную часть своей одежды. Мои животные инстинкты говорят мне погрузиться в нее. Погрузить в нее мой член так, чтобы не было никаких сомнений в том, что она принадлежит мне.

Вместо этого, надев презерватив, я медленно и легко вхожу в нее. Она оборачивает свои

ноги, все еще обутые в туфли, вокруг моей спины. Я закрываю глаза и сосредоточиваюсь на ощущениях своего тела. Ее тепло медленно тянет меня в глубину, вызывая во мне восторг.

Я прислушиваюсь к звукам, которые мы издаем. Мы оба тяжело дышим, но Эмили делает короткие вдохи. Мои выходы как длинные, порывистые волны. Затем я улыбаюсь, когда слышу самые тихие хныканья, выходящие из уст Эмили.

Мои движения медленные, размеренные. Закрыв глаза, я стараюсь запомнить ощущения каждого сантиметра Эмили, когда вхожу в нее. Я прислушиваюсь к ее тихому стону, когда выхожу из нее с мучительной неторопливостью.

Руки Эмили на моей заднице призывают меня двигаться быстрее, но я не сдаюсь. Я сохраняю ленивый и методичский темп. Задаю ритм для нас, но чувствую, как Эмили близка, и я могу даже почувствовать позыв собственного оргазма. Мое тело буквально требует начать вбиваться, но я не могу. Эта тренировка гребаной цивилизованности собирается убить меня, но я буду держаться до конца.

— Быстрее, — умоляет Эмили.

— Нет, — говорю я ей. И продолжаю еще медленнее.

В какой-то момент наши пальцы переплетаются. Я открываю глаза ненадолго, чтобы увидеть их переплетенными вместе рядом с нашими головами. Наши костяшки побелели, и ногти Эмили впились в мою руку. Но опять же, меня мало заботит, поцарапает ли она меня до крови, потому что я чувствую себя чертовски хорошо.

Я не набираю свой привычный темп, но следующий толчок немного жестче... немного глубже. Эмили вскрикивает от внезапного изменения.

Я делаю это снова, и ее крик раздается эхом еще раз.

В третий раз я вхожу и смотрю, как Эмили распадается на части. Хриплым криком она произносит мое имя и выгибает спину, падая на кровать. Я чувствую ее влажное, тепло, крепко сжимающее меня, делаю еще один толчок и затем взрываюсь внутри нее, уткнувшись лицом в ее шею.

Мой оргазм продолжается, бедра невольно задевают ее с каждым рывком.

Наконец, я опустошен и падаю на нее сверху. Я знаю, это должно быть удушающее, но не могу даже пошевелиться, так глубоко я прочувствовал оргазм.

Я понятия не имею, что это был за медленный танец страсти.

Думаю, многие женщины назвали бы это «занятием любовью».

Здесь не была вовлечена любовь, но без сомнения, это был самый сексуальный и наполненный страстью опыт в моей жизни.

Я знаю, что еще ни разу в жизни так жестко не кончал.

Знаю, что, вероятно, этот момент никогда не повторить.

Знаю, что Эмили стала для меня чем-то большим, чем она была даже десять минут назад.

26 глава

Эмили

По какому-то негласному соглашению Никс остается в моей квартире каждую ночь на этой неделе. Он играет с моим телом самым восхитительным способом, и я чувствую себя защищенной и полностью удовлетворенной. Я могу и привыкнуть к этому.

Это еще один маленький сдвиг в наших отношениях.

И да... у нас теперь отношения.

Несмотря на границы, что мы установили ранее, мы продвинулись к чему-то другому. Я просто не знаю, что это такое. Это неясное и трудноопределимое чувство, оно вне моего понимания.

Никс и я не ходим на свидания. Мы не делаем то, что делают нормальные пары. Я хожу на учебу, он работает, и, в конце концов, мы собираемся вместе, пылая в порыве страсти. Теперь я знаю тело Никса, как свое собственное, если не лучше.

Но между нами не просто секс. После того как мы оба измождены, Никс обнимает меня, и мы болтаем обо всем и ни о чем. Я рассказываю ему все о моем детстве, и он отвечает взаимностью. Он рассказал мне о его времени в морской пехоте США, в основном он находился в Кэмп-Леджен. Кажется, он был любителем развлечений тогда.

Исчез запутанный, закрытый Никс Кэлдвелл. На его месте другой человек. Он еще не полностью открылся, но улыбка ему к лицу, и он, кажется, стал немного бодрее духом. Я недостаточно тщеславна думать, что в одиночку вызвала это изменения в Никсе. Он уже доказал себе и всему миру, что может измениться. Из того немногого, что Никс рассказал мне о своем прошлом, он, безусловно, является человеком, который может совершить любой подвиг, который сочтет необходимым.

Но мне нравится думать, что я маленькая причина того, что он чаще улыбается. И я хочу сделать своей миссией постоянно вызывать улыбку на его лице. Я не хочу, чтобы он когда-нибудь боялся или был бешеным, или злым снова. Я хочу, чтобы он знал только добро и счастливую жизнь.

Я такая типичная девушка.

Субботнее утро, и я лежу в постели с Никсом впервые за всю неделю. «Рейнджерс» снова уехали из города, поэтому мы остались здесь прошлой ночью. Мы смотрели самый тупой фильм, который я когда-либо видела — «Человеческая многоножка», это было не только глупо, но и пугающе абсурдно.

Даже смесь ужаса и бюджетных эффектов не смогли заставить мои глаза оставаться открытыми. Я уснула, положив голову на колени Никса. Он разбудил меня самым сладким из поцелуев, когда уже шли титры.

Прежде чем я поняла, мы оба были раздеты, и я лежала голая на диване. После того как наши тела извивались в различных позах, я получила оргазм, и Никс, наконец, отнес мое голое тело обратно в свою спальню, где мы оба уснули.

Сейчас я слышу, как Ник возится на кухне, и знаю, что он готовит завтрак для нас. Я хотела бы остаться здесь и получить завтрак в постель, но предпочитаю провести время, наблюдая, как он готовит, и разговаривать с ним.

Я выскальзываю из кровати и подхожу к шкафу, где вытаскиваю его футболку. Не думаю, что он будет возражать, если я одолжу одну из них. На самом деле он признался мне однажды, что после первой ночи, которую я спала у него, когда Никс забрал меня из клуба, образ меня в его футболке на следующий день сильно заводил его.

Может быть, я смогу повторить это утро.

Я открываю ящик, чтобы схватить первую футболку сверху. Мои пальцы что-то нащупывают: что-то твердое и мягкое. Натянув футболку, я вижу черную бархатную коробочку. Моя первая мысль, что это не женская шкатулка. Она толще и квадратнее по размеру и спереди есть маленькая защелка.

Мое любопытство берет верх. Мне вдруг хочется увидеть, какому типу ювелирных изделий Никс Кэлдвелл отдает предпочтение. Потому что я не могу представить, чтобы мужчина носил какие-либо украшения, кроме часов.

Откинув защелку, я поднимаю верхнюю крышку, и у меня перехватывает дыхание.

На подложке из черного бархата лежит бело-голубая ленточка с медалью в форме креста. Я знаю, что это военная награда, но не знаю ее значение. Жаль, что мой iPhone лежит в гостинной.

Потом я вижу телефон Никса на тумбочке и хватаю его, прежде чем моя совесть может диктовать иное. Я быстро ввожу в Гугл «военные медали» и нажимаю на вкладку «изображения».

Сразу же нахожу, что держу Военно-морской крест в моей руке. Я читаю статью в Википедии, что он вручается за проявленный героизм во время участия в действиях против врага Соединенных Штатов.

Я кладу телефон Никса в сторону и убираю орден на место. Глажу пальцами металлическую поверхность, и мне интересно, что произошло в Афганистане, за что Никс заслужил это.

И почему это засунуто на дно ящика с его футболками?

Есть кусок бумаги, сложенный в верхней части футляра, и я разворачиваю его. Он гласит, «Президент Соединенных Штатов Америки награждает орденом Военно-морского креста Никсона Генри Кэлдвелла, сержанта корпуса морской пехоты США, лидера команды 2Д взвода группы «Браво», спецназа морской пехоты, первая дивизия морской пехоты ФМФ в поддержку операции «НЕСОКРУШИМАЯ свобода»...

— Что ты делаешь? — я слышу рычание Никса из дверного проема и подпрыгиваю. Он так сильно испугал меня.

Он смотрит на меня с пылающей яростью в глазах. Его кулаки сжаты, а челюсть напряжена. Он в ярости, а я так облажалась.

Я стою и начинаю запинаться.

— Мне очень жаль. Я взяла футболку из твоего ящика и увидела его там. Я просто... мне стало любопытно. — Я держу орден в одной руке, а бумагу в другой.

Ожидая реакцию на мое маленькое «любопытное» признание, и чтобы улучшить настроение Никса, я улыбаюсь ему смущенной улыбкой. Это его не впечатляет. Вместо этого, он идет ко мне и вырывает крест и документ из моих рук. Открыв ящик, Никс бросает их и захлопывает его, в результате чего зеркало наверху сильно трясется...

Он обходит вокруг меня.

— Больше не ройся в моих вещах.

— Извини, Никс. Я не буду.

Напряжение покидает его плечи, но я не умею держать рот на замке, поэтому спрашиваю:

— Что эта за орден?

Неверный ход.

Его спина снова напрягается, и он подходит ко мне.

— Иисус Христос, Эмили. Разве ты не знаешь, как не лезть не в свое собачье дело?

Я отшатываюсь от его слов. Никто никогда не говорил со мной с такой ненавистью и угрозой раньше. И он еще не закончил. Он кладет обе руки на свою голову и смотрит в потолок.

— Бл*дь! — он кричит, не обращаясь конкретно ко мне.

Именно в этот момент я осознаю, что полностью обнажена, так как не успела надеть футболку, которую позаимствовала. Я быстро натягиваю ее через голову, потому что чувствую себя уязвимой под ярким светом его гнева.

Подхожу к нему и чувствую, что имею дело с диким животным.

— Мне так жаль...

Он делает шаг назад от меня, гнев и ярость по-прежнему на его лице. Он протягивает ко мне руки в жесте «держись подальше от меня».

— Я просто... хотела узнать немного больше о тебе... думала... орден мог сделать что-то с твоими ранами...

Опять... неверный ход. Я, видимо, не знаю, как заткнуться.

Если я думала, что Никс был взбешен, то сильно ошибалась.

Его лицо краснеет, и, клянусь, в зрачках виднеется пламя. Он бросается ко мне и хватается мои плечи. Это не больно, но и не приятно.

Он направляет меня к двери спальни и резко говорит:

— Это не сработает, Эмили. Я хочу, чтобы ты ушла.

Я упираюсь пятками в пол. Ох, черт, нет, я не уйду.

— Подожди, Никс. Мне жаль. Я отстану. Ты не должен рассказывать мне что-нибудь о том, что произошло там.

А затем плотина взорвется:

— Пошла ты, Эмили. Нельзя без спросу раскопать чужие личные вещи, а потом просто извиниться. Почему ты не можешь оставить меня в покое? Мне нужно было быть осмотрительнее, когда я доверился тебе. Я думал, что ты уважаешь мою личную жизнь, но ты, бл*дь, как и все остальные. Ты хочешь копать и выяснять, какие демоны заставили мой мир перевернуться. Ну, значит иди на хрен, Эмили! Мне не нужно это дерьмо, я не нуждаюсь в тебе. А теперь убирайся и не смей снова искать со мной встреч!

Я замираю в оцепенении. Не знаю, что сказать, и я нахожусь в шоке от боли и ненависти в его словах. Я пересекла непростительную линию с Никсом и не смогу ничего изменить.

Но пробую еще раз:

— Пожалуйста, Никс. Я сожалею...

Он не обращает на меня внимания. Выталкивает меня за дверь спальни и говорит:

— У тебя есть пять минут, чтобы убраться из моего дома, или я выброшу твою голую задницу отсюда. Не провоцируй меня, Эмили.

Затем он захлопывает дверь перед моим носом.

Я замираю, на секунду, прежде чем зарыдать. Закрываю рот ладонью и прислоняюсь спиной к двери, чтобы Никс не услышал. Я не дам ему такой роскоши... дать знать, что он сделал мне больно.

Ступив в гостиную, слезы снова текут по моему лицу. Я даже не знаю, как одеться, но делаю это. Когда проскальзываю в туфли, я осознаю, что Харли подталкивает меня своим носом. Он пытается привлечь мое внимание, а я его игнорирую. Наконец, он начинает скулить, и я останавливаюсь, чтобы посмотреть на его мордашку. Печаль настигает меня, и я падаю на колени, обвив руками его шею. Уткнувшись лицом в его мягкий мех, я освобождаюсь от рыданий. Я чувствую резкую боль в центре груди и уверена, что это разрывается мое сердце.

Наконец, я отпрыгиваю обратно в смущении, увидев Никса в коридоре: он стоит, скрестив руки на груди, наблюдая за мной, как я плачу на шее Харли. Его лицо холодное и невозмутимое, но я вижу, как на нем что-то мелькает, когда он наблюдает за нами.

Он здесь, чтобы извиниться? Умолять меня остаться?

Я приму. Я скажу «да».

— Харли... ко мне, — говорит он. И независимо от того, насколько я несчастна, Харли предан Никсу, как это и должно быть. Он отворачивается от меня и бежит к своему хозяину, толкая свою голову в руку Никса. Я замечаю, что Никс даже не пытается гладить Харли, и это о многом говорит мне.

Никс поворачивается ко мне спиной и идет обратно в спальню, тихо закрыв за собой дверь. Я бы предпочла, чтобы он хлопнул ею, это означало бы, что он по-прежнему под контролем гнева. Вместо этого я слышу тихое принятие ситуации, и это режет глубже, чем гнев.

Я собираю оставшиеся вещи и покидаю квартиру, зная, что моя жизнь не будет прежней.

27 глава

Никс

2 недели спустя

В ожидании я включаю ноутбук и хватаю пиво. Харли свернулся калачиком у моих ног. Мы отсиживаемся в грязном отеле в городе Олени, Иллинойс, в течение двух дней. Это последний этап нашего путешествия из Калифорнии. Я задержался и не совсем готов вернуться к реальности. Но завтра... точно... я возвращаюсь домой в Нью-Джерси.

Открыв Outlook, я делаю большой глоток пива. Мне нужно отправить письмо, и оно сделает одного человека очень счастливым, и, надеюсь, это сработает еще для двоих людей.

Мне нужно подумать о том, что собираюсь сказать, поэтому я временно откладываю это, и провожу время за чтением моих переписок за последние несколько недель.

Я горю от стыда и большой вины, когда читаю первое письмо от Линка.

Дата: 10 ноября 2012 8:17 утра

Кому: Никс Кэлдвелл [harleydog@gmail.com]

От: Линк Кэлдвелл [lincnlog@yahoo.com]

Re: С Днем Рождения, Мудак!

Никс,

Какого хрена, чувак? Ты уехал, не сказав мне, куда? Хорошо, что ты, по крайней мере, дал отцу знать, что ты путешествуешь, или я бы надрал тебе задницу. Ты задолжал объяснения. Я не знаю, что произошло между тобой и Эмили, но Райан очень зол на тебя. Я сказал тебе не причинять ей боль, и ты в итоге это сделал, но я знаю, что ты не делал этого намеренно. Ты не такой. Я надеюсь, ты все исправил. Скучаю по тебе, дружище.

О, и с днем морской пехоты!

Всегда верен (прим. ред. Корпус морской пехоты США использует этот девиз с 1883 года, также девиз войск специального назначения Швейцарской Конфедерации)

Линк.

Да, я пронизан чувством вины и стыда. Я не хотел намеренно обидеть Эмили. Я был так зол, так боялся, что она узнает правду обо мне, что у меня не было абсолютно никакого контроля над моими словами. Я никогда в жизни не хотел причинить ей боль, но все равно сделал ей больно. И ненавижу себя за это.

Следующее прочитанное письмо — это начало моего пути обратно к спасению.

У меня заняло меньше двадцати четырех часов, чтобы решить упаковать вещи и отправиться в путь после того, как я выгнал Эмили из своей квартиры. Немного больше времени заняло у меня, чтобы понять, что мне нужна помощь, и я обратился к доктору Антоняк.

Дата: 11 ноября 2012 6:21 утра

Кому: М. Антоняк к [m.antoniak@wrnmmc.gov]

От: Никс Кэлдвелл [harleydog@gmail.com]

Re: Помощь

Уважаемая доктор Антоняк:

Мне кажется, что я очень сильно испоганил всю свою жизнь, и мне очень нужно поговорить с вами. К сожалению, я нахожусь в Калифорнии, так что, очевидно, не смогу прийти и увидеть вас. Можем ли мы организовать телефонный сеанс?

Просто голова кругом, я оказался в ситуации, когда моя ярость полностью одержала надо мной верх, и я боюсь, что сказал Эмили некоторые слова, которые довольно непростительны. Я не знаю что делать, но хотел бы попытаться это исправить. Любая помощь будет очень ценна.

С уважением, Никс Кэлдвелл.

Мне повезло, что доктор Антоняк ответила мне почти сразу. Мы договорились о часовом сеансе по телефону на следующий день. Большую часть времени я рассказывал ей в мелких подробностях, что произошло в моей спальне, когда Эмили нашла мой «Военно-морской крест». Мы опять вернулись к той же проблеме, с которой начинали. Я страдаю от большой вины за то, что произошло с Полом, и доктор Антоняк была довольно уверена, что я в полном дерьме, пока не начну противостоять этому чувству.

Она не сказала конкретно в этих терминах, но это то, что я понял.

Я провел всю следующую неделю, говоря с доктором Антоняк в течение трех телефонных сеансов. Она присылала мне электронные письма со словами поддержки.

Сейчас я читаю одно из них.

Дата: 16 ноября 2012 4:02 вечера

Кому: Никс Кэлдвелл [harleydog@gmail.com]

От: М. Антоняк [m.antoniak@wrnmmc.gov]

Re: Ты сможешь сделать это

Дорогой Никс,

Небольшое сообщение, чтобы дать знать, что я думаю, что у нас сегодня был очень хороший телефонный сеанс. Ты знаешь решения на все свои проблемы. Черт, ты, вероятно, знал решения всегда. Тебе только нужно набраться силы духа, чтобы оттолкнуть свои

страхи и противостоят своей вине в голове.

Ты должен пойти увидаться с Полом. Должен поговорить с ним о своем чувстве вины. Помни, что не имеет значения, что он скажет. Это неважно, как он это воспримет. Важно только то, что после этого ты почувствуешь, как камень, который тянул тебя вниз, упадет с твоей груди. Я лично верю, что Пол даст именно то, что тебе нужно, чтобы залечить свои раны.

Последний совет. Ты должен позвонить Эмили как можно скорее. Ты должен довериться и ей тоже. Теперь подними задницу, пойдти и сделай это. Я в тебя верю.

Д-р Антоняк.

Это последнее письмо дало мне желаемый эффект, и я считаю, что готов к тому, чтобы сделать это. Я открываю новое письмо доктору Антоняк, и начинаю печатать.

Дата: 18 ноября 2012 10:48 вечера

Кому: М. Антоняк [m.antoniak@wrnmtc.gov]

От: Никс Кэлдвелл [harleydog@gmail.com]

Re: Ну что ж, приступим...

Уважаемая д-р Антоняк:

Я возвращаюсь и буду дома завтра вечером. Я планирую увидеть ее, после буду наконец-то готов увидеть Пола.

Я дам вам знать, как все пройдет.

С уважением, Никс.

Я нажимаю «Отправить», а затем закрываю ноутбук. Сажусь на кровати и допиваю пиво. Мои мысли только об Эмили, как обычно.

Я так скучаю по ней.

Я не могу поверить, как всё испортил. Я даже не был уверен, что у нас было что-то, что можно было испоганить. Но как только я выгнал ее из моей жизни, то понял, сколько она сделала для меня. Я думаю, что был только половиной человека, прежде чем встретил Эмили, а теперь у меня не стало ничего, кроме пустой, засохшей шелухи, после того когда она ушла.

За последние два года я провел все свое время, пытаюсь скрыться от своих чувств. Я боялся мучений, которые они приносили мне. Я пришел к тому, что боль от утраты Эмили превосходит все, что со мной происходило.

И это осознание с шокирующей ясностью дало мне понять, что мне нечего бояться, при разговоре с Полом. Ничто не ранит так, как отсутствие Эмили в моей жизни.

Вероятно, я потерял ее навсегда, и эти последствия мне придется нести до конца. Но мне нужно дать ей знать, что она научила меня многому в течение нескольких недель, которые мы общались. Она показала мне путь к моему собственному спасению, и я, наконец, стал достаточно сильным, чтобы идти к нему.

28 глава

Эмили

Сегодня пятница, и я пытаюсь учиться. Мои глаза бесцельно просматривают страницы, прежде чем я понимаю, что не осознала ни единого слова.

Я отбрасываю учебник в сторону от разочарования. Это бесполезно... я не могу сосредоточиться.

Так продолжается последние две недели. Все, о чем я могу думать, — это Никс, и как сильно я облажалась перед ним. Мое сердце разбито, и я не знаю, как это исправить. Никс злится, и я не знаю, что с этим делать. Я чувствую себя бесполезной... и одинокой.

Также я устала от этого чувства. Я должна отделаться от него и жить дальше. Совершенно ясно, что все, что было с Никсом закончено, и нет пути назад.

К сожалению, я не чувствую, что нас ждет какое-либо продолжение.

Я не слышала ни слова от Никса. Я написала ему на следующий день после нашей стычки, спрашивая его, хочет ли он, чтобы я по-прежнему работала на него. Я уже знала ответ на этот вопрос, но отчаянно нуждалась в каком-то контакте с ним... Хоть в каком-нибудь.

Его ответ был коротким и резким.

«Просто заплати мне, когда получишь свои трастовые деньги».

Это был не он. Совсем ничего общего.

У меня не было смелости, чтобы повторить попытку. Это слишком больно, терпеть эту резкую холодность от него.

Данни и Фил были замечательными. Они подставляли свои плечи для слез. Обе слушали мою ругань, жалобы, плач, стоны и ор. Они проклинали Никса со мной и защищали мои чувства. Обе угрожали отрезать ему яйца ради меня, но также я знала, они обе поприветствовали бы его с распростертыми объятиями, если бы он зашел через мою дверь, потому что знали, что это сделало бы меня счастливой.

Райан совсем другое дело. Я еще даже не говорила с ним, но, тем не менее, Данни рассказала ему обо всем. Я не думаю, что Райан будет рад, если Никс зайдет в мою дверь, но на самом деле это не имеет значения. Этого в любом случае не произойдет.

К большому удивлению, я даже сказала своим родителям о нашем расставании, и они оказали поразительную поддержку. Я имею в виду, моя мать не угрожала отрезать ему яйца, но она сказала, что иногда мужчинам просто нужно время, чтобы увидеть ошибки на своем пути.

Я ненавидела то, что она сказала мне, потому что из-за этого мои надежды жили дольше, чем положено.

«Вот и все», — говорю я себе.

Я встаю с дивана и топаю на кухню. Я заканчиваю жалеть себя. Пора бросить мысли с Никсе Кэлдвелле и снова сконцентрироваться на своей безумной жизни.

Я открываю холодильник и достаю бутылку вина, которую откупорила несколько дней назад. Даже не заморачиваюсь с бокалом и наливаю в чашку из-под кофе.

Ах, преимущества свободы.

Возвращаясь в гостиную, я делаю щедрый глоток. Может быть, я напьюсь сегодня вечером. Как только собираюсь снова сесть, кто-то стучит в дверь.

Поставив вино, я подхожу к двери и смотрю через глазок. Мой мир начинает рушиться, я вижу Никса по другую сторону двери.

Мое сердце начинает биться быстрее, а кожа покрывается мурашками. Я вдруг понимаю, что ношу его футболку. Это же ее я натянула, когда он выгнал меня из квартиры.

Несколько дней спустя, когда нашла ее в корзине для белья, я начала носить ее, даже не осознавая этого. Я не стирала ее, потому что она пахла, как он, я носила ее дома, когда мне было грустно.

Может быть, он здесь из-за футболки. Конечно, не было никакой другой причины.

Я делаю глубокий вдох и открываю дверь. Как только мои глаза встречаются с его, моя напускная храбрость и мой разум двигаются в разных направлениях. Вместо этого я признаю красивого, сломленного человека, в которого я влюбилась.

И слезы сразу же появляются в моих глазах.

Торопливо моргая, говорю шепотом:

— Что ты здесь делаешь?

— Могу ли я пройти, чтобы мы поговорили?

Пройти? Должна ли я позволить ему? Или я должна оставаться непреклонной и неуступчивой?

— Хорошо, — я сразу сдаюсь, сделав шаг назад от двери.

Никс, как всегда, выглядит очень аппетитным. В простой футболке и джинсах. Нисколько не отличается от того, что он обычно носит, но ему очень идет. Его волосы немного подстрижены, но та легкая щетина, которую я так люблю, все еще на месте.

Он заходит, осторожно закрыв за собой дверь.

Я стараюсь, чтобы мои слова были решительными, уверенными. Мне нужно огородить себя от дальнейшей боли.

— Что тебе нужно, Никс?

— Ты.

Мои ноги превращаются в желе после одного простого слова. Понимает ли он силу того, что только что сказал? Тот факт, что я готова подчиниться его власти, приводит меня в шок.

Я качаю головой, пытаюсь очистить свои мысли.

— Я думаю, что немного поздно. Ты так не считаешь?

— Возможно. Но я должен был попытаться.

Я отворачиваюсь от него и иду в гостиную. Слышу, что он следует за мной. Я делаю глоток вина, надеюсь, что это взбодрит меня. На вкус как уксус во рту.

— Эмили, — тихо говорит он.

Посмотрев на него, я ничего не могу поделать, сразу же теряюсь в ловушке его глаз.

— Я никогда не смогу сказать тебе, как жалею о тех словах, которые наговорил тебе. Это было непростительно. Единственное, что я могу сделать, — это предложить тебе способ понять их.

Он привлек мое внимание, но я понятия не имею, что он пытается сказать.

— Как это?

— Я хочу, чтобы ты поехала со мной в Вашингтон, хочу объяснить тебе, что произошло в Афганистане... почему я был зол, когда увидел орден, почему я сказал тебе эти ужасные слова.

— И ты не можешь сделать это здесь?

Он качает головой, его выражение полно решимости.

— Нет, чтобы это было зачтено, это должно быть сделано перед другим человеком. Перед моим лучшим другом, Полом.

Что? У него есть лучший друг по имени Пол?

Я не знала этого, но почему я не удивлена? Я многое не знаю о Никсе.

— Когда ты хочешь поехать?

— Сейчас.

Сейчас? Твою мать.

— Я знаю, что это пугает тебя, — продолжает он, — но я отчаянно хочу, исправить все, что произошло с тобой, и это единственный способ. Чем скорее мы сможем поехать, тем быстрее ты сможешь полностью понять меня. То есть... если ты хочешь.

Мне не нужно даже думать об этом. Я не могу с собой ничего поделаться, я люблю Никса Кэлдвелла. Если он готов рискнуть и открыть всю свою боль мне, я готова поехать даже на Луну с ним, если только он попросит.

Я достаточно умна, понимать, что это не означает, что мы снова будем вместе. На самом деле он не предлагает мне ничего больше, чем способ понять его в этот момент.

Ничего из этого не имеет значения, хотя... Совсем нет.

Не существует ничего, чего бы я ни сделала для Никса.

— Хорошо, поехали.

Наша поездка в Вашингтон была однообразная и довольно тихая. Никс рассказал мне, что он путешествовал по стране с Харли. Они ездили в Калифорнию и обратно. Он сказал, что он использовал это время, чтобы подумать. Он также поговорил со своим психотерапевтом, доктором Антоняк, по телефону несколько раз. Они, видимо, обсуждали меня, но Никс сказал, что подробности расскажет мне позже. Единственное, что я узнала о Поле, что он якобы лучший друг Никса, и что они служили в морской пехоте вместе во время его последнего задания.

Когда мы приблизились к дому Пола, Никс рванул в отель. Он объяснил это тем, что сейчас очень поздно, и мы разбудим Пола, поэтому останемся на ночь в отеле. Он вернулся с ключами от двух номеров и вручил мне мой. Я ничего не сказала, хотя мысль о двух номерах расстроила меня. Это заставило меня думать, что Никс не очень верит, что мы можем пройти через это.

Проехав несколько миль по дороге, мы въезжаем в небольшой район среднего класса. Он, наконец, находит дом, который ищет, и мы выходим.

Повернувшись ко мне, он протягивает руку и гладит мою щеку.

— Я боюсь, Эмили. Потому что ты должна будешь услышать то, за что мне невероятно стыдно. Я делаю это, потому что хочу, чтобы ты поняла, почему я накричал на тебе. Я надеюсь, что это позволит тебе, возможно, простить меня.

Я просто киваю, потому что не знаю, что сказать. Я могу только представлять, воображать худшее, и я могу только молиться, что все, что узнаю о Никсе, не столь ужасно, что мои воспоминания о нем будут запятнаны навсегда. Думаю, что мне столь же страшно, как и ему сейчас.

Мы выходим из его грузовика, и Никс ведет меня к крыльцу. С каждым шагом он нервничает, его плечи становятся более сторбившимися. Он выглядит, как будто идет на свою смерть.

После короткого стука, дверь распахивается, и я вижу красивого, коренастого мужчину, который смотрит на Никса. У него очень короткие волосы одной длины. Он блондин, и у него ярко-синие глаза. Он гораздо ниже, чем Никс, но это не играет против него. Под его

футболкой и штанами выделяется неплохое телосложение.

— Никс Кэлдвелл, — человек говорит с благоговением. — Я и не думал, что доживу до долбаного дня, когда ты появишься на моем пороге.

Его слова смягчаются. В глазах что-то сверкает, что я не могу назвать, хотя это могут быть просто слезы. Никс не двигается, но парень этого не замечает. Вместо этого он шагает в направлении Никса и обнимает его большой медвежьей хваткой. Никс колеблется только на одну секунду, а затем его руки плотно обнимают другого человека.

Расцепив объятия, Никс делает шаг назад ко мне.

— Пол... это Эмили Бёрнэм. Моя очень хорошая подруга.

Мои брови поднимаются. Хорошая подруга? Это правда?

Я понятия не имею, кто мы друг для друга. Если бы спросили меня — особенно после того, как все закончилось — я не уверена, что мы были гораздо больше, чем друзья по сексу. Акцент на сексе, а не на друзьях.

Пол подает мне руку.

— Эмили... рад с тобой познакомиться. Никс не рассказывал мне, что у него есть такая красивая подруга.

Я краснею, потому что это был самый приятный комплимент, который мужчина может сказать.

Пол приглашает нас войти. Он говорит нам о своей невесте, Мари, которая все еще на работе. Он, кажется, по-настоящему рад видеть Никса, но я не вижу, что это взаимно. Никс напряжен, и это исходит от него вибрирующими волнами.

Я могу сказать, что Пол будет болтать и дальше, если Никс не остановит его, и это именно то, что он делает.

— Слушай, Пол. Мне нужно поговорить с тобой кое о чем серьезном.

Беззаботная улыбка Пола быстро угасает.

— Конечно, чувак. Что у тебя на уме?

Я сижу рядом с Никсом на диване, а Пол сидит в кресле напротив нас. Я немного поворачиваюсь, чтобы можно было видеть лицо Никса, когда он говорит. Он явно испытывает стресс. Мой желудок сжимается, видя его дискомфорт, и я чувствую, что меня может просто стошнить от страха из-за того, что собирается сделать Никс.

Никс наклоняется к Полу, облокотившись на колени. Он отпускает руки свободно висеть в течение минуты, но потом крепко сжимает их вместе. Я хочу положить свою руку между его рук, чтобы утешить его, но не делаю этого. Я замираю на месте от страха и ужаса.

— Пол... Я должен сказать тебе кое-что, что я должен был сказать тебе несколько лет назад, и это разрывает меня на части. Хуже, это превращает меня в кого-то, кто мне не нравится, поэтому мне нужно, чтобы это ушло из моей груди.

Пол взволнованно смотрит на него и говорит:

— Никс... чувак... что за херня? Ты меня пугаешь.

«Он меня тоже пугает, Пол».

Никс делает глубокий вдох и продолжает:

— Ну ладно, поехали. Пол... мне нужно извиниться перед тобой. Чувство вины за то, что я сделал, съедает меня, чувак. И я надеюсь, ты простишь меня однажды. Но я хочу, чтобы ты знал, как я сожалею.

Я смотрю туда-сюда между Никсом и Полом. Похоже, Никс готов сломаться, а Пол? Пол выглядит... злым. Это не сулит ничего хорошего.

Затем Пол делает немислимое, он начинает смеяться. Подлинным, глубоким смехом. Я смотрю на Никса, который выглядит удивленным.

— Какого черта ты смеешься над этим? — Никс звучит оскорбленным, каким он, видимо, и должен быть. Никс только что обнажил свою душу, а Пол смеется над ним.

Пол, наконец, успокаивается. Он наклоняется вперед в собственном кресле и указывает пальцем на Никса.

— Давай кое-что проясним. Наш отряд застревает в гуще перестрелки. Я получаю пулю. Как и ты. Ты тащишь меня в безопасное место и спасаешь мою жизнь, и ты... ты... извиняешься? Ты куришь крэк или что-то еще?

В его голосе больше не сквозит веселье. В самом деле, похоже, что он разозлился.

Никс резко встает с дивана.

— Это не так, и ты это знаешь. Из-за меня получилось, что тебе оторвало гребаные ноги. — Как будто доказывая свою точку зрения, Никс идет к Полу и подтягивает обе штанины на его брюках. Я вижу сине-серые металлические прутья, которые торчат и исчезают в его теннисных туфлях.

— Посмотри на это, Эмили. Ты хотела знать, что ты нашла в моем ящике. Это то, за что мне дали орден.

Мои глаза расширяются от удивления. Я смотрю на мужчину с двумя протезами вместо ног. Я ничего не могу сказать. Он ходит... прекрасно. Не хромая. Никакой неуклюжей походки.

Удивительно.

Никс поднимает руки в воздухе.

— Бл*дь, я не могу сделать это. Я думал, что могу, но это не так.

Он подходит к двери, открывает ее и выходит наружу.

Я просто сижу в гробовой тишине, размышляя, что делать дальше. Наконец, Пол встает и трясет каждую ногу по очереди, чтобы поправить свои брюки.

— Хочешь пива?

— Конечно, — отвечаю я. Потому что понятия не имею, что еще сказать.

— Проходи в кухню. Я расскажу тебе всю историю.

29 глава

Эмили

Пол достает два пива из холодильника для нас и открывает их. Мы сидим на его кухне.

— Вы больше, чем просто друзья с Никсом, — подмечает он.

— Не совсем. Может быть, раньше... но не сейчас.

Он наблюдает за мной, когда делает очередной глоток пива.

— Почему Никс захотел приехать сюда?

Я пожимаю плечами.

— Я не уверена. Он психанул на меня несколько недель назад, потому что я нашла его крест военно-морского флота и спросила его об этом. Я не видела его с тех пор. Он просто слинял. Следующее, что я знаю, он появился на пороге моего дома сегодня днем. Он хотел, чтобы я приехала сюда с ним, чтобы он смог объяснить, почему вышел из себя.

Пол ставит свое пиво и прислоняется к стойке.

— Я встретил Никса шесть лет назад, когда нас назначили на одно подразделение. Мы совершили обе поездки в Афганистан вместе... лучшие друзья... навсегда.

— Чем вы занимались в морской пехоте?

— Мы были частью Командования сил специальных операций Корпуса морской пехоты США. Это команда спецназа морской пехоты. Нас учили делать различные вещи. Мы как аналог морских котиков. Наша последняя миссия заключалась в патрулировании местных деревень, помощь в защите против талибов, попытки договориться с талибами и помощь в дальнейшем обучении местных полицейских и военных сил.

Голос Пола низкий и мелодичный. Я сижу на краю стула и, наконец, получаю информацию, которую надеялась, однажды, мне расскажет Никс.

— Одним из самых опасных аспектов нашей работы была угроза атаки «зеленых на синих».

— Что это?

— Это, в основном, афганские силы, атакующие силы НАТО. Как правило, люди, с которыми мы тесно сотрудничаем. Скажем, например, нас могли послать в местную деревню на несколько месяцев. Мы работали с местной полицией, чтобы помочь обучить их защищать деревню. К сожалению, многие из них тайная часть «Талибана». А атака «зеленых на синих» — когда один из них нападает на нас.

Это ужасно и невероятно пугающе.

— Как вы кому-либо доверяли?

— Мы не доверяли. Мы научились смотреть на все, как будто в любой момент кто-то может наставить на тебя пистолет. В любом случае, это случилось с нами. Однажды ночью, во время патрулирования, несколько человек афганской полиции, с которой мы работали, повернулись к нам и открыли огонь. Вспыхнула перестрелка, и троих из нас прижали. Это были я, Никс и наш приятель, Гарри.

Пол поднимает свое пиво и делает глоток, прежде чем продолжает. Я чувствую, что вся как на иголках, смотрю ужастик и жду чудовища, которое выпрыгнет и напугает меня.

— Нам пришлось звать в поддержку вертолет, чтобы он помог нам, но талибы превосходили нас по численности и двигались в сторону нашей позиции. У нас не было выбора, кроме как попытаться изменить наш путь и выйти на возвышенность, чтобы вертолет мог бы легко и доступно сесть. К сожалению, все трое из нас были ранены. Я был ранен в правое бедро и уверен, что пуля попала в кость, потому что не мог ступить на ногу. Гарри получил одну прямо в живот и истекал кровью. И Никс... он получил одну.

Я закончил за него:

— ...в грудь.

Пол кивает.

— Верно. К счастью, пуля попала довольно высоко, чуть ниже его плеча. Поэтому он был еще довольно мобилен. Во всяком случае, у нас было краткое обсуждение и было решено, что Никс отнесет Гарри первым, в то время как я буду прикрывать их от огня. Так и сделали. Хотя Никс был с пулевым отверстием, он смог отнести Гарри до безопасного места, где приземлился вертолет. После Никс вернулся, чтобы забрать меня.

Мое сердце бешено колотилось. Я боялась за жизнь Никса, хотя знала, что все миновало.

— Что произошло дальше?

— Никс вернулся, забросил меня себе на плечо и побежал оттуда, пока я стрелял из

своего 9ти-мм пистолета в них... вися практически вниз головой на спине.

— Но... — я знаю, что наступает кульминация.

— Но... один из афганцев бросил в нас гранату. Она не попала прямо в нас, но упала достаточно близко, в результате взрыва Никс оступился. Мы оба рухнули на землю. Никс поднялся на ноги и тащил меня за руки, когда прилетела вторая граната. Я помню ее посадку, когда она взорвалась прямо в пяти шагах от моих ног.

— Я сожалею, Пол.

— Эй, — тихо говорит он и берет мою руку. — Нет. Это история героя, не более того. Граната оторвала мои ноги, и она подбросил Никса в воздух. Он ударился о землю так сильно, что его мозг, вероятно, взболтался и, конечно, он был с пулевым отверстием в груди. Хотя это не помешало ему. Он подполз ко мне и начал тащить меня в безопасное место. Конечно, я весил намного меньше к тому времени.

Я в ужасе смотрю на Пола.

— Блин. Ты и Никс, нужно немного расслабиться. Вы оба слишком напряжены.

Я пытаюсь улыбнуться, но у меня ничего не получается. Я прочищаю горло.

— Извини. Что произошло дальше?

— Никс принес меня в безопасное место. Вертолет прилетел за нами, и мы отправились в полевой хирургический госпиталь. Тогда мы были разделены. С медицинской точки зрения Никс был в состоянии стабилизироваться намного быстрее, чем я. Но мы оба, в конечном итоге, оказались в Национальном военно-медицинском центре Уолтера Рида.

Я некоторое время молчала. Никс вышел из себя, когда я нашла орден. Он приехал сюда, чтобы извиниться перед Полом. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что он чувствует себя так, будто сделал что-то неправильно в спасении. Но после того, что Пол только что сказал мне, я не могу понять что.

— Что случилось с Гарри? — спрашиваю я.

Прежде чем Пол отвечает, Никс сообщает мне информацию голосом, который едва слышнее шепота.

— Он умер на вертолете.

Я оборачиваюсь и вижу, что Никс прислонился к дверному косяку. Он выглядит грустным. Измотанным.

— Если бы я забрал Пола первым, у него все еще были бы ноги. Гарри все равно бы умер, потому что он бы не выжил... не с такой раной в животе. Если бы я взял Пола первого, он бы остался с ногами.

В этом был источник вины Никса. Он раздумывал над своим решением все это время. Имея возможность обдумывать прошлое в спокойных условиях, он решил, что сделал неправильный выбор.

Я хочу ударить его.

Но прежде чем я успеваю что-то сказать, Пол обходит стол и встает перед Никсом.

— Вытащи голову из задницы, приятель. Ты не единственный, кто принял это решение. Мы решили это вместе.

— Что, черт возьми, ты знаешь? Ты страдал от потери крови.

— Как и ты, придурок. Это было правильным решением. Если бы у нас были все шансы спасти Гарри, мы бы отвезли его к врачам в первую очередь. В конечном итоге они не смогли спасти его, но это было все-таки правильное решение.

Никс молчит, переваривая это. Пол не понимает. Он хватается Никса за затылок и

заставляет его смотреть на него.

— Услышь меня, когда я говорю... я бы опять принял это же решение за всех, даже зная то, что знаю сейчас. И если ты будешь честен с собой, ты скажешь то же самое.

Никс опускает голову, и он, кажется, обдумывает то, что говорит Пол. Я хочу обнять его так сильно, но это не время и не место. Сейчас это работа Пола.

— Никс, — Пол говорит тихо, жестко. — Ты должен отпустить это, чувак. Ты сделал все правильно и спас мне жизнь. Ты меня слышишь. Ты не причина, по которой я потерял ноги... ты причина, по которой я все еще живу. Ты. Спас. Мою. Жизнь. Я навсегда в долгу перед тобой.

Я смотрю на Пола и Никса сквозь туман из слез, которые льются по моему лицу. Я вижу что-то красивое здесь... то, что я никогда не видела в жизни.

Внимательно слежу за Никсом. Я вижу боль и страх, а потом надежду, что, возможно, он представлял все неправильно. Что, возможно, в его жизни есть больше целей, чем он когда-то думал. Я вижу, что он хочет верить тому, что говорит Пол, но боится рисковать. Он погряз в чувстве вины и страданий, что сама идея, что он мог на самом деле быть настоящим героем, является слишком чуждой ему.

Пол, наконец, говорит, еще раз:

— Спасибо тебе, Никс, за спасение моей жизни. Ты самый удивительный человек, которого я знаю, и я имею честь называть тебя лучшим другом.

И тогда я вижу это. Я вижу тот момент, когда Никс, наконец, отпускает боль. Он немного выпрямляется. Налет вины спадает с его глаз, и я вижу небольшую улыбку благоговения на его красивых губах.

Он ничего не говорит, но этого и не нужно, Пол притягивает его в объятия.

Остальная часть вечера была приятной. Невеста Пола, Мария, пришла домой с пиццей. Мы с ней ели на кухне, знакомясь друг с другом. Никс и Пол проводили время в гостиной, беседуя вполголоса. Когда мы закончили, я крепко обняла Пола и Марию. Я не уверена, что когда-нибудь увижу их снова, но надеюсь на это.

В отеле мы идем в наши номера. Никс был заметно тише и спокойней по дороге сюда. Я не уверена, чего от него ожидать. Черт, я не знаю, чего жду, но я все еще хочу просто обнять его и поблагодарить за то, что он поделился частью себя со мной. И наконец дал себе разрешение быть свободным от чувства вины.

Мы добираемся до моего номера, и я держу ключ в руках.

Никс спрашивает:

— Могу я войти? Я хочу показать тебе кое-что.

— Конечно, — говорю я с улыбкой. Я понятия не имею, намеревается ли он показать мне фотографии своей поездки на Запад или хочет меня соблазнить. В случае выбора я за второй вариант, но сейчас просто благодарна, что он хочет поговорить.

После того как дверь закрывается, я оборачиваюсь, чтобы взглянуть на Никса.

— Что ты себя чувствуешь после беседы с Полом?

— Освобождение. Облегчение. — Он замолчал на секунду. — Умиротворение.

Я улыбаюсь ему.

— Я так рада. Спасибо, что поделился со мной. Я в восторге, что знаю кого-то вроде

тебя.

Судорожный вдох, и Никс выглядит почти застенчивым.

— Так... как я сказал... я хочу тебе кое-что показать, если ты не против.

— Конечно. — Мне очень любопытно.

Никс, не стесняясь, стягивает свою футболку через голову. Это происходит каждый раз, когда я вижу его потрясающий торс... все мысли улечиваются и все, что я могу думать:

«О, боже мой, он великолепен».

Он бросает футболку и просто смотрит на меня. Я не знаю, чего он хочет от меня. Он хочет, чтобы я сделала шаг? Потому что если это так, то я готова броситься в его объятия.

Мой взгляд проходит по его телу вниз, затем вверх, и сразу останавливается на глазах, и я вижу там веселье.

Я еще раз повторяю осмотр, более неторопливо осматривая его грудь.

А потом дыхание перехватывает. Я вижу, что он хочет показать мне. Его татуировка закончена.

Я не вижу того, что там написано, но свиток уже отходит от его ребер слева и поднимается вверх по левым грудным мышцам. Тату завивается сверху и останавливается прямо на его сердце. Я вижу, что в конце свиток завершен. Татуировка закончена.

— Ты закончил свою татуировку? — Я в восторге, что он нашел для себя достаточно вдохновляющие цитаты, которые имели для него значение, и закончил так быстро. Я изнемогаю от желания подойти ближе и посмотреть, какие откровения он написал на своих ребрах и груди, чтобы завершить произведение искусства.

— Я это сделал. Можешь посмотреть ближе.

О, боже, конечно.

Я подхожу к нему на дрожащих ногах. Кончики пальцев покалывает только от одной мысли касаться его кожи. Я знаю, что мне не нужно прикасаться к его телу, чтобы прочитать татуировки, но я собираюсь это сделать.

Подойдя к той стороне, где начинается татуировка, я замечаю, что Никс смотрит на меня напряженно. Я делаю круг вокруг его спины. Следую пальцами по его коже, оценивая, как его мускулы дергаются от моего прикосновения. Наконец добираюсь до места, где раньше заканчивалась татуировка, и касаюсь слов:

«Я решил пройти по жизни с любовью. Ненависть — слишком тяжелое бремя. Мартин Лютер Кинг Младший 1929–1968».

Это была последняя запись, которую я видела.

Я вглядываюсь в следующее слово.

«Эмили».

И следующее...

«Эмили».

И далее...

«Эмили».

Я позволяю пальцам касаться слов.

Я ошарашена. Мое имя несколько десятков раз написано на его теле. Я прослеживаю его по ребрам и снова встаю перед Никсом. Скольжу пальцами по татуировке...

«Эмили, Эмили, Эмили...»

Все дальше и дальше, вверх по груди, затем спускаясь к его сердцу. Последние два слова:

«Моя Эмили».

Я поднимаю свои глаза на Никса, который смотрит на меня напряженно. Он затаил дыхание, ожидая моей реакции. И он ее получает.

Я сразу начинаю рыдать.

— О, Эмили... не плачь, — он пытается успокоить меня.

Его руки обнимают меня, притягивая к груди. Моя щека покоится на вершине моего имени.

Никс целует меня в макушку.

— Тебе нравится?

Я киваю головой и всхлипываю сильнее.

Наконец, он поднимает меня, хватая салфетки из комода и несет меня к кровати. Сидя на краю, он усаживает меня на свои колени и позволяет плакать. Когда я, наконец, измучена, я тихо лежу, любуясь красотой этого человека.

Мой Никс.

Так же как я его Эмили.

Никс оставляет поцелуй на моей макушке.

— Спасибо, что приехала сюда со мной, Эм. Я не уверен, что набрался бы смелости поговорить с Полом, если бы ты не поехала.

Я откидываюсь на спину, так, что могу видеть его лицо, и отвожу руку, чтобы погладить его по щеке.

— Я рада, что ты попросил.

Никс накрывает мою руку своей и закрывает глаза, наслаждаясь прикосновением. Когда он открывает их, они горят.

— Я хочу заняться с тобой любовью, Эмили. Ты позволишь мне?

О, мой бог. Эти слова я хотела услышать, но не хочу искать смысл в них.

Медленно киваю, держа свой язык за зубами.

Никс впивается в меня своими губами. Рот с готовностью открывается ему и его язык проскальзывает внутрь для неторопливого исследования. Я погружаюсь в это чувство, не желая отпустить его.

Никс вдруг отстраняется.

— Ты заметила, я сказал, что хочу «заняться любовью»?

Он улыбается мне, и в этот раз его улыбка отличается от всего, что я когда-либо видела на его лице. Она совершенно спокойная... умиротворенная.

— Я заметила.

— Я просто хотел убедиться, что ты слышала. Потому что... теперь у нас все по-другому.

— Как по-другому? — произношу я шепотом.

— Ну, во-первых, не думай, что мой стиль изменится. Я все также буду вбиваться в тебя так сильно, что тебя будет слышно за пределами этих стен.

Только эта мысль заставляет мои пальцы сжаться.

— Разница сейчас в том... я люблю тебя больше, чем воздух, которым дышу, и я чувствую себя так пусто без тебя в моей жизни. Поэтому независимо от того, как непристойно, жестко или быстро это будет, мы всегда будем заниматься любовью, детка.

Я сажусь и быстро закидываю свою ногу на Никса. Я седлаю его и хватаю его лицо своими руками. Его прекрасные зеленые глаза смотрят в мои с неограниченной любовью и

желанием.

— О, Никс. Я так сильно люблю тебя. Больше, чем я когда-либо считала возможным.

Он дарит мне короткий поцелуй, затем отстраняется.

— Я никогда не чувствовал себя таким потерянным, как эти последние две недели. Не могу поверить, что никогда даже не признавал глубину чувств, которую к тебе испытываю... пока не потерял тебя. Мне так жаль, что я сделал это с тобой, Эмили. Я обещаю, что буду держать твое сердце с величайшей осторожностью, если ты будешь доверять мне.

Я вздыхаю и прислоняюсь лбом к его. Я, наконец, понимаю это. Понимаю, как любовь может проникнуть в тебя так глубоко, что затрагивает каждую фибру твоей души.

— Никс... ты самый удивительный человек, которого я когда-либо знала. Я слишком потеряна без тебя. Мое сердце твое, но если ты хочешь сохранить его.

— Как насчет навсегда? — говорит он, потирая нос.

— По рукам.

Никс наклоняется ко мне, и мы сливаемся в поцелуе, который не поддается логике. Он глубже, чем каньон, выше стратосферы и жарче лавы. Он говорит об обещании любви и благодарности, что мы нашли друг друга.

Мы быстро раздеваемся, шепча нежные слова любви и сексуальные слова, наполненные страстью.

Перед тем как Никс скользит в меня, я еще раз смотрю на свое имя, вытатуированное на его сердце, и я знаю, что мы оба боролись с невероятными разногласиями, чтобы найти свой путь в жизни друг друга. Мы так отличаемся друг от друга, тем не менее, мы похожи. Мы с ним упорно трудились, чтобы преодолеть все, что удерживало нас в прошлом.

Мы нашли любовь вместе, и это великолепно.

Эпилог

Эмили

Шесть месяцев спустя

Я вытаскиваю одну наволочку из корзины и подношу ее к носу. Глубоко вдохнув, издаю мягкий стон. Ничто не пахнет лучше, чем чистое постельное белье из сушилки. Засовывая подушку в наволочку, я смеюсь над своей новой семейной жизнью.

Я заправляю кровать Никса. Мы, наконец, закончили ремонт, подвели воду к его дому, и он вернулся в него. Я говорю «мы» закончили ремонт, потому что очень горжусь тем, что помогала более чем просто заправлять кровать свежим постельным бельем. Последние несколько месяцев я провела большую часть моих выходных здесь, с Никсом, помогая ему с ремонтом. Я люблю этот дом и то время, что провела здесь с ним.

И я люблю все свое время, проведенное с Никсом, где бы мы ни находились.

Когда я заканчиваю со второй подушкой, звонит телефон. Я протягиваю руку, чтобы взять его.

— Здравствуйте... личная горничная Никса Кэлдвелла.

Теплый смех встречает меня на другом конце провода. Это Пол.

— Эй, Эм. Парень надел на тебя костюм французской горничной?

Я фыркаю.

— Едва ли... он предпочитает, чтобы я ходила голая.

Я слышу, что Пол глубоко вдыхает и, похоже, он поперхнулся на другом конце. После приступа смеха вперемешку с кашлем, он спрашивает:

— Говоря о первом... он здесь?

— Да, подожди.

Положив трубку в руку, я кричу в сторону открытой двери спальни. Никс внизу в гостиной, пытается подключить всю свою электронику. Я оставила его там, ругающегося себе под нос.

— Никс! Пол на телефоне.

Я слышу громкие проклятия, и что-то падает на пол. Никс поднимает трубку внизу, и я вешаю здесь.

Никс и Пол прошли долгий путь с того вечера много месяцев назад, когда Никс признался в своих несуществующих грехах нам обоим. Освободившись от боли и вины, Никс легко окунулся в прочную дружбу с Полом, которая сложилась до их травм.

Мое сердце готово взорваться, просто от мысли, как Никс легко смеется с Полом. Или то, как они дразнят друг друга беспощадно. Блин... Пол даже заставил Никса смеяться над его шутками о протезах. Это дружба не подвластна времени.

Вытащив простыню, я поднимаю ее, и она парит над огромным матрасом. Никс купил новую кровать, когда вернулся в свой дом. Он сказал, чтобы я не сомневалась, что мы используем каждый ее квадратный сантиметр, и мое лицо краснеет, вспомнив, как мы ее окрестили. Забравшись на кровать, чтобы разгладить простынь в дальних углах, я вспоминаю, как в прошлую ночь он трахал меня, пока я лежала на спине, а голова свешивалась сбоку матраса. Я могла видеть дверь его ванной своим практически перевернутым кверху ногами зрением, пока он отправлял на небеса мое тело. Я дрожу от этого воспоминания.

Прежде чем могу перейти к следующему углу, я ощущаю, что матрас прогибается, и Никс хватается меня за талию со спины. Он тянет мои бедра назад, пока они не прижимаются к его очень жесткой эрекции. Желание разгорается в моем животе, и я трусь об него. Этот шаг рассчитан свести его с ума, но, кажется, он в настроении не торопиться. Я знаю это, потому что он ничего не делает, просто мурлыкает, прежде чем прижимает меня к матрасу и медленно накрывает своим телом.

Перекатившись на свою сторону, он тянет меня за собой, тепло от его груди обжигает через тонкий материал моей футболки со спины. Его руки аккуратно обнимают мою талию, и он крепко меня сжимает. Я до сих пор чувствую его твердость, прижимающуюся к моему заду, но он не делает ничего, кроме того, что утыкается носом в мои волосы и глубоко вдыхает их запах. Я могу сказать, это, безусловно, будет медленно и нежно.

— Как поживают Пол и Мария? — спрашиваю я, упиваясь тем, что Никс просто хочет обнимать меня какое-то время.

— Хорошо. Он сказал, что они, возможно, приедут навестить нас на этих выходных.

— Потрясающе. Я знаю, что Мария хочет посмотреть на свадебные платья, так что я возьму ее в город в субботу днем.

— В то время как Пол и я можем остаться здесь и пить пиво, хорошо?

Я хихикаю. Идея о том, что Никс отправляется с нами покупать свадебные платья, забавляет меня.

— Конечно, вы можете остаться здесь с Полом и пить пиво.

Никс не отвечает, потому что он сейчас занят, посасывая мою шею. Его рука спускается с моей талии и переходит к моим бедрам, нежно лаская меня. Я люблю, когда Никс хочет сделать это медленно, но он сводит меня с ума от нетерпения.

Никс вдруг отодвигается от меня и толкает меня на спину. Опираясь на одну руку, он парит надо мной, ища мое лицо.

— Переезжай ко мне?

Я моргаю в ответ. Я не уверена, как это получилось. Находясь под влиянием жесткого доказательства, что только что было прижато к моему телу, я поражена, что эта мысль даже пришла в голову Никса. Мы никогда не обсуждали ничего подобного ранее.

Проведя пальцами по его подбородку, я спрашиваю:

— Зачем, малыш? Мы проводим почти каждую ночь вместе, то у тебя, то у меня.

Его глаза темнеют и становятся серьезными, но он пожимает плечами, как будто не понимая своих собственных желаний.

— Я не знаю... это, кажется, следующий логический шаг для нас: съехаться вместе.

Мое сердце поет от любви к этому человеку. Он хочет сделать наши отношения более серьезными, и он прав, это то, что большинство людей делают. И хотя я не хочу ничего больше, чем назвать это место нашим с Никсом домом однажды, у меня есть и другие обязательства.

Наклонившись, я дарю ему нежный поцелуй.

— Я не могу оставить Фил. Я должна быть ее соседкой по комнате, пока мы не окончим университет в следующем году.

Никс прижимает свой лоб к моему и глубоко вздыхает.

— Я знаю. И ты права.

Немного отстранившись, он снова смотрит в мои глаза. Одной рукой он обхватывает мою голову, как будто боится, что я пропущу то, что он собирается сказать. Поглаживая большим пальцем мою щеку, он говорит:

— Я просто хочу, чтобы ты знала, что это навсегда. Моя любовь к тебе. Мое сердце является твоим рабом, и я просто хочу, чтобы ты была рядом со мной... всегда.

Я не могу сдержать свою сентиментальность, а Никс знает меня достаточно хорошо, так что он не удивлен внезапным порывом слез, наполняющих мои глаза. На самом деле, вид их заставляет его подарить мне нежную улыбку.

— Никс, ты — мой мир, и так будет всегда.

Мы ничего не говорим больше, но еще один сладкий поцелуй от Никса превращается вдруг в пожар. Разговор забыт, наши руки начинают соприкасаться. У Никса есть власть заставить меня забыть кто я, когда он ко мне прикасается. Он сказал, что его сердце является моим рабом, но эта мысль работает в обоих направлениях. Но он также владеет моим телом, и я полностью одобряю это.

Как только рука Никса достигает моих трусиков, мой iPhone начинает звонить из заднего кармана. Я тянусь, чтобы взять его, но Никс шепчет напротив моих губ:

— Не отвечай.

На долю секунды я колеблюсь, потому что Никс расстегнул мои штаны, и его рука только что скользнула в мои трусики. Но потом я прихожу в себя и беру свой телефон.

— Ты знаешь, я должна ответить на него.

Он не отвечает, но начинает целовать мои мочки, а его палец скользит в меня. Я задыхаюсь, и я смотрю на имя абонента.

Райан.

Я не смогу говорить с моим братом, когда палец Никса глубоко проникает в меня, поэтому я тяну его за запястье. Ни он на секунду не смягчается, шевеля пальцем таким образом, что каждая мышца в моем теле натягивается. Затем его рука выскользывает, и он дарит мне озорную улыбку, целуя меня в кончик носа.

Моя кровь стучит по венам, и я надеюсь успокоить дыхание, чтобы ответить на телефонный звонок и не раскрыть тот факт, что рука Никса только что была в моих трусиках.

— Эй, Райан.

— Время пришло, — говорит он просто.

Я смотрю на Никса, и он посмеивается над волнением в моих глазах.

— Мы в пути.

Я готова стать тетей.

Никс

Я смотрю, как Эмили держит ребенка, и моя грудь сжимается. В ее медно-карих глазах нежность и теплота, а губы поджаты, когда она воркует над свертком в своих руках. Маленькая Амелия Грейс Бёрнэм.

Я делаю это часто в последнее время... ценю простые вещи. Я осматриваю палату больницы и вижу богатство в простоте, что глубоко отзывается во мне.

Данни лежит в постели, ее взгляд на ее дочери в объятиях Эмили. Рука Райана держит Данни. Он крутит ее обручальное кольцо между своим большим и указательным пальцем, когда смотрит на Данни и их дочь.

Линк говорит с конгрессменом Бёрнэм... Мне все еще тяжело называть его Алекс, как он неоднократно просил меня. Руки Линка засунуты в карманы, и он раскачивается на пятках... Конгрессмен Бёрнэм... я имею в виду Алекс... смеется над чем-то, что говорит Линк, одной рукой небрежно опершись на дверную раму, ведущую в ванную комнату. С Линком пришла спортивный репортер, которую предложила Эмили, и она сидит в углу, нервно закусив губу и стараясь быть незаметной.

Мои глаза переходят к миссис Бёрнэм. Женщине, о которой я узнал много нового, наблюдая за ее простыми жестами.

Сейчас она сжимает свой жемчуг в одной руке, а другая лежит на плече Эмили. Она смотрит на Амелию Грейс, в то время как ее большой палец нежно потирает ткань блузки Эмили.

Еще раз осмотрев комнату, я понимаю всю глубину того, что здесь происходит. Здесь есть девичья надежда, материнская любовь, благодарность мужа, братское озорство, радость отца, нервозность незнакомки и мое собственное бессмертное смирение оценить все это.

Эмили встает и передает Амелию в руки своей матери.

Селия берет ребенка и садится в только что освободившееся кресло Эмили. Ее выражение лица столь же мягкое и теплое как было у Эмили всего несколько секунд назад. Она женщина, в чьей жизни произошли большие изменения — и я чертовски уважаю ее за это. Она сейчас эмоционально присутствует в жизни своих детей, и даже сблизилась с

Данни. Но, черт возьми, все полюбят Данни после того, как поговорят с ней около пяти минут. Селия Бёрнэм, как и я, решила, что жизнь слишком коротка, чтобы впустую тратить драгоценные моменты.

Эмили странно смотрит на меня и выходит за дверь. Никто, казалось, не заметил, так что я встаю и следую за ней.

Оглядывая коридор, я не вижу ее, поэтому направляюсь в вестибюль. Свернув за угол, я вижу ее, стоящую у огромной стены у окна с видом на городские улицы. Ее лицо задумчиво, а руки скрещены на животе. Подхожу к ней сзади и обнимаю ее, проскальзывая руками под ее, поэтому теперь мои руки лежат на ее животе. Наклонившись вперед, я кладу свой подбородок на ее плечо.

— О чем ты думаешь?

Эмили откидывает свою голову назад мне на плечо, и я прижимаю ее еще ближе. Ее руки теперь поверх моих, кончики пальцев, поглаживают кожу тыльной стороны моих ладоней.

— Я просто думал о том, как удивительна Амелия. Я никогда не держала ребенка...

Она замолкает, замороженная новым чудом жизни, свидетелем которой она стала. Я улыбаюсь про себя, хотя уверен, что это очевидно, и снаружи. Мы оба просто стоим молча, растворяясь друг в друге и наших мыслях.

Настанет ли день, когда я сделаю именно то, что Райан сделал? Такой простой жест... крутить обручальное кольцо своей жены, одновременно смотря на нее со всей любовью и преданностью?

Такое простое действие...

И я понимаю... нет ничего простого в моей любви к Эмили. Все переплетено и сложно. Она въелась в каждую клетку, которая плавает в моей крови. Я тот, кто лучше потеряет конечность, или четыре, чем быть без нее, и мгновенно все становится кристально ясно: я уверен, что в ее мягком животе, который я обнимаю прямо сейчас, будет ребеночек от меня. Что Эмили станет матерью наших детей, и наши дети подарят нам внуков.

Я растопырываю ладонь на животе Эмили и прижимаю ее чуть крепче к себе. Наклонившись, шепчу ей на ухо:

— Настанет день, Эмили, в будущем, когда наш ребенок будет здесь. И когда это произойдет, это будет второй самый счастливый день в моей жизни.

Я не вижу ее лица, но чувствую ее улыбку от моих слов. Она обхватывает меня руками.

— Второй счастливый? Какой же будет первым?

Уткнувшись в ее шею, я говорю ей:

— День, когда ты согласишься выйти за меня замуж.

Она вздрагивает в моих руках и поворачивается, чтобы посмотреть на меня.

— Но... ты еще не спрашивал меня.

Схватив ее руки, я оборачиваю их вокруг своей шеи. Быстро целую ее в губы и улыбаюсь ей.

— Я знаю.

Ее брови приподнимаются, и она поджимает губы.

— Я знаю? Это все что ты можешь сказать после того, как обрушил на меня тот факт, что мы когда-нибудь поженимся и заведем детей?

— Сейчас больше нечего сказать. Я люблю тебя, детка, больше, чем свою жизнь. И что самое лучшее... наши счастливые дни еще впереди.

Эмили смеется надо мной, и она яркая, теплая и нежная, как утреннее солнце. Это один из тех простых жестов, который когда-то я расценил бы как нечто само собой разумеющееся.

Но не сейчас.

Теперь... это все для меня.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Заметки

[

←1

]

профессиональный хоккейный клуб, выступающий в Столичном дивизионе, Восточной конференции Национальной хоккейной лиги.

[

←2

]

«Секретный агент МакГайвер» — популярный американский телесериал в жанре приключенческий боевик.

[

←3

]

крупный бриллиант массой в 45,52 карата глубокого сапфирово-синего цвета и размерами 25,60×21,78×12,00 мм. Находится в экспозиции Музея естественной истории при Смитсоновском институте в Вашингтоне. Возможно, самый знаменитый из бриллиантов, находящихся в Новом Свете.